

***КОМИ
ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ***

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

КОМИ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1991

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*)

И. В. Абашидзе, А. Н. Болдырев, Р. Г. Гамзатов,
Н. С. Гилевич, М. А. Дудин, А. В. Западов, М. К. Каноат,
Д. С. Лихачев, А. М. Малдонис, А. А. Михайлов,
Л. М. Мкртчян, Б. И. Олейник, А. И. Павловский

*Вступительная статья,
составление и примечания*

А. К. МИКУШЕВА

К $\frac{4702310200-048}{083(02)-91}$ 405—91

ISBN 5-265-02103-5

© А. К. Микушев: вступ. статья,
составление, примечания, 1991

КОМИ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

1

Коми-зыряне — прежде их называли просто зырянами — вместе с пермяками и удмуртами составляют пермскую ветвь финно-угров. После разделения финно-угорского пранарода на отдельные самостоятельные языковые группы в конце III тысячелетия до н. э. пермяне жили в Прикамье еще примерно полтора тысячелетия, сохраняя тесные экономические и культурные связи с ираноязычными племенами Скифии и волго-камскими булгарами. Переселение предков коми из Прикамья на берега северных рек Вычегды и Вымы началось в X — XI веках и завершилось около XIV — XV века. Однако в последующие столетия продолжалась миграция коми населения далее на север и на восток: на Печору, Мезень, Вашку, Вишеру, протекавшие по территории бывших Архангельской, Вологодской и Вятской губерний. Таким образом коми-зыряне почти за пять столетий заселили обширную территорию тайги, лесотундры и тундры, по площади равную самым крупным странам Европы, например Испании или Франции. Однако на редконаселенной площади живет немногим более миллиона человек, и только треть из них — коми-зыряне.

Переселенцы Прикамья нашли на севере богатые дичью и растительностью места. Впрочем, охотничьи племена и до этого, видимо, ведали о богатствах северного края. Не случайно самый популярный мотив их эпоса посвящается поездке богатырей на Север. Исторические документы, связанные с завоеванием Сибири и походами «на Обь-реку», свидетельствуют о том, что коми охотники не были новичками и в сибирских землях.

А первый человек появился в здешних местах в глубокой древности. По данным археологов, район Печоры был знаком еще неандертальским охотникам. Обитатели палеолитических стоянок на Печоре и бродячие охотники на мамонта, волосатого носорога, северного

олени и пещерного медведя оставили свои следы 40—70 тысяч лет тому назад. Недолговременные охотничьи стоянки связаны с потеплением климата. Последовавшее затем оледенение заставило мустьерского человека покинуть северные места. И только в период мезолита, примерно с VII тысячелетия до н. э., по берегам крупнейших рек и озер возникают устойчивые поселения охотников и рыбаков: несмотря на прохладный климат, северо-восток Европы манил к себе людей водными ресурсами, флорой и фауной. По водоносности река Печора уступает в европейской части СССР только Волге, а приток Печоры Уса превосходит Дон. Обширное «лесное царство» заполнено сосной, елью, пихтой, лиственницей, мелколиственными деревьями. Лесотундра и тундра славятся ягелем, ерниковыми зарослями и кустарниками. В северных водоемах насчитывают 40 видов ценных рыб — семга, окуня, нельмы, сига, хариуса. Еще богаче представлен животный мир — 50 видов млекопитающих и более 500 видов птиц. Из них промысловое значение имеют лось, белка, куница, лиса, гориостай, заяц, рябчик, глухарь.

Промысел пушиного зверя издавна благоприятствовал связям края не только с ближайшими соседями. В сорока четырех местных археологических могильниках найдены германские, чешские, датские и голландские монеты, предметы прибалтийско-финского происхождения, болгарские и саманидские украшения. Почти все названия металлов в коми языке имеют иранские корни, воспринятые от скифов и сарматов.

Прикамские пришельцы на новых местах получили название «пермь», «коми», «зыряне», «коми-зыряне». В русских исторических источниках, начиная с «Повести временных лет» (XII век) вплоть до XVI века, предки коми именовались «пермь». Предполагают, что данное слово возникло на основе прибалтийско-финского «пере-маа» (отдаленная, задняя земля, Заволочье¹) и через карел и вепсов попало к восточным славянам как древнее название коми-зырян. Впоследствии русские стали называть пермян заимствованным словом из мансийского языка: «саран» — «сирян» — «зырян». Что касается самоназвания «коми», то лингвисты возводят его к слову «кум», «хум» (человек, мужчина).²

На протяжении столетий коми-зыряне создали самобытную устную поэзию. История ее изучения насчитывает более двух веков, начинается с академика Ивана Лепехина, одного из сподвижников М. Ло-

¹ Заволочьем называли территорию в бассейне Северной Двины и Онеги, за «волоками», связывавшими Онежское озеро с Белым морем и Шексной (часть современной Архангельской области).

² Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С. 132.

моносова Именно И Лепехин, побывавший в Коми крае в 70-х годах XVIII века, в своих четырехтомных «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского государства» первым сказал добрые слова о коми фольклоре. И с того времени не переставали сталкиваться друг с другом нередко взаимоисключающие взгляды на устную поэзию коми-зырян Так, в 30-х годах прошлого века на Севере одновременно побывали писатель Н. Надеждин и ученый-путешественник А. Шренк. После возвращения в Петербург они оба опубликовали впечатления о коми народе и его поэзии. Н. Надеждин в петербургском альманахе «Утренняя заря» в 1839 году познакомил русского читателя с образцами коми свадебной поэзии, им самим же переведенными, и с неподдельным восторгом завершил статью словами: «Не хуже иных прочих я мог бы набросать здесь кучу восклицаний: какая простота! какая живопись! какая музыка!.. Тряхнув ученостью, я мог бы доказать, что в зырянской поэзии соединяются и восточная антифония, и классический ритм, и романтическая рифма! Смейтесь, пожалуйста, смейтесь! Но я не перестану никогда повторять тезиса, за публичное защищение которого получил некогда докторскую мантию: „Где жизнь, там и поэзия!“»¹

Напротив, А. Шренк, собравший тоже бесспорно ценный фактический материал о коми, словно полемизируя с Н. Надеждиным, безапелляционно заявил, что коми не поют на родном языке никаких песен, тем более эпических, что «звук кантеле Вяйнямейнена не долетели до берегов Печоры», иными словами, коми якобы не могли создать и не создали ничего подобного карельскому или финскому эпосу о Вяйнямейнене.²

Мнение А. Шренка об отсутствии коми эпоса продержалось в науке более ста лет. Тем неожиданнее оказалось открытие на коми языке уникальной ижмо-колвинской эпической поэзии всего четверть века назад и как раз на берегах Печоры.

Эпическая поэзия как разновидность традиционного фольклора начала формироваться у коми на позднем этапе их исторического развития. Ее истоки восходят ко времени крещения язычников в XIV веке, присоединения края к Московской Руси, образования в ее составе полувассального государства Пермь Вычегодской, во главе которой стоял выдающийся государственный и церковный деятель, соратник Дмитрия Донского, епископ Стефан Пермский.

Возможно, именно по этой причине в коми фольклоре вообще, в эпосе особенно, самой излюбленной темой оказалась тема участия

¹ Цит. по кн.: Немшилова З. Я. В дебрях севера. Сыктывкар, 1983. С. 72.

² См.: Schrenk A. Reise nach dem Nordosten des europäischen Russland. Bd. 1. Dorpat, 1848. S. 222.

финно-угорского народа в укреплении северо-восточных рубежей Московской Руси в период средних веков (XIV — XVI веков), а самыми любимыми героями названы защитники народа от иноземных захватчиков Педор Кирон, богатырь Кирьян-Варьян, Пера — эти верные соратники русских воинов, как сказано в эпосе: «Земли русской держатели, Земли русской крепители».

Однако с самого начала развитие коми эпоса было обусловлено одним немаловажным историческим обстоятельством. Формы государственности, созданные в XIV веке Стефаном Пермским в Перми Вычегодской, вскоре после кончины епископа были преданы забвению его преемниками точно так же, как была забыта и его древнепермская письменность. Таким образом, зачатки государственности, появившейся у коми в XIV веке, заглохли, не успев развиваться. Это сказалось и на судьбах местной культуры, местного фольклора: коми-зыряне не знали развитых форм государственного эпоса, хотя его зачатки в устной традиции южных и западных коми все же обнаруживаются (песни «Педор Кирон», «Богатырь Кирьян-Варьян»). Зато у западных и особенно у северных коми встречаются многообразные древние формы охотничье-оленьеводческого эпоса, связанные с мифологическими воззрениями предков финно-угро-самодийских народов («Отец и одиннадцать сыновей», «Хозяин Керча-реки», «Три Белоглазых хозяина».)

В создании коми эпической поэзии участвовали представители разных этнических групп, а значит и разных диалектов. Правда, дошедший до нас фактический материал более чем неоднороден, но он подтверждает, что эпическая традиция была более развита и лучше сохранена на четырех диалектах коми языка — вымском, нижне- и верхне-вычегодском, ижемском.

Не вдаваясь в детальную характеристику коми диалектов, несколько подробнее остановимся на тех, которые закрепились и в эпических памятниках. На вымском диалекте в настоящее время говорит всего 4,6 процентов коми населения бассейна Выми, таких вымских населенных пунктов, сохранивших эпос, как Весляна, Кони, Турья, Шошка, Оиежье, Княжпогост, Синдор и другие. На говор вымичан опирался и древнекоми литературный язык XIV века. Вымский диалект относится к нуль-эловым, сохраняет редкие слова: «бы» (круг), «кариза» (неряха), «воня» (быстро) и другие.

Нижневычегодский диалект распространен по нижней Вычегде, а также в нижневымских деревнях, например в Ибах, где зафиксированы архаические эпические формы; на нем говорит более 12 процентов коми населения. В нижневычегодский диалект произошло около 50 прибалтийско-финских, преимущественно карельских и вепсских, заимствований: «агас» (борона), «карта» (хозяйство), «козель» (прялка), «сабри» (стог сена).

Верхневычегодский диалект фиксируется в следующих центрах

коми эпической традиции: Корткерос, Усть-Кулом, Керчомья, Помоздино, Вольдино, Скородум, Пожег. Верховья Вычегды были заселены коми-зырянами лишь в XVI—XVII веках, до этого здесь жили угорские племена. Согласно «Писцовым книгам», в конце XVI века по притокам верхней Вычегды начали селиться нижневычегодские, сысольские и удорские коми. На базе их говоров сформировался верхневычегодский диалект. Сегодня на нем говорят более 25 процентов коми-зырян.

Несмотря на фонетические, лексические и морфологические особенности трех диалектов, эпическая традиция вымских, ниже- и верхневычегодских коми-зырян обнаруживает определенное единство как по содержанию, так и по форме. Эпические песни коми тяготеют к формам государственного эпоса богатырского характера, в центре которого стоит защитник народа, государства, коми-русского военного братства. В эпосе трех коми этнических групп преобладают прозаические формы, а также поздние балладные жанры. До нашего времени дошла небольшая часть их эпических произведений, которые мы условно называли собственно коми-зырянским эпосом; именно эти произведения наиболее связаны с устным творчеством финно-пермских народов, с его спецификой, образной системой.

В XVI — XVII веках на базе вымского возник ижемский диалект, включивший в себя и ряд характерных особенностей говора вымичаи. Оба диалекта относятся к нуль-эловому типу. Носители ижемского диалекта (около 55 тысяч человек) живут по берегам рек Ижмы, Усы, средней Печоры, а также на Кольском и Канинском полуостровах, на Ямале и по Оби. Их предки бежали от миссионера Стефана Пермского, не приняв христианства. Оказавшись по соседству с угро-самодийскими народами, коми-зыряне заимствовали от них многие слова, связанные, например, с оленеводческим бытом. Так, в ижемский диалект из самодийских языков проникли слова «айбарч» (струганина), «амдёр» (мягкая подстилка из оленьей шкуры на нартах), «аргыш» (караван грузовых нарт, в котором упряжные олени привязаны за шею к задку впереди идущей нарты), «ворга» (путь, по которому кочуют олени стада) и другие. Эти слова в изобилии встречаются во всех произведениях ижмо-колвинского эпоса. Ижемский диалект значительно пополнился и заимствованиями из хантыйского и маисийского языков: «войт» (место в пойме реки, поросшее кустарником и мелким лесом), «кынь» (песец), «яраи» (ненец). В свою очередь и в угро-самодийских языках оказалось немало коми заимствований. Так, по подсчетам ученых, в хантыйский язык вошло 375, а в маисийский — 338 коми слов.¹

¹ Игушев Е. А. Диалектология коми языка. Сыктывкар, 1982. С. 24—30, 70—86, 93—103. (На коми яз.).

В процессе многовекового взаимодействия финно-пермских, обско-угорских и самодийских языков, а также взаимодействия фольклорных традиций и материальной культуры в XVIII — XIX веках возникает неповторимая жанровая разновидность охотничье-оленоводческого эпоса, которую мы тоже условно определили как ижмо-колвинский эпос. Главные его создатели — и ижемцы, и комизированные иенцы-колвинцы (жители Колвы — правого притока Печоры) — говорят на одном и том же ижемском диалекте коми языка. Учитывая роль тех и других в формировании эпической традиции, мы и избрали это условное наименование — ижмо-колвинский эпос. В отличие от коми-зырянского эпоса он и поныне сохраняется даже в устной традиции, причем в цельном, завершенном виде, значительно превосходит коми-зырянский по количеству зафиксированных эпических памятников.

Сопоставляя два вида коми эпической поэзии, созданных на разных диалектах коми-зырянского языка, следует отметить различие их генезиса и исторических судеб.

2

Коми-зырянский песенный эпос в своей архаической разновидности представлен уникальной песней ижмевымского села Ибы, где живут говорящие на ижмевычегодском диалекте. Это вычегодско-вымская песня «Отец и одиннадцать сыновей». Устные рассказы о существовании в недавнем прошлом среди коми охотников какого-то охотничьего эпоса нам довелось слышать многократно во время фольклорных экспедиций не только на нижней Выме, но и на Ижме. Нередко называлось и имя главного эпического персонажа — Ведэ. К сожалению, несмотря на самые настойчивые поиски, фольклористам удалось зафиксировать помимо указанной выше песни и нескольких песенных фрагментов лишь около десяти прозаических сказаний о битве охотника с тотемным, то есть священным, медведем. Эти варианты тем более ценны, что имеют генетические точки соприкосновения, с одной стороны, с древними ханты-маи-си-йскими эпическими песнями, сопровождавшими ритуальные церемонии так называемых медвежьих праздников, а с другой стороны, с финно-угорскими героическими сказаниями, например с прозаическим коми-пермяцким эпосом о богатыре по прозвищу «Кудым-Ош» (Медведь с берегов Кудыма).

В песенных и прозаических вариантах о юноше-медведеборце акцентировалось внимание на древнем охотничьем «котыре» (роде), обычно артели, во главе которой стоял «ай» (старик-отец). Артель включала отца и одиннадцать сыновей: артель (род) снаряжалась в дальний путь по реке Емве, по реке Весыве (Весляне), прибывала на место стоянки, охотилась. Затем одна группа встретила большого

емвинского медведя, который и проглотил охотников; другая группа встретила большого весывинского медведя, и тот проглотил остальных; в отсутствие отца и братьев подросток юноша-мститель, оставшийся в утробе матери и родившийся после отъезда артели; юноша-мститель отправился на поиски пропавших, встретил большого емвинского медведя и проткнул его рогатиной, освободил братьев из медвежьей утробы, оживил их, встретил большого весывинского медведя и тоже проткнул его рогатиной, освободил и оживил остальных братьев и отца.

Подобная песенная композиция была призвана выделить особую роль младшего брата в судьбах рода, охотничьей артели: песня состоит из двух частей, в первой части действуют отец и одиннадцать сыновей, во второй части младший брат проделывает те же действия, что и старшие. Но старшие не справились с тотемным медведем, а младший брат осиливает его, потому что, как сказано в песне, в дело вмешивается «Ен» (Бог), соответствующий угорскому божеству Торуму: «Коли Ен пожелает — проглотить, если Еи не пожелает — и прежнее-то назад отрыгнешь». Как ханты-мансийский чудесный кователь, как карело-финский Ильмаринен, выковавший Сампо, в вычегодско-вымских песнях младшему богатырю помогает некий безымянный чудесный кователь, создающий чудесные топор, нож, штык-рогатину.

Прозанческие варианты, несмотря на сходный сюжет, отличаются в сюжетных деталях: если в песнях на первый план выступают мотивы богатырские, картины подвига младшего брата, то в сказаниях предпочтение отдается сказочно-новеллистическому элементу. В этом отношении показательно сказание «Шомвуква». Шомвуквой называлась река, на которой происходит действие. Охотничья артель прибывает по Шомвукве на лесное угодье-путик, делится на две группы, одну группу во время рыбной ловли проглатывает большой Васа (Водяной), а другую на охоте проглатывает большой медведь. Младший брат вырастает богатырем-мстителем, отправляется на поиски пропавших родичей, встречается со Светлорусой девушкой, женится на ней, затем отправляется навестить мать, нарушает запрет жены хвастать своим житьем на Шомвукве. За нарушение запрета следует наказание (Светлорусая девушка превращает своих двенадцать сыновей в лебедей, и все скрываются за морем), трудные испытания и счастливая развязка: герой находит жену и сыновей. Как видим, в кульминации сказания сюжет существенно видоизменяется: как в волшебных сказках, медведеборческий мотив из повествования выпадает вовсе. Вычегодско-вымский эпос о юноше-медведеборце послужил отправной точкой при формировании эпических традиций тех коми-зырян, диалекты которых, как мы уже отметили, возникли на основе вымского диалекта (соседствующего с нижневычегодским говором села Ибы) после переселения части вымичан-язычников на

Ижму и Удору в XV — XVII веках. Однако при этом и удорцы, и ижемцы подхватили не песенные, а прозаические формы вычегодско-вымского эпоса. С вычегодско-вымским эпосом перекликаются мифологические предания удорцев о речном чудовище Глоте, заглатывающем коми охотников. Район бытования таких преданий довольно узок (село Глотова).

Значительно шире границы ижемских вариантов. Они были зарегистрированы на Печоре (деревни Денисовка и Абезь) и даже среди ижемских переселенцев Кольского полуострова (село Ловозеро). В ижемских прозаических вариантах сохранились отдельные элементы песенного эпического сюжета: охотничья артель, состоящая из отца Ведэ и его сыновей, во время охоты погибает в пасти большого бобра и в пасти большого черного медведя; вырастает в отсутствие отца и старших братьев младший брат-мстител, узнает от доброй старушки-соседки о гибели родичей; отправляется на поиски погибших родичей, встречает погубителей (бобра и медведя), побивает их, оживляет родичей, возвращается домой. Нетрудно заметить, что в отличие от прозаических вымских вариантов все ижемские сказания о Ведэ точно соответствуют песенному варианту. Различия между ижемскими прозаическими и вычегодско-вымским песенным вариантами не носят принципиального характера.

Однако ижемский эпос об охотнике Ведэ наряду с устоявшимися традиционными формами приобрел в устном бытовании новые, неизвестные вычегодско-вымскому эпосу лиро-эпические импровизационные элементы, сблизившие его с угро-самодийскими песнями судьбы, карело-саамскими йойгами. Можно предположить, что именно на пересечении разновременных и разнокачественных жанровых традиций и возникла лиро-эпическая песенная импровизация автобиографического характера «О Ведэ». В ней вместо эпического сюжета об охотнике-медведеборце Ведэ появилось песенное повествование о трудовых буднях крестьянина, охотника, рыбака, кустика Ведэ, напоминающее песню судьбы. Произведение помимо традиционной фольклорной лексики оказалось насыщенным поздними интерполяциями-вставками: в нем употребляются такие поздние реалии, как кустарное производство, и даже вводятся такие новые, отнюдь не фольклорные, понятия, как «письмо», «почта», «телеграмма».

Как видим, в устном бытовании вымских, удорских и ижемских коми обнаруживаются устойчивые образные аналогии. Это свидетельствует о том, что вычегодско-вымский архаический эпос о юноше-медведеборце имел в прошлом более широкое распространение, чем представляется на первый взгляд. Можно предположить, что единственный дошедший из прошлого, заверченный, хорошо сохранившийся песенный вариант «Отец и одиннадцать сыновей» и дополняющие его единичные прозаические варианты нижневычегодских, вымских, удор-

ских и ижемских коми — это малая часть древнего мифологического охотничьего родоплеменного эпоса предков коми.

К другому пласту коми-зырянского эпоса принадлежат две близкие по сюжету песни о Педоре Кироне и о Кирьяне-Варьяне. Типология этих песен богатырского характера содержит явные элементы классического государственного эпоса. Кстати, песни о Кирьяне-Варьяне сохранились на нижней Выми (село Ибы) среди населения с нижневычегодским диалектом как раз в тех местах, где в XIV — XV веках складывалась государственность Перми Вычегодской.

Совсем иной район бытования песни о Педоре Кироне. Двенадцать ее вариантов, зафиксированные к настоящему времени фольклористами, бытуют очень компактно на верхневычегодском диалекте в соседних селах Помоздино, Вольдино, Усть-Куломе, Керчомье.

Можно ли считать случайной связь между ниже- и верхневычегодскими песнями о помощи коми богатыря русскому войску? Нам представляется, что случайность здесь исключается. Ведь верхневычегодский диалект формировался, как мы отметили выше, на основе ряда говоров, в том числе и нижневычегодского. К тому же нижневычегодским переселенцам-сказителям, оказавшимся в середине века в центре противоборства угорских (угры, йогра) и финно-пермских племен, не могли не импортировать эпические повествования о борьбе богатыря с чужеземцем. В большинстве песен о Педоре Кироне, в отличие от песен о Кирьяне-Варьяне, речь идет о борьбе не с безымянными чужестранцами, а с сибирскими «йогра-яранами». Так в коми фольклоре именовались угро-самодийские племена, действительно в средние века нападавшие на племена коми вычегодские.

Все двенадцать вариантов песни о Педоре Кироне распадаются на три группы. В одних главное внимание сосредоточено на картине прощания матери с Педором Кираном, которого «зовут на войну» с чужеземцами; весть о войне приносят богатырю вещицы птицы; за богатырем посланы двенадцать пар коней. В других песнях центральной частью становится картина ратного подвига богатыря, его битва с чужеземным войском — «йогра-яран». Враги вооружены копьями и рогатинами («штыками»), пытаются изловить сетями богатыря вместе с конем; богатырю нанесено семьдесят семь ран, он погибает, истекает кровью, прощается с богатырским конем, отправляет коня домой с печальной вестью. В третьей песенной группе акцент делается не на прощании богатыря с матерью, не на битве с «йогра-яранами», а на торжестве богатыря, разбивающего вражеское войско; за ратный труд князь предлагает богатырю богатые дары, но он отказывается от них.

Именно к песням третьей группы о Педоре Кироне по своей поэтической структуре, даже текстуально, и примыкает вычегодско-вымская песня о богатыре Кирьяне-Варьяне: царские послы приносят

Кирияну-Варьяну весть о нападении врагов и просьбу Леоинии-царя спасти страну от неприятельского войска; богатырь отправляется на битву с чужеземцем, громит его; царь предлагает Кирияну-Варьяну богатые дары, но победитель отказывается от них.

В центральных образах Педора Кирона и Кирияна-Варьяна, несомненно, отразилась история укрепления северо-восточных рубежей Московской Руси в XIV—XVI веках. И тот, и другой неизменно величались «защитником Русской земли», «русским богатырем». В этой устойчивой образной формуле закрепились народная идея, оценка нерушимого коми-русского воинского братства, выдержавшего испытания на протяжении столетий. Исторические корни этого воинского братства восходят к XI — XII векам, когда установились связи Великого Новгорода с Коми краем. В XIV столетии коми первыми среди финно-угров вошли в состав Московского государства. В XV — XVI веках отряды коми лыжников участвовали в походах московской великокняжеской рати на Обь, а затем и в сибирских походах Ермака. В 1483 году устюжане, вологжане, вымичи, сысоличи, пермяки под предводительством князя Федора Курбского Черного и Ивана Травина разбили за Тюменью угорских князей. В 1499 году лыжный отряд князей Курбского и Ушатого, состоявший опять-таки из вычегжан, вымичей, сысоличей, «Югорскую землю всю повоевали и в полон вели». ¹ Согласно Сибирской летописи, в отрядах Ермака насчитывалось 540 казаков, к которым граф Строганов добавил еще 40 коми охотников. От коми-зырян, ходивших на пушной промысел за Урал, Ермак получил необходимые сведения об удобных путях по реке Чусовой. ²

Но между песнями о Педоре Кироне и о Кирияне-Варьяне заметно не только сходство, но и порой довольно существенное различие. Особенностью формы верхневыхегодских вариантов «Педора Кирона», отличающей их от вычегодско-вымских вариантов песни «Богатырь Кириян-Варьян», является активное взаимодействие песенного и прозаического начал. Почти все варианты «Педора Кирона» снабжаются любопытной ремаркой сказителей — «напевая, можно и сказывать, как сказку».

Такое взаимодействие песни и прозы в эпосе о Педоре Кироне примечательно. Ведь там же, на верхней Вычегде, рядом с песенным эпосом о Педоре Кироне бытовал прозаический эпос о Пере-богатыре, созданный творческими усилиями двух коми народов: пермяков и зырян.

¹ Труды Вятской ученой архивной комиссии 1908 года. Вятка, 1908. Вып. 1. С. 1—14.

² См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. С. 202, 215, 311.

Взаимодействие песенного и прозаического эпосов наблюдается и в других фольклорных центрах европейского севера России. Оно давно привлекало внимание фольклористов. Так, при анализе генезиса и эволюции северорусской былины «Рахта Рагнозерский» К. В. Чистов, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, В. Я. Евсеев и другие не без основания обратились к финно-угорским преданиям о Рахкое из Рагнозера. В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов писали: «Другой источник, из которого сказители XVII — XVIII веков черпали сюжеты для новых былин,— это народные предания. Так, форму былины приняло предание о силаче Рахте Рагнозерском. Предание это известно не только русским крестьянам Прионежья, но и карелам. Вероятно, оно возникло первоначально как карельское (герой его — Рахкой), а затем получило распространение у русских. Былина о Рахте известна только в Пудожском крае, где и находится Рагнозеро. Сюжет былины не во всех деталях ясен».¹

В свою очередь прозаический эпос о Пера самым тесным образом связан с эпическими песнями о Педоре Кироне. Не исключено, что прозаические сказания о Пера стали одним из источников песни о Педоре Кироне.

Предания о Пера циклизуются вокруг трех сюжетов: Пера борется с Ворсой (Лешим) или Васой (Водяным) и побеждает их; послы русского князя или царя зовут Перу на битву против иноземного врага, Пера откликается на зов, побивает врагов и получает в награду охранную грамоту на владение лесом; люди «злющего графа» Строганова не признают права Перы, хотят «замежить» пермяцкие земли, то есть обратить пермяков в крепостных. Пера борется против них, но терпит поражение.

Три подвига — поединки с Ворсой, чужеземцем и Строгановым — это три вида проявления богатырских качеств Перы, три качественных уровня его художественного образа: сказочно-мифологического, богатырского и социально-исторического. Тенденция к сближению сказочно-мифологического и социально-исторического функциональных уровней, при стремлении к усилению последнего, обнаруживается и в образах, противостоящих Пера: чисто мифологического Ворсы, полуреального-полусказочного иноземца и вполне реального исторического лица — графа Строганова. Следует заметить, что если у коми-зырян сюжет о поединке Перы со Строгановым отсутствует, то у коми-пермяков он считается одним из популярных. В данном факте отразилось усиление исторического элемента в прозаических формах эпоса. Ведь в отличие от пермяков зыряне не знали крепостного права и считались государственными крестьянами.

¹ Былины. В 2-х т. / Подгот. текста В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 2. С. 340.

Центральным сюжетом прозаического эпоса о Пере выступает сюжет «поединок богатыря с чужеземцем». Из девяноста семи зарегистрированных М. Н. Ожеговой произведений о Пере сорок три текста связаны с этим эпизодом.¹ Но именно в этом эпизоде наглядно проступает сходство Перы с Педором Кироним и Кирьяном-Варьяном. Мы отметим лишь некоторые, особенно заметные аналогии: 1) Педора Кирона (Кирьяна-Варьяна) зовут на битву гонцы московского князя, послы Левонина-царя; Перу зовет его брат Мизя; 2) гонцы предлагают Педору Кирону (Кирьяну-Варьяну) ехать на пригнанной тройке, богатырь отказывается, едет на собственном коне (или на лыжах), прибывает на поле битвы раньше гонцов; Пера отправляется на поле битвы на собственных лыжах, прибывает туда раньше Мизи; 3) Педор Кирон (Кирьян-Варьян) бьется с вражеским войском, разбивает его; Пера выходит победителем из поединка с иноземцем; 4) Педор Кирон (Кирьян-Варьян) отказывается от царских наград; Пера вместо злата-серебра соглашается принять от царя охранную грамоту на пользование лесным угодьем.

Об активном взаимодействии песенного и прозаического начал в процессе формирования зачатков коми государственного эпоса свидетельствует, помимо произведений о Педоре Кироне и Пере, и так называемый разбойничье-колдовской эпос. Такое наименование получили в коми краеведении 1920-х годов прозаические предания, персонажи которых наделялись чертами разбойников и колдунов или судьбы которых были связаны с разбойничье-колдовскими силами. Некоторые из подобных преданий развивали те же мотивы, что и упоминавшиеся нами карельские сюжеты о Рахкое: потеря силы у Рахты из-за проносов колдуна, неверная жена, выдающая атаману разбойничьей шайки секрет неуязвимости мужа.

Отдельные реалии позволяют хронологически отнести разбойничье-колдовской эпос к периоду разложения у коми-зырян первобытнообщинного строя, выделения из племен эксплуататорской верхушки — старейшины («аек»), наконец, ко времени христианизации коми язычников.²

Основные сюжеты разбойничье-колдовского эпоса циклизуются вокруг шести персонажей: Корт Айки, Юрки, Йиркапа, Шипичи, Яг-Морта и Туиньръяка. О родоплеменном происхождении этих персонажей свидетельствует их локальная приуроченность: все предания об айках, колдунах-разбойниках были первоначально зафиксированы в пределах одного населенного пункта, вероятно, места жительства

¹ О ж е г о в а М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971. С. 50—119.

² См.: М и к у ш е в А. К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973. С. 124—132.

какого-либо котыра — рода: Корт Айку (Железного Айку) знали в деревнях нынешнего вычегодского села Корткероса, Юрка принадлежал жителям соседней деревни Маджи, Шипича — населению нынешнего Сыктывкара, Йиркап — деревне Коии на Выми. Подобные явления наблюдаются в эпосе и других финно-угорских народов. Так, сказания о «Кудым-Оше» (Медведе с Кудыма) знали только коми-пермяки из нынешнего города Кудымкара, сказания о Рахкое рассказывали карелы и вепсы из Рагнозера.

Предания о Корт Айке развивают традиционный в мировом, в том числе в финно-угорском, эпосе сюжет о состязании двух колдунов, точно так же, как мордовские эпические песни о Виряве, мансийский эпос о двух братьях и дочери менква, саамские сказания о Ломпсоло. Непобедимый разбойник и колдун Корт Айка перегородил железной цепью реку Вычегду и начал взимать дани-пошлины с коми рыбаков; другой могучий колдун прибыл к запретному месту и не пожелал уплатить выкупа; разгневанный Корт Айка с помощью заклинания остановил лодку приезжего посреди реки, а тот в свою очередь заговорил любимый хозяином пивной навар-сусло; пришлось хозяину опустить железную цепь на дно Вычегды, а приезжему колдуну снять заговор с сусла.

В ряде коми диалектов «айка» — это свекор, тесть, а в присыктывкарском и верхневыхегодском диалектах, в том числе и корткеросском говоре, «айка» имеет еще и другой смысл: леший, злой дух, обитающий в бане, обитающий в овине. Следовательно, злая колдовская сила корткеросского персонажа подчеркнута уже кличкой «Железный Айка». Кроме того, в древнекоми языке так назывались и родовые старейшины. Во всех вариантах проступает резко отрицательное отношение к старейшинам, к их разбойным, грабительским делам.

В сущности разбой этот осуждается и маджинским эпосом об охотнике Юрке: некогда трудолюбивый и удачливый охотник Юрка после тяжелой болезни решил жить за счет маджинской общины, стал убивать и похищать скот соседей; община расправляется с ним, топит спящего Юрку в озере, предварительно напоив его «суром» (пивом), а затем, чтобы общий грех поделить поровну, люди варят в большом котле обрядовую кашу и сообща поедают ее.

Вымское предание об удачливом охотнике Йиркапе содержит древние языческие элементы, связанные с анимистическими верованиями о дереве-двойнике. В отличие от маджинских сказаний, в вымских сказаниях речь не идет о разбойнике-охотнике. Напротив, сам Йиркап оказывается жертвой людской зависти: Йиркап, подобно карело-финскому Вайнямейнену, отыскивавшему чудесную березу для кантеле, находит в лесу чудесное дерево и изготавливает из него одну чудесную лыжу (если бы смастерил из дерева обе лыжи, то унесли бы они его в иной мир); благодаря чудесной лыже он стремительнее зве-

рей и птиц покрывает расстояние от Выми до Урала (т. е. многие сотни верст), за столь короткое время, что испеченный матерью хлеб не успевает остыть; Ёиркап настигает на Уральских горах голубого оленя и убивает его; удачливость Ёиркапа вызывает зависть тайного любовника матери Ёиркапа; по его наущению мать лишает сына чудесной силы, Ёиркап тонет в Синдорском озере.

Предания о Юрке и об Ёиркапе сохранили такие же древние элементы, как и предания о Корт Айке. Но наряду с этим в них заметно усилился реальный исторический элемент, более или менее точно свидетельствующий о времени возникновения образа. Можно предположить, что сказания о Юрке родились в процессе христианизации коми-зырян в XIV веке. Примечателен их главный постоянный мотив. По просьбе общины в расправе над Юркою принимает участие его «вежай» (крестный): спящего и связанного веревками Юрку соседи сбрасывают в воду с лодки посреди озера, но даже и в таком состоянии не могут его утопить. Очиувшись, Юрка рвет путы, грозит общине и добровольно идет на дно только тогда, когда среди своих погубителей видит крестного. Не возникла ли эта конкретная сцена как обобщенный образный знак-символ победы христианства над язычеством, как знак-символ конкретного XIV века?

Несколько иной характер носит исторический элемент в сказаниях об Ёиркапе. Не исключено, что сцена преследования охотником Ёиркапом голубого оленя, которого он настиг на склонах «Камия», то есть Урала, тоже образно закрепила в народной памяти походы первых коми охотничьих артелей на Урал и в Сибирь, образы тех людей, которые в период средневековья выступали лучшими и надежными проводниками московской рати на «Обь-реку».

Своеобразное сочетание архаических (колдовско-разбойных и других) и подлинно исторических, реальных элементов наблюдается в преданиях о Шипиче. В них видна двуслойность самого сюжета — более древнего о неверной жене, о колдовских способностях Шипичи и более позднего о разбойных делах Шипичи, то есть деяниях с конкретной исторической атрибутикой: Шипича собирает на Каме разбойничью дружину и, награвив с ней богатства, предает ее, а сам с награбленным богатством скрывается, обосновывается в устье Сысолы, вблизи нынешнего Сыктывкара; обладая колдовским даром — он умеет призвать на помощь воды Сысолы, — Шипича чувствует себя в безопасности, но о колдовстве знает его жена; бывшие дружки отыскивали след Шипичи, прибыли на Сысолу, вступили в связь с вероломной женой Шипичи и с ее помощью расправились с атаманом.

В эпосе о Шипиче процесс усиления исторического элемента пошел вглубь. В результате в одном и том же образе черты колдуна-разбойника Шипичи и конкретного реального лица из коми истории

первой половины XVIII века усть-сысольского купца Ивана Суханова слились воедино. Из «Челобитной» его сына Елисея, поданной на имя императрицы Аины Иоаниовны, следует, что в мае 1739 года некие «воровские люди», прибывшие с верховья Вычегды, напали на сухановские дом и заводы, сожгли их, а самого хозяина убили. В начале XVIII века в Коми крае действительно усилились нападения крестьян и беглых на купеческие усадьбы. Это была одна из форм классовых противоречий на севере. В нападении «воровских людей» на Суханова участвовали коми крестьяне, предводительствуемые беглым посадским из Москвы Петром Клакуновым.¹

Мы отметили местные истоки классических эпических традиций, особую роль в их развитии локальных преданий разбойничье-колдовского эпоса. Но на формирование местных эпических традиций оказал воздействие также русский былевой эпос, получивший в средние и последующие века на Печоре широкое распространение.

Фольклористы, начиная с первой четверти прошлого века, неоднократно обращали внимание на два продуктивных пути проионирования русских былин в ииоязычную, в частности финию-угорскую, среду: усвоение и исполнение русских былин финию-угорскими сказителями на русском языке и усвоение от русского населения былинного сюжета, переданного прозой в форме побывальщины. А. М. Астахова отметила и третий, редкий путь освоения былин — переложение русского оригинала на другой язык с сохранением их былинного стиля и стихотворного склада, привела в качестве примера карельскую былину Т. Е. Тураева.² С подобным же переложением русских былин «Илья Муромец и Идолище поганое» и «Илья Муромец и Калии-царь» при сохранении их стиля и склада мы сталкиваемся и в коми песне «Илья Муромец и Калига».

Однако пока недостаточно изучен вопрос о творческой переработке русских былин в ииоязычной среде, хотя накопленный фактический материал позволяет судить о принципах и характере переработки. В этом отношении примечательны уже упоминавшиеся песни о Педоре Кироне, а также песни о Красивом Романие. Песни о Педоре Кироне предоставляют в распоряжение читателей убедительные факты для выводов о влиянии русского былевого эпоса на фольклор соседних народов. Например, у коми-зырян этот процесс нередко осложнялся распространением в прошлом эпизацией русских духовных стихов. Коми сказители перекладывали на свой лад и исполняли не только на русском, но и на родном языке русские духовные стихи, например,

¹ См. подробнее: История Коми АССР / Главный ред. И. Б. Бернин. 2-е изд. Сыктывкар, 1981. С. 73.

² Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М., 1962. С. 75.

об Алексее — человеке божьем. Но если в песне, возникшей на основе стиха об Алексее — человеке божьем, связь с русским фольклорным источником проступает отчетливо, то иная картина открывается в песнях о Педоре Кироне. Конечно, можно установить отдаленные аналогии между коми Педором Кироном и Федором Тирановым (Федором Тироном, Федором Тираном) русских духовных стихов. В коми эпосе частично сохранены даже сюжетная канва, отчасти христианская трактовка отдельных поступков Федора, его матушки и царя Константина. И все же из сопоставления коми и русского фольклорных источников видно, что на иноязычной фольклорной почве, а главное на почве исторической реальности возникли новые художественно самостоятельные произведения, в которых русская фольклорная традиция преобразилась в соответствии с традицией финно-угорских локальных преданий о пермских богатырях.

Взаимодействие коми и русской эпических традиций по-своему выявилось в песнях о Красивом Романе. Эти песни показывают, как на фольклорной почве видоизменилась конкретная русская былина «Князь Роман и Мария Юрьевна». Именно она послужила источником для коми эпической песни. Но это был отнюдь не механический перевод, а творческое состязание разноязычных сказителей, творческая переработка иноязычного источника в соответствии с конкретно-историческим мировоззрением и эстетикой народа-творца. В самом деле, в русском былевом эпосе вынесена достаточно четкая положительная оценка князю Роману, человеку властному, суровому, сильному. Не без основания ученые сближают его с праправнуком Мономаха Романом Мстиславичем Волынским (XII век).¹ Напротив, каких-либо конкретных черт коми в облике Красивого Романа искать бесполезно. К тому же он выступает личностью страдательной и пассивной. Зато все достоинства былинного Романа переиесены на его жену — Красивую Романицу. Она всем сердцем любит родной край, чтит обычаи предков, готова пожертвовать жизнью, чтобы вырваться из неволи. Эта деятельная натура использует первую же возможность, чтобы вернуться на родину. В ней удивительно цельно соединяются гражданские и чисто жеиственные черты. Романица нежно любит Романа, преодолев все преграды, возвращается к нему.

Показательна эволюция образов русской быliny в тех эпизодах, в которых рисуется освобождение Марии Юрьевны из татарской неволи. Марии Юрьевне помогают реки, горы, леса, потому что она стояла «за закон божий, не сронила <...> с главы да золотых венцей», а после чужбины она блюдет пост, чтобы очиститься от «духу-то вся-

¹ См.: Жданов И. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. Спб., 1895. С. 425—523; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 150—153.

кого, погани-то всякой».¹ В большинстве коми песен подобные эпизоды даются более сокращенно. Побег полонянки трактуется буднично: она хитростью усыпляет бдительность новой родни и убегает от нее. Зато детально описывается возвращение полонянки к родному «озыну», как в коми древности называли причал для лодок одного рода. В подобной трансформации поэтики песни не могло не сказаться влияние верхневыхгодского староверческого населения, в среде которого и бытовали песни о Роме. Еще более заметные изменения претерпела песня среди северных коми и комизированных яранов Колвы. Колвинские яраны, крещенные немногим более ста лет назад, вовсе не приняли христианской трактовки поведения Красивой Романицы. Поэтому о ее побеге из татарского плена сказано еще более лаконично, чем в верхневыхгодских вариантах: «Молодушка убежала, К Красному Роману назад отправилась». Вовсе не говорится о склонившейся в молитве молодой женщине и о ее обещании выстроить из спасшего ее дерева часовню. Такое вчерашний язычник не мог обещать.

Развитие коми-зырянских эпических традиций продолжалось и после того, как Пермь Вычегодская пришла в упадок, а сами коми-зыряне оказались разделенными между соседними северными губерниями. Поздними по своему происхождению явились балладные формы эпоса — баллады о полонянках, о Горностай-девице и о деве, проглоченной «большой щукой». Особенностью коми балладных форм стала их недостаточная дифференцированность из других фольклорных жанров, например, из свадебной поэзии, а также их тесная связь с архангельскими фольклорными истоками, обилие элементов языческого дохристианского мировоззрения. Кроме того, коми-зыряне вовсе не знали исторических баллад.

Однако при всем том типология коми баллад сохраняет основной балладный признак: если в центре сказочно-мифологических («Отец и одиннадцать сыновей») и классических героических песен о Педоре Кироне и Кирьяне-Варьяне стоит богатырь, противостоящий злу, отстаивающий свой род-племя или народ, то главным персонажем коми баллады предстает девушка-полонянка, а также Горностай-девица и дева, проглоченная «большой щукой», то есть человек, наименее защищенный, наиболее страдающий от злых сил.

Баллады о девушках-полонянках и о Горностай-девице имеют множество вариантов и распространены почти повсеместно. Зато баллады о деве, проглоченной «большой щукой», стоят в коми фольклоре особняком, зафиксированы лишь от коми-зырян Вишеры (правого притока Вычегды) и верхней Печоры.

¹ Былны. В 2-х т. / Подгот. текста В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 2. С. 109.

Баллады о полонянках насчитывают около тридцати вариантов, однако сюжеты их устойчивы: на девушку и ее род нападает «тьма татар», девушка умоляет отца, мать, брата, сестру о выкупе, но неизменно получает отказ, «тьма татар» увозит ее «в дальний полон». Такие сюжеты относятся к числу мировых, широко представлены в фольклоре народов мира. Богатый сравнительный материал о финно-угорских балладах подобного типа содержится в работах К. Эстляндера, Ю. и К. Крон, Э. Поля, И. Кемпинена, В. Евсеева и других. При явной близости комн и других финно-угорских баллад между ними заметны и определенные различия, порожденные разными конкретно-историческими судьбами их создателей. Эти различия обнаруживаются уже в первой структурной части баллады, в ее экспозиции, рисующей полонение девушки. Различны ситуации, в которых оказывается полонянка. Так, в прибалтийско-финских песнях обычно упоминаются каюта корабля, берег моря, синий мост, замок, остров, лес, заросли тростника или камыша, то есть разнообразный, но всегда типично морской пейзаж. Напротив, экспозиция комн баллад разнообразием не отличается. Центром действия, как правило, избрано некое безымянное городище («Вокруг городища тьма татар стоят»). Своеобразие исторических судеб финно-угров наложило отпечаток и на образ похитителя. В прибалтийско-финских песнях им оказывается некий «Тавалсандер Рыжебородый». В комн балладах речь идет о девушке, похищенной татарами. В роли похитителя предстают и безымянные «немцы-татары». Этот обобщенный собирательный образ насильника обычен и для других комн фольклорных жанров, хотя комн-зыряне, в отличие от остальных финно-угров, не испытали ни татарского, ни немецкого нашествия.

Особенностью комн баллад о полонянках можно считать и их связь со свадебными причитаниями о выкупе невесты. В краеведческой литературе встречаются упоминания о том, что баллады нередко использовались в функции свадебного плача. Но в том-то и дело, что подобная генетическая связь баллад и причитаний не исключается, например, и у славян, хотя у них плачей не сохранилось.¹ Тем более ценным является свидетельство комн устной поэзии при решении вопроса о генезисе жанра баллад о полонянках.

Баллады о Горностай-девице, как и баллады о полонянках, известны тоже почти всем коми этническим группам. Ее тридцать зарегистрированных вариантов делятся на три группы. В одних дается типично северный пейзаж — местоительство Горностай-девицы. В других упор делается на диалог между Горностай-девицей и некоей

¹ См.: Базанов В. Г. Обряд и поэзия // V Международный съезд славистов. София. Доклады советской делегации АН СССР. М., 1963. С. 237.

Турин-девицей. В вариантах третьей группы диалог происходит между Горностай-девицей и ее женихом, бывалым удачливым охотником. Последние часто соединяются то с балладами о полонянках, то с эпическими песнями о похищенной татарами жене Красивого Романа.

Баллады насыщены характерными устойчивыми образными формулами, свойственными для финно-пермских лиро-эпических песенных импровизаций и сельскохозяйственных песен. Самой загадочной устойчивой образной формулой является «Чожмор-ныло Чабаной». Читателю, владеющему современным коми языком, непонятно ни слово «Чожмор», ни слово «Чабаной». Эти два слова встречаются лишь в данных балладах: ни в одном коми фольклорном произведении, а тем более в устной речи они не зарегистрированы. Впрочем, слово «Чожмор» исчезло даже из некоторых песенных вариантов, например, Удоры, Выми и Вишеры. Выражение «Чожмор-ныло Чабаной» приобрело там вид «Чуба-ныв Чабаныв». Лингвисты этимологизируют слово «Чабаной» как «моя пшеничка».

И все же наличие слов «Чожмор» и «Чабаной» в древнекоми языке подтверждается не только песенным фольклором, но и ономастикой и топонимикой. Фамилии Чужмаровых и Чабановых, встречающиеся в коми деревнях Сысольско-Лузского бассейна и поныне, были зарегистрированы еще «Писцовыми книгами» XVII века. В разных коми районах можно отыскать топонимы «Чожмор ёль», «Чужмер куш», «Чабанчомьёль», «Чабан», «Чабанчомкосаёль». Кроме того, родственный коми языку удмуртский сохранил значение древнего слова «горностай», в то время как у коми горностай назван описательно: «хвостатый», «черный хвост». Почему так произошло? Этнографический материал свидетельствует о том, что у коми-зырян горностай некогда действительно почитался священным животным: запрещалось бить горностая вблизи собственного жилища, рекомендовалось давать заболевшим лошадям вместе с хлебом высушенное и размельченное мясо горностая. В «Житии Стефана Пермского» (XIV век) сообщалось, что московский миссионер, разрушая языческие кумирницы зырян, обнаружил в них жертвоприношения богу Ену горностаевыми шкурами. Следовательно, в образной формуле баллады есть основание видеть следы древних тотемистических воззрений предков коми.

О подобных арханческих следах свидетельствуют и четыре варианта баллады о деве, проглоченной «большой щукой». Обращает на себя внимание прапермская образность этих баллад: упоминание более южного, чем у коми-зырян, пейзажа («дуб высокий»), прародины пермян («Комму», «Камы»). Обычен для поэтики финно-пермских заговоров, легенд, сказаний, сказок и образ тотемной «большой щуки», заглатывающей деву. Этот же образ наблюдается и в искусст-

ве так называемого пермского зверного стиля, который считается художественным арсеналом финно-пермской устной поэзии.¹ Для поэтики баллады свойственна и такая деталь, как насыщенность ее сказочными образами, устойчивыми образными формулами: «Распутье трех лесных дорог»; обращение девицы к лодочнику-перевозчику: «Если старый ты, отцом мне будешь; будешь братом мне, если молод ты. Если ты еще моложе, станешь мужем». Примечательно, что архаическая образность и лексика соседствуют в балладах с образами и лексикой явно более позднего происхождения («румяна-белла»).

Таким образом, формирование коми-зырянской эпической традиции в ее временных и жанровых разновидностях — сказочно-мифологической, героической и балладной — происходило на протяжении длительного и сложного исторического периода. Эпические песни и баллады вобрали в себя идеи, образы, изобразительные средства, выработанные национальной фольклорной традицией в разбойничье-колдовском эпосе, импровизационной песне, свадебных причитаниях. Но эпос, как явление интернациональное, общечеловеческое по своей сути, никогда не замыкался в узкие местные рамки. Поэтому-то коми-зырянская эпическая традиция использовала поэтический опыт соседних народов, переработав его в соответствии со своими представлениями. При этом особенно интенсивные контакты наблюдались между коми-зырянами и финно-уграми (удмуртами, пермяками, карелами, вепсами), а позднее на первый план выступает взаимодействие между коми эпосом и русскими былинами.

3

Ижмо-колвинский эпос является уникальным устным творчеством северных коми и колвинских яранов, то есть комизированных ненцев, говорящих на ижемском диалекте коми языка. Именно на этом диалекте эпос окончательно сформировался в том виде, в каком его застали и открыли коми фольклористы в середине нынешнего столетия. Отдельные его произведения записаны от оленеводов не только в северных районах Коми АССР, но и в селе Ловозере на Кольском полуострове, в селе Нёси на Канинском полуострове, в селе Харуте в центре Большеземельской тундры, в селе Каре на побережье Карского моря, в поселке Белоярске на Ямале, в селе Мыжи на Оби и т. д.

Первыми создателями ижмо-колвинского эпоса были колвинские

¹ См.: Грибова Л. С. Пермский зверный стиль. Проблемы семантики. М., 1975. С. 7—91.

яраны, выходцы из села Колвы, расположенного на одноименном правом притоке реки Усы в Ижмо-Печорском бассейне Коми АССР. В XVIII — начале XIX веков они полностью перешли с ненецкого на коми-зырянский язык. Самых себя они по сей день называют колвинскими яранами, реже — коми, то есть определенно отличают себя от коми-зырян, хотя и говорят с ними на одном языке и перенимали от них многие обычаи. Но колвинские яраны отличают себя и от тундровых ненцев, которых называют выненчи.

Не случайно ижмо-колвинский эпос во многом отличен и от коми-зырянского, рассмотренного в предыдущем разделе, и от ненецкого. Различия между ними проявляются в их генезисе и эволюции, в их судьбах. Финно-пермский компонент у ижмо-колвинцев дает о себе знать в гораздо меньшей мере, чем у коми-зырян. Но хотя у них самодийско-угорский компонент выступает на первый план, хотя вполне очевидно сходство тем, образов и персонажей самодийско-угорского и ижмо-колвинского эпосов, ни одну ижмо-колвинскую песню невозможно свести к конкретному, ненецкому, хантыйскому или мансийскому источнику.

Отличие ижмо-колвинского эпоса от ненецкого прослеживается при сопоставлении contemporaneous фольклорных записей. В фундаментальных собраниях ненецкого эпоса XIX — XX веков, появившихся за полутора вековую историю его изучения, в собраниях М. Кастрена, Т. Лехтисало и З. Куприяновой невозможно обнаружить последовательного совпадения ижмо-колвинских и ненецких сюжетных структур.

Формирование ижмо-колвинского эпоса как уникального фольклорного явления началось в связи с этногенезом ижемской этнической группы коми-зырян, которая отпочковалась от вымских коми лишь в XIV — XV веках, после христианизации Перми Вычегодской. Однако, несмотря на позднее происхождение ижмо-колвинского фольклорного явления, само оно содержит contemporaneous раннеэпические, собственно богатырские и позднеэпические пласты. К тому же в сравнении с коми-зырянским ижмо-колвинский эпос богаче жанровыми разновидностями.

В данной книге мы не приводим прозаических сказаний. А именно в них, представляющих первый пласт ижмо-колвинского эпоса, чаще всего и сталкиваешься с ранними эпическими формами. Таковы, например, сказания о двух праматерях — Злой и Доброй женщинах. Аналогичных подобных сказаний отыскиваются не только в финно-пермском фольклоре о злом женском существе Ёме (ижмо-колвинская Злая женщина нередко именуется «Дочерью Ёмы») или в угорских сказаниях о Рог-женщине и Мос-женщине, но даже в устном творчестве всего обширного скандинавско-сибирского субарктического региона.

Самой значительной частью ижмо-колвинского эпоса является второй пласт — собственно богатырские произведения трех жанровых разновидностей — песни, прозаические сказания, смешанные песенно-прозаические повествования. В последних сюжет развивается поочередно то в прозе, то в стихотворной форме. В сюжетном же отношении все три жанра едины. Повторяются сюжеты о богатырском сватовстве, о межродовых конфликтах из-за оленьих стад, о кровной мести и языческих жертвоприношениях.

В песнях «Хозяин Керча-реки», «Сэро Евлэ», «Хетензей», в сказаниях «Богатырь Медные рога», «Младший Каннинский сын» и других развивается более или менее устойчивая сюжетная структура: младший богатырь беспробудно спит много лет; восстав ото сна, он собирается на поиск невесты, живущей в чужой «другой земле»; в пути преодолевает множество препятствий, встречается с представителями разных оленеводческих родов; прибыв на стойбище невесты, к Хозяину Морского мыса, младший богатырь выдерживает поединок с младшим братом невесты, побеждает его; завоевав далекую невесту, младший богатырь возвращается на родную землю.

Указанная сюжетная структура может варьироваться, хотя основной ее смысл — сватовство девушки далекого чужого рода — остается неизменным. Младший Вай-брат приносит богам в жертву на священной Болванской сопке собственных братьев, отправляется в дальнюю землю Ламдо-старика сватать его дочь, собрав богатый калым и оставив оленье стадо на попечение Яндо-собакн; сватовство происходит довольно мирно, младший Вай-брат возвращается на стойбище с молодой женой (песня «Три Вай-брата»). В чужую дальнюю, хотя и не враждебную, землю Мамонтового старика едут сватами родители жениха — Сяден-старикн, едут выбрать жену своему сыну, имеющему обличье Яндо-собакн; в конце концов свадьба состоялась, но молодым пришлось выдержать много мук и испытаний, прежде чем сын Сядея-старика принял человеческий облик (песня «Сын Сядея-старика»).

В большой группе богатырских песен «Три Белоглазых хозяина», «Три Тынгоса», «Нóси — богатый человек», «Семилетний мальчик», «О Вэли», в сказаниях «Богатырь Буря», «Старик и харачеи» рассказывается о битвах за оленьи стада, о межродовых конфликтах и о кровной мести: враги убивают мужчин одного племени, чудом в живых остается мальчик (иногда его нарочно оставляют в живых на «счастье оленьего стада»), угоняют оленье стадо, мальчик-сирота страдает от постоянных унижений и непосильного труда, затем он становится могучим богатырем, отправляется на то место, где некогда находилось отцовское оленье стадо; юноша совершает кровную месть, побивает убийц, пригоняет домой собственное стадо, некогда похищенное чужеземцами.

Второму, собственно богатырскому, пласту ижмо-колвинского эпоса немного уступает в количественном отношении позднеэпический пласт, который начал формироваться немногим более ста лет назад. Об этом свидетельствуют сюжеты песен и сказаний, связанные с историей и бытом северных оленеводов XIX — начала XX века. В песнях «О Вавлѣ», «Воспитанник Канина», «Горностаевый Совик», в балладах «Жили чужеземцы когда-то», «Сват и сватья», «Девушка Мягкие волосы» изображаются трагические коллизии, связанные с понижением и гибелью вожака бедноты Вавлѣ, с трудной судьбой Воспитанника Канина, проданного Хозяином в рабство чужеземному богачу, с невыносимой жизнью унижаемого и угнетаемого работника-пастуха по кличке Горностаевый Совик, бесправного круглого сироты или потерпевшей кораблекрушение девушки, которой чудом удается достичь берега.

Как видим, сюжетный состав эпоса довольно пестр по своему характеру; его основные пласты — раннеэпический, собственно богатырский и позднеэпический — имеют разновременные истоки, восходят к различным историческим эпохам. Но сложность генезиса состоит еще в том, что окончательное оформление всех трех пластов произошло на позднем историческом этапе, в XVIII — XIX веках. И этот факт сказался на исторических корнях, а не только на сюжете эпоса. В самом деле, большинство сюжетов, особенно первых двух пластов (сказочно-мифологического и собственно богатырского), типично для эпоса родового строя, отражает мировоззрение, симпатии и антипатии его представителей. Однако архаические сюжеты возникли в поздней ижмо-колвинской редакции, когда древние представления или отжили, или доживали свой век. Поэтому во всех песнях и сказаниях как бы слышится полемика между идеологией двух обществ, стоящих на разных ступенях развития, между идеологией родового строя и идеологией классового общества, враждебных друг другу и отрицавших друг друга.

Песня «Хозяин Керча-реки» посвящена теме сватовства в дальней земле к представительнице чужого рода, новыми словами, теме древней экзогамии. Полемика идеологий возникает в песенном зачатке: младший брат после десятилетнего сна собирается обзавестись семьей и спрашивает совета у старших братьев и снов, на что у родственников уже заготовлен один ответ: невеста Мандо живет поблизости, она мастерица, красива, главное — богата, единственная сестра у шести братьев — идеал невесты вполне в новом духе, но отнюдь не в духе родового общества.

Выразителем древних представлений, в том числе и о невесте, как и полагается в эпосе, выступает младший брат. Именно в его уста вложены слова, прямо противоположные по смыслу тем, которые произносятся его старшие братья. Он решительно отказывается от не-

весты Мандо, потому что она «совсем как родня», и тут же конкретизирует смысл этих слов: и живет поблизости, и один хлеб с ней едали, и одно мясо в пищу употребляли. В соответствии с нормами экзогамного брака и по совету друга Евлѣ младший брат предпочитает ехать в «другую землю», чтобы там завоевать невесту, дочь Хозяина Морского мыса. Два друга вместе отправляются в дальний путь, вместе сражаются с многочисленными противниками и главным врагом, в роли которого опять-таки выступает брат невесты, сын Хозяина Морского мыса.

Когда речь заходит о земле Хозяина Морского мыса, непременно отмечаются два момента: во-первых, это не близкая, как у рода Мандо, а дальняя земля, во-вторых, это враждебная земля, которую жених должен покорить. Согласно песне, герон едут семь суток и семь же суток отдыхают, затем еще семь суток едут и семь суток отдыхают и только на третий счет седьмых суток останавливаются поблизости Морского мыса. Героев на каждом шагу подстерегает множество опасностей. Люди неоднократно предупреждают их о том, что оленьи следы в сторону «той земли» имеются, а обратных оленьих следов в «эту землю» нет ни одного, что много женихов ездили сватать дочь Хозяина Морского мыса, никто живым не вернулся, всех женихов поубивал младший брат невесты. Героев не страшат опасности, они не слушают предупреждений и из всех схваток выходят победителями.

Конечно, в подобной поэтической структуре определенную роль играл эпический канон, стремление героизировать поведение богатыря и подчеркнуть его исключительность. Но вместе с тем в таком повороте темы сказалась память наших предков об особой роли младшего брата, выступающего ревностным хранителем родовой экзогамии, то есть древнего обычая избегать браков между представителями одного и того же племени.

Исторические основы эпоса отразили стройную систему древних семейно-брачных отношений и «большой семьи». Помимо экзогамии упоминается кросс-кузенный брак, то есть брак между двоюродными братьями и сестрами (песни «Сват и сватья», «Девушка Мягкие волосы», сказание «Дик Валей»), брак-умыкание (песня «Жили когда-то яран и яранка», «Жил когда-то некий Сюдбей»). Постоянно указывается на «юр дон» — калым за невесту, детализируются его размеры (сто песцовых шкур, сто лисиц, сто песцов, пушнины мешок), размеры приданого (оленьи упряжки, оленье стадо, чум, пимы, малицы).

Множество сцен и эпизодов воспроизводят жизнь оленеводческих родов Харачеев, Мандо, Сядеев, Хетензеев, безымянного хантыйского князя, людей Костяное Горло, Деревянных Идолы. Во всех подробностях предстает жизнь «большой семьи», как в эпосе определяется

тот или иной род. Во главе «большой семьи» стоит Хозяин: Хозяин Канинского мыса, Хозяин Морского мыса, Хозяин Керча-реки, Хозяин тридцати чумов, Хозяин десяти чумов. Иногда Хозяина называют Стариком (Ламдо-старик, Пыно-старик, Сядей-старик) или Айкой (Медный теньдер айка, Железный теньдер айка, Стальной теньдер айка). Подчеркнута абсолютная власть Хозяина, Старика, Айки. Без их ведома не предпринимается ничего. Помимо главы «большую семью» составляли жены, сыновья, снохи, дочери, а также многочисленные «работники», то есть оленеводы-пастухи. Каждый из них занимал определенное место в семейной иерархии. Это подчеркивается устойчивой поэтической деталью: «работник», заходя в чум, ни за что не садится «на правую сторону чума» (место для почетных гостей) либо «на серединное место», предназначенное для Хозяина, Старика, Айки, а всегда направляется «на свою сторону», располагавшуюся у входа в чум налево. Тот же работник или низкородный гость, находясь вне чума, имеет право присесть не на нарты-ваньдей, то есть нарядные богатые нарты, а только на «утицу». Так назывались грузовые нарты для перевозки задымленных стоек чума и прочего хозяйственного скарба.

Согласно эпосу, «большая семья» владела постоянным местом кочевья и тропами, то есть оленьими пастбищами. Этой так называемой «своей землей» никто иной, кроме данной семьи, не мог пользоваться. Границы ее считались неприкосновенными, за переход границы-межи следовало наказание, включая войну и смерть (песня «О Вэли»). «Другая земля» противостояла «своей земле». В таком противостоянии земель отразились воззрения родового общества, когда каждый род владел исключительно своей территорией.

В изображении эпоса «большая семья» предстает патриархальной по существу. Однако отдельные песенные эпизоды подтверждают наличие в нем остатков древних матриархальных отношений, например, авункулата, то есть особо тесной родственной связи между дядей по матери и племянником, особого покровительства племяннику со стороны авункула — дяди по материнской линии. Дядя-авункул должен был защищать племянника, помогать ему и оставлять ему наследство. В соответствии с древней моралью и происходит действие в песне «Евлё-брат», когда юный Евлё в поисках невесты попадает на стойбище к дяде. Евлё похищает кузину, чтобы жениться на ней. По существующим обычаям, отец невесты и дядя жениха мог броситься в погоню и вернуть дочь до половины пути между чумами дяди и племянника. Но дядя не только не думает воспользоваться данной ему возможностью, а отдает дочери богатое приданое и, значит, наследство, причитавшееся племяннику. Правда, в подобных сценах древние мировоззренческие элементы выступают в новеллизированном виде, как па-

мать о прошлом и дань прошлому, но, конечно, отнюдь не как живое явление.

Из древних обычаев «большой семьи», — закрепившихся в песнях, хотя и не столь часто, но все же устойчиво, — описывается посвящение юношей в мужнины (инициация). Чаще всего повторяется сюжетная схема: сначала будущий герой состязается в силе, ловкости и меткой стрельбе со старшими братьями, и только победив их, он, посвященный в мужнины, отправляется в путь, встречается со смертельным врагом, повторяет буквально те же действия, которые он совершал в состязании с братьями. Только сейчас спор идет не о жизни, а о смерти одного из соперников.

Несравненно чаще, чем названные древние обычаи, сказителями изображались языческие жертвоприношения, точнее говоря, их атрибуты. И в этом нет ничего удивительного. Ведь в жизни коми и колвинских язычников жертвоприношения играли исключительную роль. Об этом свидетельствует языческое капище, наполненное горностаевыми, соболями и прочими шкурками, возле «прокудливой березы», которую срубил Стефан Пермский, приобщая коми-зырян к христианству. По всей Печоре в местах обитания предков колвинских яранов археологи открыли множество пещер со следами языческих действий. К тому же сцены жертвоприношений, изображаемые эпосом, для его создателей и хранителей в прошлом веке не были только напоминанием о давно минувших временах, а действительностью, питавшей эпос.

Непременными участниками жертвоприношений и их немymi свидетелями были деревянные идолы (сяден). Им поклонялись, перед ними умерщвлялись жертвы. Кровью жертвенного оленя обмывались лица идолов. Колвинцы не любили обращаться к идолам без крайней на то нужды, хранили их в особых «саях болванов». Сядаям поклонялись и их боялись. Но если сядей не «исполнял» воли жертвователя, то тот мог наказать идола. Все эти отношения между жертвователем и идолом многообразно отражены песнями.

Сяден входил в обязательный антураж оленеводческого быта. И именно тут возникает, на первый взгляд, несколько неожиданное, но показательное для поздней стадии развития эпоса явление. Хотя принесение жертв оленями широко бытовало в жизни вплоть до недавнего времени, в эпосе о подобных актах говорится лаконично, как о само собой разумеющемся. Зато в мельчайших подробностях выписываются человеческие жертвоприношения, не подтверждаемые, однако, историческими документами. То в одной, то в другой песне сообщается, что младший Вай-брат приносит в жертву старших братьев, потому что семье нет удачи на охоте; люди из рода Костяное Горло везут на нарте связанную женщину, чтобы принести ее в жертву на Болванской сопке, где растут семь священных лиственниц; два силь-

ных и жестоких брата Старший Марка и Младший Марка задумали убить на Болванской сопке какого-то Сустуй-мальчика, но тому удалось бежать. Тема человеческих жертвоприношений во всех этих песнях приобрела новеллистический характер, а вместе с тем произошла известная новеллизация богатырского эпоса, жертвоприношение стало напоминать в нем скорее игру, нежели священный ритуал.

Таким образом, и раннеэпический, и собственно богатырский пласты подтверждают живой, непрерывно развивающийся характер устного творчества северных оленеводов, непрерывное видоизменение его содержания, мировоззренческих элементов, народных симпатий и антипатий.

О живых творческих процессах, происходивших в эпосе всего 100—150 лет назад, еще более определению свидетельствует третий позднеэпический пласт. Его новой особенностью стала насыщенность социальными мотивами, значительное усиление роли новых конкретно-исторических деталей, появление в числе персонажей реально существовавших лиц. В новых эпических сюжетах отразилась история колонизации и христианизации европейской и азиатской тундр России в прошлом столетии, борьба оленеводческих кочевых племен против эксплуатации, движение протеста коми-немецко-хантыйских кочевников в первой половине XIX века во главе с легендарным борцом Ваули Пиеттомином (песня «О Вавлѐ»).

Самобытен и неповторим сюжетный состав эпоса. И столь же самобытна, неповторима художественная система. Конечно, северные оленеводы творили на том же коми языке, что и вымские, и вычегодские коми-зыряне. Ижмо-колвинские сказители пользовались одинаковыми с ними лексическими и стилистическими средствами, эпитетами, сравнениями, гиперболами, повторами, параллелизмами. Но на всем лежит особенная поэтическая печать.

Богатырский характер песен проявляется в образах героин-оленевода и его противника. В основе произведений лежит драматически напряженный конфликт между героем и противником. Богатырем, как правило, оказывается младший сын или младший брат. Это младший сын Хозяина Керча-реки, младший из семи братьев, едущих сватать дочь Сюдбея, Хозяин четырех песцовомордых оленей, младший Вай-брат, младший Хетензей, младший Тынгос. Именно младший брат называется покровителем и защитником сестры, унженных родичей, защитником собственного рода. Не родители, не старшие братья, а младший брат решает судьбу сестры, дает согласие или отказ на предложение жениха. Богатырь Медные рога охотно выдает сестру замуж за доброго оленевода. Напротив, младшему сыну Хо-

зянна Керча-реки приходится биться насмерть из-за невесты не с будущим тестем, а со злым шурином. Младший брат Евилё мстит за издевательства над сестрой не менее жестоко, чем за гибель отца. Но и этнографические материалы в свою очередь свидетельствуют, что в быту самодийских народов младший брат на самом деле являлся главным покровителем незамужних сестер.

Богатырь наделяется чертами смелого, мужественного, стойкого воина. Он вступает в бой, несмотря на численное превосходство врага, и одерживает убедительную победу. Богатыри предстают в развитии довольно своеобразном. Об их происхождении, тем более чудесном, не говорится почти ни слова. Обычна совсем иная ситуация: уже при рождении будущему богатырю грозит смерть, на его родичей нападают враги и убивают отца и братьев. Спасают сироту безымянные старики, бабушка, жена или сестра предводителя чужого войска. Богатырские качества будущего мстителя выявляются постепенно. Он обучается воинскому мастерству, под присмотром старших постигает тайны богатырского искусства, учится метко стрелять, обгонять соперника во время оленьих гонок. Судьба и люди готовят его к подвигу во имя защиты рода и ради мести за гибель отца и братьев.

Наряду с образами богатыря-воина ижмо-колвинская традиция создала родственный ему образ богатыря-оленевода, богатыря-труженика. Этот образ становится главным в произведениях позднеэпического пласта — в песнях «Семилетний мальчик», «Горностаевый Совик», «Воспитанник Канина» и других. В песенной экспозиции будущие богатыри рисуются до предела униженными и угнетенными людьми. Горностаевый Совик беден и бесправен, все люди из десяти чумов — «хозяева и хозяйки» — помыкают им. Это правда, что его батрацкий совик — так называется у оленеводов верхняя одежда из оленьих шкур мехом наружу — шьют не из оленьих шкур, а из горностаевых шкурок. Это правда, что и в жизни и в фольклоре северных народов горностаевая мантия была символом богатства. Немногим из богатеев удавалось справиться горностаевый совик. Но правда и то, что былой горностаевый совик, краса и гордость хозяина, давно пришел в негодность, давно заношен до предела, давно не красит и не греет, как сказано в песне, давно «до пупка сохся». Хозяин за ненадобностью выкинул ветошь, а работник подобрал выброшенное, потому что иной одежды у него вообще нет. Так, словно в насмешку, и закрепилось за работником ироническое прозвище Горностаевый Совик.

Но есть в образе Горностаевого Совика другой — скрытый — идейный смысл, составляющий сущность эпического персонажа оленевода-труженика. Этот смысл открывается в финале песни: точно древний богатырь, Горностаевый Совик в один миг прилетает, как

птица, к чуму Пыно-старика, где состязаются в силе и ловкости; точно древний богатырь, Горностаевый Совик один в состоянии поднять тяжелый лук и метко поразить цель. Так до поры до времени скрытые богатырские силы народа появляются в нужный момент.

Главными противниками богатыря называются Хозяин Морского мыса, Три Белоглазых хозяиня, Варуучичор, Сюдбей-Гундыр, злые женские существа — Дочь Емы и шаманка Долговязая женщина.

Эти вероломные, могучие и воинственные враги пытаются погубить героя, вредят оленеводам и оленьим стадам, нападают на стойбища и убивают людей. Богатырь добивается победы над ними в исключительно трудной борьбе.

Портретные характеристики этих персонажей отличаются лаконизмом, но притом непременно оттеняют их зооантропоморфность, то есть сходство одновременно и с животными, и с людьми. Все они безобразны. Сюдбей, как и Гундыр, например, величается «мохнатым человеком», вместо пальцев у них «железные когти», сами они «одноглазые», «одноногие». Нередко противники богатыря предстают и людоедами.

Помимо названных персонажей образу богатыря противостоит собирательный обобщенный образ вражеского «саю». Семь «саю» нападают ночью на стойбище Евилё, стремясь погубить его; к воинственным харачеям, живущим на Морском мысу, не смеет приблизиться ни одно живое существо. «Саю» в переводе с ненецкого языка означает «враг», «вражеское войско», а харачеями и тунгусами (эвенками) колвинцы называли жителей зауральских тундр.

По системе образов ижмо-колвинский эпос обнаруживает связь с угро-самодийскими и финно-пермскими источниками, но сама система отнюдь не сводится ни к тому, ни к другому источнику. Она свидетельствует о самостоятельном пути развития ижмо-колвинской фольклорной традиции.

Этот вывод подтверждает и система ее стихотворно-музыкальных средств. Не совсем обычен объем песен. Если коми-зырянские песни редко достигают 300—350 стихов, то ижмоколвинские «Жил когда-то некий Сюдбей», «Хозяин Керча-реки», «Семилетний мальчик», «Три Белоглазых хозяиня», «Нóси — богатый человек» превышают 1000—1500 строк. Для придания устойчивости столь значительной по объему стихотворной структуре импровизаторы прибегают к оригинальной композиции.

В фольклоре народов мира произведения, подобные ижмо-колвинским, нередко оказываются цепочкой микросюжетов-картин, не всегда последовательно связанных друг с другом. К тому же связь

между ними в разных языковых системах зачастую может быть мало-понятной для представителей других языков. Так случилось и с ижмо-колвинской композицией: две самобытные (финно-пермская и угро-самодийская) языковые системы образовали новое поэтическое качество, ижмо-колвинскую эпическую композицию. И произошло это следующим образом. Преемственность сюжетных картин в самодийском фольклоре возникает благодаря так называемым композиционным связкам: «слову-песне», «слову-воздуху». Коммуникативная функция этих «слов» многолика, но главная из них состоит в том, чтобы связать два эпизода, познакомить слушателей с персонажем, а нередко и объединить два разных пространственно-временных плана.

В ижмо-колвинских песнях подобную функцию берет на себя образ «корейного певца». Тот колвинец, который на самом деле исполняет песню, отнюдь не считает себя «корейным певцом», напротив, не преминет заметить, что он, певец, — лишь исполнитель чужой воли, воли «коренного певца», что он всего-навсего напевает то, что вкладывает в его уста некий «коренной певец». Во время фольклорных экспедиций 1960—1970-х годов по Большеземельской тундре приходилось наблюдать, как певец, обращаясь к слушателям, вставлял реплики, прерывая пение: «Это не я сказываю, это коренной певец сказывает».

Но тут на практике возникала одна сложность. Если ненецкие песни-ярабц строились от первого лица, а песни-судбабц — от третьего лица, если это отличие выдерживалось последовательно, то, напротив, характерной особенностью композиции ижмо-колвинских песен было нерегулярное чередование повествования то от первого лица, то от третьего лица.

Такова песня «О Вавлѐ». В ней четко выделяются два эпических повествователя — дядя Вавлѐ и его безымянный племянник; оба воспроизводят события от своего имени, то есть как и в иенецких ярабц. Сначала обо всем сообщает племянник. От него узнаем, что произошло с ним и его дядей Вавлѐ на «фатере» вероломного хозяина — «Мохнатого Арсея»: обманом заманив вожаков иенецко-хантыйско-коми бедноты на Ямале, дядю и племянника, в главный город Обдорск, что по коми означает Устье Оби, ныне Салехард, люди «Мохнатого Арсея» хватают дядю Вавлѐ, вяжут его «сутугой», а племяннику удается скрыться. Эта часть повествования на 354-м стихе заканчивается угрозой племянника отомстить за дядю, «наведаться в гости» к своим извечным врагам. И тут же, на 355-м стихе, повествование, которое велось племянником, неожиданно обрывается, и его подхватывает дядя Вавлѐ. Новый повествователь начинает с незаметного уточнения: «Я ведь, Вавлѐ, иаконец, очнулся». Затем следует рассказ Вавлѐ — тоже от первого ли-

ца — о собственной трагической судьбе, о муках и мучителях и даже о собственной гибели от рук палачей.¹

Таким образом, вся песня идет от первого лица, хотя в ней участвуют два повествователя. В данном случае за счет упрощения композиции песня обошлась без образа «коренного певца»

Однако при сложной композиционной структуре, при нескольких сюжетных линиях чередование повествования от первого и третьего лиц нередко вело к запутанности и затемненности фрагментов. Здесь-то и приходил на выручку исполнителю и слушателям образ «коренного певца». С его помощью, точно так же, как это делается в скандинавских сагах или самодийских сюдбабц, обозначаются постоянные переходы действия во времени и пространстве: только что рассказывалось о случае из детства «семилетнего мальчика» на берегу ивняковой реки, но вот явился «коренной певец», вмешался в действие и сообщил, что прошло много лет и события разворачиваются уже совсем в другом месте — на берегу моря, начинается новый песенный эпизод и т. д.

И все-таки усложненность композиции присутствием «коренного певца», при наличии постоянного чередования первого и третьего лиц, не столь уж редко приводит в недоумение. Так, песня «Три Вай-брата» начинается с эпизода: два Вай-брата, чтобы избежать голодной смерти, решают убить третьего брата, совершить жертвоприношение на Болванской сопке. А затем неожиданно возникает такой песенный фрагмент: «Я не испугался, Они затем Менурея-олениа задушили там, Так мы кровь пустили». Только при внимательном знакомстве с текстом выясняется: а) я (младший брат) совсем не испугался, не разволновался из-за гибели среднего брата; б) они (старший и младший братья) олениа придушили, чтобы умиловить богов; в) мы (старший и младший братья) олению кровь приготовили (чтобы вымазать лица и очиститься от греха). Конечно, подобное неожиданное чередование и определенное смешение грамматических лиц и чисел затрудняло восприятие песенного сюжета.

Поэтому новые творцы и слушатели предпочитали упростить композиционную схему произведения, как это случилось в упоминавшейся песне «О Вавлѣ». И композиционное упрощение произошло не с традиционными песнями типа «Сын Сядея-старика», «Хозяин Керча-реки» (в них образ «коренного певца» неизменно присутствует), а именно с новой песней о вожаке оленеводческой бедноты Ваули Пиеттомне.

¹ При переводе на русский язык песни «О Вавлѣ» во избежание путаницы переводчики устранили эту особенность композиции, повествование в основном ведется племянником главного персонажа.

Помимо самобытной композиции устойчивость объемной ижмо-колвинской стихотворной структуры обеспечивалась и другими изобразительными средствами. Огромное количество стихов исполнитель не в состоянии был запомнить, заучить. Он импровизировал их, опираясь на устойчивые образные формулы, на вариационные параллелизмы, повторы, единоначатия (анафоры) стихотворных строк или их созвучные окончания (эпифоры), на устойчивые анафорическо-эпифорические ряды. Примечателен сам характер повторяющихся из песни в песню устойчивых образных формул. Именно в них наиболее полно отразились условия жизни ижмо-колвинцев, своеобразие красок неяркой полярной природы. Мысль певцов то и дело возвращается к устойчивому образу дикой пурги, когда рисуется мощь богатырского поединка, стремительность передвижения лыжника-оленьвода на чудесных лыжах. К числу самых популярных образных формул относятся и те, в которых детально изображается отбор ездовых оленей, запрягание оленьего обоза-аргыша; воспевается нарядная женская шуба-малнца, сшитая из неблюя, украшенная разноцветной оторочкой в десять или двенадцать полос, снабженная черной опушкой на еще более черном капюшоне.

4

Различна история развития основных пластов коми эпической поэзии — коми-зырянских песен и ижмо-колвинского эпоса. Коми-зырянские песни возникли в результате взаимодействия финно-угорских фольклорных культур, а ижмо-колвинский эпос образовался на пересечении финно-пермских, самодийских и угорских эпических традиций. Совместными усилиями разных этнических групп создано на протяжении нескольких столетий самобытное фольклорное наследие.

Коми эпическая поэзия как специфическая жанровая система, особыми художественными средствами отразившая окружающую северную действительность, относится к поздним устно-поэтическим явлениям. Эти явления формировались у коми-зырян, так же, как у финнов, карел, хантов, манси (финно-угров), уже после распада финно-угорской языковой общности, после образования самостоятельных финно-угорских языков. Обобщая историю их становления, В. И. Лыткин в коллективном советско-венгерском фундаментальном трехтомном труде «Основы финно-угорского языкознания» писал: «Языки финно-угорских народов в период их обособленной жизни развивались по своим законам и в процессе развития все дальше и дальше отходили от языка-основы. В продолжение многовековой обособленной жизни финно-угорские народы сталкивались с разными

нидоевропейскими, балтийскими, германскими, славянскими и т. д. народами, смешивались с ними, испытывали с их стороны влияние. В результате они настолько сильно разошлись, что сохранили в своем языке лишь небольшой пласт слов общего происхождения, общих грамматических черт и закономерных звуков соответствий».¹

Сходные процессы наблюдались и в фольклоре финно-угорских народов, в тех видах, которые сложились у них в период обособленной жизни. Это в первую очередь касается эпического творчества, создаваемого эпохой средневековья. Поэтому нет ничего удивительного в том, что такие известные всему миру финно-угорские эпосы, как карело-финские руны, хантыйские и мансийские героические песни, мордовские эпические песни, отличаются неповторимо самобытными чертами. Столь же самобытна и не похожа на эпос других финно-угорских народов коми эпическая поэзия.

В предыдущих разделах упор делался на отличительные черты коми эпической поэзии и только попутно выделялись ее аналогии в эпосе других финно-угров. Но картина была бы неполной, если бы в стороне оставались историко-культурные контакты этой поэзии с фольклором соседних или родственных народов.

К различным историческим эпохам относятся коми-пермяцко-удмуртские (в конечном счете коми и финно-угорские) и коми-ненецкие фольклорные контакты. И те и другие четко просматриваются в эпической поэзии. Истоки коми-зырянско-пермяцко-удмуртских контактов восходят к эпохе финно-пермской языковой общности (т. е. к VIII веку). Коми-ненецкие контакты начались несколько позднее, достигнув наивысшей точки в устном творчестве два — три столетия тому назад.

Финно-пермские эпические формы родились в тот период, когда отделились друг от друга не только коми и удмурты, но и два коми народа — зыряне и пермяки. Этим объясняются существенные различия в их эпосе. Если в коми-зырянском и особенно ижмо-колвинском эпосе преимущественное развитие получили песенные формы, то удмуртский и пермяцкий эпосы представлены исключительно прозой. Таковы, например, коми-пермяцкие сказания о богатыре Кудым-Оше, Пере, Юксе, Пуксе, удмуртские легенды о батырах-родоначальниках Идне, Эш Тереке, Оindre.

Новые явления опирались на древние финно-угорские фольклорные традиции, и поэтому в эпосе финно-пермян можно обнаружить не-

¹ См.: Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / Отв. ред. Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редзи К. М., 1974. С. 25.

мало общих поэтических элементов. Это главным образом относится к эпическим сказаниям о чуди. Популярнее они были среди пермяков, но также хорошо знакомы коми-зырянам, а отдельные мотивы фиксируются в удмуртском фольклоре.

Основными персонажами финно-пермских сказаний выступают легендарная чужд и ее богатыри. Существуют три типа сказаний о чужди. В одних речь идет о людях-пигмеях, живущих в землянках и наделенных колдовскими способностями. В других говорится о чужди, как о местных язычниках, вступавших в единоборство с христианскими миссионерами и погнавших в борьбе, самих себя погребавших в земле. В третьих рисовались подвиги чудских богатырей, описывались их богатства и клады.

Неравномерно распространение чудских сказаний среди финно-пермских. Если коми-пермякам знакомы все три типа, то в удмуртском фольклоре более разработаны мотивы о заговорных чудских кладах, то есть те мотивы, которые популярны во всем уральском регионе и которые известны читателям благодаря сказам П. Баждова.

Иную картину дает коми-зырянский эпос. Помимо чудских сказаний, в нем представлена разбойничье-колдовская разновидность. Ее персонажи Корт Айка, Юрка, Шипича, Туиньръяк имеют точки соприкосновения с образами чудских богатырей, тоже наделяются разбойными и колдовскими свойствами. Иногда их деятельность приурочивается ко времени христианизации коми язычников.

Но, пожалуй, самым примечательным в фольклоре двух коми народов явился общий эпический памятник, опиравшийся на одни и те же истоки. Таким единым для коми-пермяков и коми-зырян стал прозаический эпос о Пере-богатыре, однако ведущая роль в его создании принадлежала коми-пермякам. Эпос был более популярен в северных районах Коми-пермяцкого автономного округа. Но вместе с ним немало сказаний о Пере зарегистрировано в Усть-Куломском районе Коми АССР, имеющем общую границу с северными коми-пермяцкими деревнями. В большинстве сказаний действие происходит в коми-пермяцких деревнях Гайне и Лупье, но тут же упоминается сестра Перы, живущая на севере среди коми оленеводов. Конечно, Перу чаще величают «пермяком», «пермяком с Лупьи», но притом могут добавить, что Пера был «пермяком, говорящим по-зырянски», «пермяком, жившим на Выми», «жившим в зырянах», а то и прямо скажут, что Пера «сам из зырян», «был сам зырянин», «от зырян приезжал рыбу ловить».

И в самом характере Перы-богатыря отразились национальные особенности и зырян, и пермяков. Пера был воплощением общекоми нравственных идеалов. Пера всем сердцем любит север, северную

землю, таежные просторы. Он во всем, и в большом и в малом, — типичный лесной житель, охотник, предпочитавший спать на улице у нодьи-костра возле воткнутых в снег богатырских лыж, а не в душевой избе или даже в царских покоях. Пера промышляет зверя в родных местах, в награду за боевой подвиг соглашается принять от царя только грамоту на единоличное владение лесным «путиком» — охотничьим участком двадцати пяти верст длинной и столько же верст шириной. Но он же, как истинный коми охотник, прекрасно знает лесные уголья севера и Сибири, бывает в них часто, достигает мест, «куда и нога человека не ступала». Пера вспыльчив, обидчив, но добр сердцем и отходчив в гневе. Он наказывает обидчиков, но готов тут же простить их, если те признают свою вину. Он понимает беды земляков, помогает им как умеет, отзывчив на чужую боль.

Можно предположить, что коми-пермяцко-зырянский прозаический эпос о Пере дал начало и коми песенному эпосу о Педоре Кироне, что затем сказания о Пере и песни о Педоре Кироне еще длительное время развивались одновременно, опираясь на общие финно-пермские традиции. Мы уже отмечали, что подобное наблюдается и в фольклорной традиции Карелии, где на основе местных карело-вепских сказаний о Рахкое из Рагнозера родились русские былины о Рахте Рагнозерском. В пользу предположения о прозаических источниках коми песенного эпоса свидетельствует и тот факт, что карельские, вепские, зырянские и пермяцкие сюжеты о помощи финно-угорского богатыря соседу в борьбе с иноземцем обнаруживают единство в деталях. И это случилось, несмотря на локальный характер бытования подобных сказаний, явно указывающий на принадлежность их к фольклору родоплеменного общества. О сравнительно ранних контактах коми эпической поэзии свидетельствует и сопоставление с эпосом хантов и манси. Пермско-угорские фольклорные контакты проявились неоднозначно. В коми фольклоре, как и в ханты-мансийских героических песнях, издавна и широко была представлена тема сотрудничества и соперничества трех соседних финно-угорских народов. Образы «йогры» (хантов и манси) в коми песнях о Педоре и Кироне и «саран» (зырян) в хантыйских и мансийских героических песнях относятся к самым популярным. Этот факт объясняется длительным общением народов еще в период их совместного проживания в раннем средневековье на Печоре и верхней Вычегде.

О многом говорит сюжетный состав коми и ханты-мансийского эпоса, особенно его наиболее архаический слой, например, сюжеты о юноше-мстителе, отразившие тотемный медвежий культ древних финно-угров, их поклонение тотему-медведю. Данный сюжет у вычегодско-вымских коми развит в песне «Отец и одиннадцать сыновей» и в ряде прозаических сказаний: сборы охотничьей артели в путь,

гибель отца и его сыновей в схватке с медведем; сборы младшего сына-мстителя в путь, схватка с медведями; победа над ними, освобождение и оживление родичей. Подобные сюжеты о юноше-мстителе и в точно такой же последовательности структурных элементов можно найти в хантыйских песнях «Семпер-камень», «Лампаск-старик», «Танге-герой», «Старик с большой прилуки реки», в мансийских песнях «Военное сказание Конды», «О военном походе на Конду», «Муки терпящий мужчина», «Гибель яранских богатырей», «Князь белый, как ядрышко ореха», «Юноша-мститель» и другие. В названных ханты-мансийских, как и в коми, песнях развиты сюжетные мотивы чудесного происхождения Младшего богатыря, богатырских забав в детстве, поездки артели-рода (братьев и отца) в чужую враждебную землю, битвы с чудовищем и т. д.

В обско-угорских песнях, подобно финно-пермским сказаниям, например, пермяцким о «Кудым-Оше» и удмуртским о «Медвежонке-батыре», чудесное происхождение юноши-богатыря связывается с образом обожествленного тотема-медведя (Ош): юноша-богатырь рождается от брака женщины и медведя и побеждает его. Угорское божественное происхождение медведя подчеркнуто его родственной связью с богом Торумом. Медведь нередко называется сыном Торума. С этим же связана устойчивая формула, предшествующая сцене торжества героя над тотемом-медведем: «Если бог Торум определил, то вы победите меня, Если бог Торум не определил, сам вас осилю!» Точно такую же формулу используют и коми вычегодско-вымские сказители, рисуя победу юноши-мстителя над чудовищем: «Коли Ен (бог) судил, то проглотить, Коли нет — отрыгнешь обратно!»

Факты свидетельствуют почти о полной аналогичности финно-пермских архаических сюжетов о юноше-мстителе. Но чаще всего дело ограничивается совпадением составляющих единый сюжет трех структурных элементов: сборы охотничьей артели-рода в путь, богатырские забавы малыша и битва юноши-мстителя с чудовищем.

Факты свидетельствуют об активном характере пермско-угорских фольклорных контактов на ранних стадиях эпического творчества соседних народов. Особо интенсивными эти контакты стали в период формирования ижмо-колвинского эпоса. В нем встречается значительное число сходных с ханты-мансийскими сюжетов о богатырском сватовстве, межплеменных войнах, о жизни и быте кочевников. Угорская тема и образы угров в ижмо-колвинских песнях после яранской темы и образов яран занимают одно из основных мест. А новый исторический персонаж поздних ижмо-колвинских песен XIX века — Вавлэ — выступает, как и в самой действительности, вожаком не только яранской, но и хантыйской бедноты.

Коми эпическая поэзия развивалась в соседстве с эпосом восточных финно-угров, в частности, финно-пермян и обских угров. Подобных прямых и непосредственных контактов с эпосом западных финно-угров в ней наблюдалось значительно меньше. И все-таки они имелись и сыграли свою роль в становлении эпической традиции. Это в первую очередь относится к карело-финскому эпосу «Калевала». В прошлом вопрос о связях коми песни и карело-финских рун ставился скорее в эмоциональном, нежели аналитическом плане. М. Кастрен, а спустя столетие после него и В. Евсеев справедливо утверждали «родство финно-угорского племени», в том числе и в области фольклорных традиций, но при этом оперировали ограниченным фактическим материалом: фольклористами такой материал был добыт позднее. Между тем и коми-зырянский, и ижмо-колвинский эпос действительно демонстрирует немалую общность с «Калевалой».

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить карело-финского чудесного кузнеца Вяйямяейнена и безымянного ковача из вычегодско-вымской песни «Отец и одиннадцать сыновей», удачливого, смелого Леминкяйнена, добывающего лося Хийси, и столь же стремительного коми-зырянского охотника Йиркапа, настигающего голубого оленя на склонах Урала, или мужественного коми-пермяцкого охотника Кудым-Оша, освобождающего от чар мансийскую невесту Хесте в облике Матери-Лосихи. В этом же плане родственными чертами наделяются карело-вепсский Рахкой и зырянско-пермяцкий Пера, как союзники и помощники соседа, борющегося с иноземцем. Больше всего аналогий видно при сопоставлении одного из четырех главных образов «Калевалы» — Куллерво и тоже одного из главных образов коми эпоса — всеми униженного работника-оленовода Горностаевого Совика, Канинского приемыша, парнишки без отца и матери и других, богатырские силы которых заявляют о себе в финальных сценах.

М. Шагиняни, справедливо отмечая идейно-художественный смысл образа Куллерво, писала: «Вся трагедия Куллерво в том, что он вырастает у Унтамо в рабстве. Когда Унтамо, боясь вырастить будущего мстителя, делает несколько попыток погубить Куллерво, и они не удаются, он решает воспитать дитя как своего раба».¹ Унтамо, дядя Куллерво по отцу, уничтожает родичей и присваивает их хозяйство, сирота Куллерво спасается чудом и вырастает в настоящего мстителя.

Подобного рода трагические конфликты лежат в основе коми

¹ Шагиняни М. Калевала. М., 1977. С. 29. («Б-ка всемирной лит».)

песен «Три Белоглазых хозяина», «Семилетний мальчик», «Воспитанник Канина», «Семью хозяевами униженный» и т. д.

В карело-финских рунах о Куллерво и коми песнях об униженном работнике-сироте по своей частотности выделяются четыре общих структурных элемента. Это, во-первых, межплеменной конфликт двух родов: Куллерво и Унтамо (в «Калевале») — пастух Евлэ и род Хозяина Керча-реки (в коми песнях). Это, во-вторых, попытка Унтамо избавиться от Куллерво во избежание будущей мести за гибель отца (в «Калевале») — попытка Старшего Марка и Младшего Марка убить с этой же целью мальчика-сироту (в коми песнях). Это, в-третьих, одинаковое изображение невыносимой доли работника в чужой семье; дядя Унтамо заставляет сироту Куллерво выполнять самую изнурительную работу, а затем продает его как раба в чужую землю (в «Калевале») — хозяева-оленоводы из десяти чумов заставляют коми сироту наготовить дров, воды, пасти оленье стадо, хозяева продают работника в чужую землю (в коми песнях). Это, наконец, в-четвертых, месть сироты-пастуха обидчикам за родней: некогда униженные и беспомощные Куллерво и коми мальчик-сирота превращаются в истинных богатырей, побеждают всех врагов.

Таким образом, финно-угорские фольклорные параллели проявляются как в коми-зырянских, так и в ижмо-колвинских песнях. Несколько иной характер носят коми-ненецкие контакты. Преимущественное развитие они получили в ижмо-колвинском эпосе.

Финно-пермские и самодийские племена появились на северо-востоке Европе в начале последнего тысячелетия. Хотя письменные источники указывают на позднее происхождение пермско-самодийских контактов, и именно с середины XV века историки все же допускают мысль о том, что знакомство соседних уральских народов состоялось несколькими веками раньше.

Об истоках коми-ненецких контактов убедительно свидетельствуют лингвистические данные. В коми языке обнаружено 145 ненецких заимствований, причем больше всего в северных диалектах. В то же время в ненецком языке насчитывается 46 коми заимствованных слов. Красноречивы примеры и топонимики, изучающей географические названия. В коми языке выделяются три большие группы ненецких топонимов: одни полностью объясняются ненецким языком (Аячъяга, Пайхой); другие — это смешанные коми-ненецкие названия, когда один компонент — ненецкий, другой — коми (Амдёрма ёль, Сябу шор); третьи — параллельно употребляемые коми и ненецкие географические названия: коми — Аддзва, ненецкое — Хырмор, коми — Колва, ненецкое — Точьяга и прочее. Сравнительный коми-ненецкий языковой материал указывает на активный характер не-

иецко-самодийских контактов в далеком прошлом. С этим выводом вполне согласуется фольклорный материал, особенно ижмо-колвинский эпос, его сюжетный, композиционный и стихотворный уровни.

Конечно, в ижмо-колвинском эпосе нет сюжетов, абсолютно тождественных с ненецкими или последовательно совпадающих с ними в деталях. Однако в ижмо-колвинском и ненецком эпосах нетрудно выявить множество одинаковых сюжетных элементов. Это бросается в глаза и при составлении разновременных сюжетов о героическом сватовстве и о социальной несправедливости.

Ижмо-колвинский сюжет о героическом сватовстве лежит в основе песни «Хозяин Керча-реки»: младший брат после долгого сиа отправляется в чужую и враждебную землю Хозяина Морского мыса, чтобы там завоевать себе молодую жену Мандо. Сюжеты о героическом сватовстве в ненецкой редакции известны по собраниям М. Кастрена (первая половина XIX века.), Т. Лехтисало (начало XX века) и З. Куприяновой (середина XX века): три брата Носитетэ живут на берегу озера; младший брат не слушает старших, предлагающих ему в жены девушку из «ближних земель» Тасиний, братья едут в дальнюю землю Ламдо-старика, сватают его дочь, получают отказ, младший Носитетэ силой увозит дочь Ламдо, отбивает преследование Ламдо-старика. Как видно, ижмо-колвинский и ненецкий сюжеты о героическом сватовстве близки по структуре, однако сохраняют самостоятельную и отличную трактовку изображаемых событий, героев.

Специфика ижмо-колвинской и ненецкой редакций сходного и позднего сюжета о социальной несправедливости подтверждается сопоставлением ижмо-колвинской песни «О Вавлэ» и ненецких песен об оленевode, направляющемся в Обдорск по торговым делам, или о невинном кочевнике, которого преследуют царские чиновники. Подобно ижмо-колвинскому Вавлэ, ненецкого оленевода, прибывшего в Обдорск, неожиданно-негаданно хватает «хозяин города», судит его, истязает, отправляет под стражей на лошадях в дальний стольный город. Только, в отличие от ижмо-колвинского Вавлэ, убитого стражей в пути из Обдорска в Березово, ненецкий оленевод остается в живых. Более того, он попадает в гости к доброму царю, и тот делает ненца хантыйским князем.

Приведенные примеры, а количество их можно увеличить, показывают, что, несмотря на очевидное сходство ижмо-колвинских и ненецких эпических песен, в них нет последовательного совпадения мотивов и образов, различна трактовка событий. Зато гораздо чаще наблюдается совпадение отдельных поэтических компонентов. Например, ижмо-колвинцы и ненцы в сходном плане рисуют картины большого стойбища, сцены чудесного спасения и возмужания юноши-

мстителя, сборов в путь, богатырской битвы и другие. Эти и иные подобные устойчивые поэтические компоненты служили своего рода структурным костяком во время импровизирования эпической песни в 1000—1500 стихов, облегчали процесс ее создания и исполнения.

Коми эпическая поэзия явилась художественной памятью о событиях далекого прошлого. При отсутствии письменных памятников она расширяет знания о минувших днях. Но в эпических произведениях закрепились не только воспоминания об исчезнувших событиях и лицах. В песнях и сказаниях отразился высокий нравственный идеал, душа народа, его представление о благородстве, долге и чести. В этом секрет их бессмертия и нетленности.

А. Микушев

1. ОТЕЦ И ОДИННАДЦАТЬ СЫНОВЕЙ

Жили одиннадцать сыновей
Да отец их, славный охотник.
Сына старшего со своей
Просьбой послал он к плотнику:
«Добрый плотник, сделай для нас
Лодочный крепкий каркас,
Да обшей, да лодку всю высмоли,
Чтоб черна была, словно ворон!»
Сделал мастер добротнo и быстро.
Среднего сына отец
Послал к кузнецу доброму:
«Сделай ты нам, кузнец,
Топоры, и ножи, и копья».
А потом он сыночка меньшего
С просьбой послал к котельщику:
«Сделай, котельщик добрый,
Поскорее хороший котел нам».
Промышлять они в лес собрались
И к реке понесли снаряженье.
Сели в лодку, поплыли вниз
По течению.
Вниз по Емве-реке плывут,
Вверх по Весыве-реке плывут...
Наконец к стоянке приплыли,
На которой и прежде были.
Разместились, а лодку за чомом
Положили вверх днищем черным.
Утром по лесу ходили,
Много шкурок хороших достали,
Добыли мехов добротных.

На другой день, как только встали,
Снова в лес ушли на охоту.
Шесть одних побрели направо,
Остальные с отцом — налево.
В это время
Вышел емвинский громадный
Медведь, словно бурое дерево,
И увидел — идут шесть братьев:
«Люди добрые, гуси-лебеди,
Проглочу я вас, не убегайте!»
— «Коли Ен судил — то проглотишь,
Коли нет — всё вернешь обратно!»
Медведь проглотил охотников.
А отец и младшие братья
Возвратились с хорошей добычей
И к ужину, как обычно,
Стали ждать остальных, но никто
Не пришел. Когда рассвело,
Отец и пять его сыновей
Отправились в лес поскорей...
Вдруг огромный медведь весывинский
На них наскочил и глазами зыркнул:
«Люди добрые, гуси-лебеди,
Проглочу я вас, как ни бегайте!»
— «Коли Ен судил — то проглотишь,
Коли нет — всё вернешь обратно!»
Медведь проглотил охотников.
А дома остался у матери
Двенадцатый сын малый.
Как подрос он, то стал расспрашивать:
«Был ли когда-нибудь, матушка,
Отец у меня родной?»
— «Был,— отвечала,— да сгинул
На охоте давней весной,
И твои одиннадцать братьев
С ним ушли,— ничего не слыхать о них
С той поры,— пропали охотники».
Пошел тогда молодец к плотнику,
Попросил его лодку сделать,
Лодку добрую, но не белую,
А такую, как ворон, черную,
Одноместную, просмоленную.
А потом к кузнецу направился,
Чтобы выковал тот оружие:

Копье, и топор, и нож.
А потом он пошел к котельщику,
Говорит ему: «Мне нужен
Котелок, да сделай поменьше,
Одному чтобы только хватило».
Лодку свою загрузил он,
По Емве-реке вниз поплыл,
По Весыве-реке вверх поплыл...
Очутился у старого чома
И увидел ту лодку черную,
Опрокинутую вверх дном:
«Ох-хо-хо,
Это лодка отца и братьев!»
В чом зашел он и видит: кругом
Соболиные шкурки, бобровые
Под ногами лежат ковром.
Пошел промышлять он белок,
А вернулся назад — ужин
Добрый кто-то ему сделал,
Всё испек и сварил да накрыл...
«Вот так диво, кто же здесь был
И ужин мне приготовил?»
Нет никого! И в сени
Вышел молодец и промолвил:
«Покажись ты мне, Ена ради,
Коль моложе меня — будь сестрою,
Коли старше, то будь мне матерью,
А ровесница мне — будь женою!»
Но никто не ответил молодцу.
Дверь открыл, а за нею кроется
Девушка-красавица.
Взял он ее за руки, за собою
В чом повел: «Будь мне женою!»
Утром он вновь отправился
На охоту. Ему навстречу
Емвинский медведь громадный
Вышел с грозною речью:
«Лебедь-гусь,— говорит,— готовься,
Проглочу я тебя, человече».
— «Коли Ен судил — то проглотишь,
Коли нет — отрыгнешь обратно!»
Пасть проткнул он медведю ножом,
Стал снимать с него шкуру потом,
Думает: что же такое

Брюхо медвежье большое?
Вспорол он брюхо, а в нем
Шесть братьев лежат ничком,
И пар от них только идет:
«Ох-хо-хо, вы, собаки,
Собачий род,
Так-то вы промышляете!»
Окропил он живую водою
Своих братьев.
Брызнул раз — шевельнулись их плечи.
Брызнул снова — и братья встали:
«Ох-хо-хо, как мы долго спали!»
— «А не я, так и спали бы вечно!»
Воротились в чом, а добыче их
Уж и места нет, как обычно.
Утром молодец снова отправился
На охоту. Ему навстречу
Весывинский медведь громадный
Вышел с грозною речью:
«Лебедь-гусь,— говорит,— готовься,
Проглочу я тебя, человече». —
«Қоли Ен судил — то проглотишь,
Қоли нет — отрыгнешь обратно». —
Пасть проткнул он медведю ножом,
Стал снимать с него шкуру потом.
А большое брюхо медвежье
Он вспорол и увидел в нем:
Отец и братья лежат бледны.
Взял тогда он живой воды,
Брызнул раз — шевельнулись их плечи.
Брызнул снова — а те и встали:
«Ох-хо-хо, как мы долго спали!»
— «А не я, так и спали бы вечно!»
Тут пошли они вместе к чому,
Лодки к реке подтащили
И поплыли обратно к дому —
Вниз по Весыве, вверх по Емве...
Возвратились к матери милой
Двенадцать ее сыновей,
А отец — тринадцатый.

2. ПЕДОРА КИРОНА ЗОВУТ НА БИТВУ

Три ворона летят,
Три ворона летят,
А за ними —
Три гуся летят,
Три гуся кричат:
«Педор Кирон,
Добрый человек,
Зовут тебя на войну!»

Отправился он в церковь
По благовесту первому,
Что тронул тишину.
К обедне зазвонили,
Он посмотрел в окно,
И вместо света светлого
В глазах его темно:
Дорогу, клубы пыли
Увидел он, людей,
Что на трех парах ехали
Резвых лошадей.
Он к матери отправился,
К матери своей:
«На войну меня, матушка, зовут».
— «Нет, родной, я тебя не благословлю,
Пока не приедут на шести парах коней.
Сын мой, не печалься!»
А гонцы уже к дому примчались,
А гонцы говорят ему:
«Педор Кирон,
За тобой прислали,
Добрый человек, иди на войну!»
Отвечает мать: «Зря остановились вы,
Я не разрешаю сыну моему
Без шести пар лошадей идти на войну!»
И гонцы умчались, унесли назад.

Но летят шесть воронов,
Шесть воронов летят.
А за ними
Шесть гусей летят,
Шесть гусей кричат:
«Педор Кирон,

Добрый человек,
Зовут тебя на войну!»

Вновь пошел он в церковь
По благовесту первому,
Что тронул тишину.
К обедне зазвонили,
Он посмотрел в окно,
И вместо света светлого
В глазах его темно:
Дорогу, клубы дыма
Увидел он, людей,
Что мчались на шести
Парах лошадей...
Он — к матери своей:
«На войну меня, матушка, зовут!»
— «Нет, родной, тебя не благословлю,
Коль девяти пар лошадей
Не будет за тобой.
Сын мой, не печалься!»
А гонцы уже к дому примчались,
А гонцы говорят ему:
«Педор Кирон,
За тобой прислали,
Добрый человек, иди на войну!»
Отвечает мать: «Зря вы прискакали,
Я не разрешаю сыну моему
Без девяти пар лошадей идти на войну!»
И гонцы умчались, унеслись назад.

Но девять воронов летят,
Девять воронов летят.
А за ними
Девять гусей летят,
Девять гусей кричат:
«Педор Кирон,
Добрый человек,
Зовут тебя на войну!»

Вновь пошел он в церковь
По благовесту первому,
Что тронул тишину.
К обедне зазвонили,
Он посмотрел в окно,

И вместо света светлого
В глазах его темно:
Дорогу, клубы пыли
Увидел он, людей,
Что неслись на девяти
Парах лошадей...
Он — к матери своей:
«На войну меня, матушка, зовут».
— «Нет, родной, тебя не благословлю
Я без двенадцати пар лошадей.
Сын мой, не печалься!»
А гонцы уже к дому примчались,
А гонцы говорят ему:
«Педор Кирон,
За тобой прислали,
Добрый человек, иди на войну!»
Отвечает мать: «Зря вы прискакали,
Я не разрешаю сыну моему
Без двенадцати пар коней идти на войну».
И гонцы умчались, унеслись назад.

Но двенадцать воронов
По небу летят,
А за ними
Двенадцать гусей летят,
Двенадцать гусей кричат:
«Педор Кирон,
Добрый человек,
Зовут тебя на войну!»

Вновь пошел он в церковь
По благовесту первому,
Что тронул тишину.
К обедне зазвонили,
Он посмотрел в окно,
И вместо света светлого
В глазах его темно:
Дорогу, клубы пыли
Увидел он, людей,
Что мчались на двенадцати
Парах лошадей...
Он — к матушке своей:
«Примчались на двенадцати
Парах лошадей.

На войну зовут, родимая, меня.
Дай мешок заплечный, матушка моя».
Мать мешок заплечный сыну подала
И, прощаясь, слезы горькие лила.

3. ПЕДОР КИРОН СРАЖАЕТСЯ С ЙОГРА-ЯРАНАМИ

«Педор Кирон, человек добрый,
Русской земли защитник,
Вызывают тебя против грома,
Вызывают тебя на битву!»

Поднимается вслед за молнией
Туча страшная с ливнем черным.
А за ливнем летят два ворона
И садятся на крючья желоба.
«Кра-кра», — прокричали птицы
И в дождливое небо взмыли...

«Семруковна, моя матушка,
Что за сон мне сегодня привиделся?
Будто кличут меня, вызывают
С грозной силою меряться-биться!
Пойду я, матушка, в церковь,
Добрым людям поведаю
Сон свой зловещий...»
С поля чистого звал он коня:
«Воронко мой вещий,
Сивка-бурка, явись!»
И явился конь, как бумажный лист.
Встал под окнами, для езды готов.
Вскочил Педор Кирон
На коня резвого,
Тридцати пудов
Взял палицу железную.
Въехал во двор,
Коня привязал.
В церкви народ
Ему путь уступал.
К алтарю прошел он:
«Люди добрые,
Коли слушать будете,
Расскажу вам свой сон!»

Подошли к нему люди
С поклонами низкими —
Так к чаше с дарами
Святыми подходят.
Подождал Педор Кирон,
Пока все не приблизились;
Свой рассказ заводит:
«В небе — туча огромная,
Льется ливень черный,
Сели два ворона
На крючья желоба.
„Кра-кра,— прокричали,—
Богатырь Педор Кирон,
Русскую землю
Спаси от печали!“»
Люди в церкви запричитали.
Собрался Кирон в дорогу.
Люди его провожали
Навстречу ливню, навстречу грому.
На прощанье сказал: «Все же
Знайте: нету меня в живых,
Как забрякают чашки-ложки,
Как большой заревет наш бык».
После отправился к матушке
И сказал ей, что до утра
Вновь отпустит коня на волю,
Хоть и ехать ему пора.
Отпустил он коня в чисто поле,
Ночь прошла...
«Сивка-бурка, оставь раздолье,
Отъезжать нам пора пришла!..»
Осмотрел себя в одном ухе Сивки,
Умылся в другом, снаряжается...
Говорит своей матери милой:
«Знай и ты, моя матушка, тоже,
Если не станет меня в живых,
Тогда забрякают чашки-ложки,
Тогда заревет большой бык!»
Вышел Педор Кирон из дому,
В ноги коню бросился низко он:
«Верой-правдой ты послужи мне,
Конь мой добрый, не покидай
Ты никогда меня между чужими,
В руки врагов моих не отдавай!»

Вот он пригнал коня своего
К месту битвы жестокой.
Обступили его йогра-яран стеной
Острых копий.
Семьдесят семь нанесли ему ран,
Захлестнуть его сетью пытались,
Но не смогли богатыря
Убить, как ни старались.
А конь его насмерть кого лягнет,
Кого передним копытом забьет.
Но вот наконец поскакал вороной
В густую далекую рощу.
Упал Педор Кирон, как неживой,
Наземь с коня встревоженного.
И молит его верный конь:
«Хозяин мой, если тебе высоко,
То я опущусь на колени,
Взберись на меня — и поедем!»
И говорит Педор Кирон в ответ:
«Нет, мне и так не подняться тоже.
Семьдесят ран я могу стерпеть,
А еще семь ран — невозможно».
Конь на колени упал перед ним:
«Кто тебя здесь похоронит?»
Садись же, садись, мы помчимся к родным!»
— «Похоронят меня здесь вороны
Когтями и клювами-дудками.
Прощай, прощай, добрый конь мой,
Берегись йогра-яран, будь чуток!»
Заржал верный конь, приблизившись к
дому.

Избы крепкие покосились,
А худые совсем развалились
От ржанья коня лихого.
Услышав ржание, матушка вышла,
Вешней водою слезы текли:
«Где же мой Педор?..»
— «Он неподвижно
В роще густой лежит, нанесли
Ему семьдесят семь ран,
Встать он, подняться не может».
Отпустила матушка вороного в поле,
А в доме брякают чашки-ложки,
И бык большой ревет, не умолкнет...

4. ПЕДОР КИРОН ЗАЩИЩАЕТ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

Прискакали гонцы на двух парах коней.
«Педор Кирон,— зовут,— собирайся скорей,
Собирайся скорее на битву.
Сын Вавилонский Иванович,—
Ведь ты русской земли защитник!»
— «Нет, не сяду я в сани ваши!»

Прискакали гонцы на трех парах коней.
«Педор Кирон,— зовут,— собирайся скорей,
Собирайся скорее на битву.
Сын Вавилонский Иванович,—
Ведь ты русской земли защитник!»
— «Нет, не сяду я в сани ваши!»

Сам князь в карете к нему приехал.
«Педор Кирон,— зовет,— собирайся, некогда
Больше медлить, иди на битву.
Сын Вавилонский Иванович,—
Ведь ты русской земли защитник!»
— «Нет, не сяду в твои я сани,
Поезжай, а потом приду я».

Педор Кирон на лыжи встал и
Навстречу ветру пошел буйному.
Вырвал с корнем большую березу,
Вражье войско смел ею разом.
Повел его князь к себе в гости,
Накормил-напоил вволю:
«Какую ты хочешь награду
За ратную долю?»
— «Ничего мне, князь мой, не надо.
Мне нужен лишь лес на Веслянке,
Чтоб один бы я был охотником
Верст на двадцать вокруг в том уголье.
Будет мне вместо дома теплого
Жаркий нодья».

Сорока-стрекотуха к окну прилетела,
 К окну прилетел ворон, каркая:
 «Спишь ли ты, Левонин-царь, или бодрствуешь?
 Идет на тебя рать несметная!»
 Левонин-царь с кровати вскакивал,
 Левонин-царь хватал трубу подзорную:
 «Так оно и есть! Слуги, вы, служаки
 Верные, вставайте, оденьтесь да обуйтесь.
 Идите к Кирьян-Варьяну, батюшке-защитнику,
 Пусть поможет он своею силой буйною
 В битве снова головы сохранить нам!»
 Вскочили слуги на ноги, оделись и обулись
 И поспешили прямо в дом богатыря.
 Жена его в то время как раз хлеба пекла.
 «Скажи, где Кирьян-Варьян,
 Земли хранитель русской?»
 — «Пошел он в церковь нашу,
 Стоял там на заутрене,
 Стоял там на обедне,
 Стоял там на достойне».
 И в церковь слуги чинные
 Отправились за Кирьяном.
 Всем образам молились,
 Всем людям поклонились,
 С поклоном же особым
 Идут к богатырю:
 «Земли хранитель русской,
 Защитник Кирьян-Варьян,
 Ты послужил бы снова
 Левонину-царю».
 За руки подхватили
 Его и усадили
 На быстрого коня.
 Догнал он на равнине
 В пути на половине
 Царицу и царя.
 Те сразу в ноги бросились,
 О помощи моля:
 «Земли хранитель русской,
 Защитник Кирьян-Варьян,
 Ты сохрани нам головы,
 Спаси ты нас опять!»

— «Тогда для битвы нужен мне
Мой Сивка-бурка вещий;
Еще седло пуховое,
Еще узду, и платье,
И стремяна кольчужные
Должны вы мне подать;
Чтоб не был безоружен я —
Булатный острый меч».
Вскочил на воронка он
И бросился на сечь.
И где б ни проскакал он —
Там улица убитых.
Взглянул Левонин-царь,
А полчище побито.
Навстречу Кирьян-Варьяну
Выходит царь Левонин
И на колени падает,
Благодарит за подвиг.
Под руки взяли Кирьяна
И повели к столу.
И яствами кормили
Его, поили вкусно...
«Возьми, защитник-батюшка,
Земли хранитель русской,
Ты серебро иль золото
За труд себе в уплату».
— «Нет, мне не нужно вашего
Ни серебра, ни злата».

6. КРАСИВЫЙ РОМАН И КРАСИВАЯ РОМАНИЦА

У красавца Романа и жена румяна,
О красе ее слава
Далеко разнеслась.
По следам, по слухам тьма татар поганных
Полонить ее принеслась.
А красавец Роман как об этом узнал,
Молодицу скорее в хлев увел и спрятал
В двух корытах больших, а к ним привязал
Большого быка своего рогатого.
Люд нечистый нагрянул:
«Где жена-красавица?»
— «Не женат я еще».

И схватили Романа,
И железным кололи его ножом,
Пока не признается.
Но опять их бедняга
Обмануть пытается:
«Нет у меня жены-красавицы».
Медным ножом кололи Романа,
Пока не признается,
Но твердил он упрямо:
«Нет у меня жены-красавицы».
Не было места живого
На теле Романа бедного,
Но колоть его стали снова,
В этот раз — ножом серебряным.
И Роман наконец не выдержал:
«В хлеву жена моя скрыта.
В большое корыто ее уложил я
И сверху накрыл корытом.
И привязал к тайнику я быка,
Бык тот велик, огромны рога».
Едва лишь бедный Роман признался,
Разыскали, пленили жену-красавицу,
И далеко ее увела
Злая толпа.
И на чужбине она провела
Год, пока опять не пришла
Жаркого лета пора.
Говорить она стала
Новому мужу-татарину:
«А у нас в этот день праздник —
Канун Ивана Купалы.
Топятся бани, веники люди ломают,
В веники травы мешают разные,
Кладут в них гвоздику, купальницу,
Моются в банях, парятся,
Идут купаться...»
Новый муж разрешил тогда
Сделать всё, что хотела красавица.
Справили баню, вымылись,
Напарились и отправились
К речке купаться...
А молодница крикнула:
«Муж мой, нырни-ка в воду!»
Татарин нырнул и вынырнул,

А молодица снова
Велела нырнуть мужу,
И опять он ее послушался.
И тогда говорит красавица:
«Буду и я купаться».
Нырнула она и выплыла,
Нырнула она и выплыла,
А в третий раз как нырнула,
Притворилась, будто ко дну
Потянуло ее, молодую.
Муж решил, что она утонула.
А она веселым-весела
Навсегда от него уплыла,
Под водой уплыла далеко.
Вышла на берег высокий,
Посмотрела с берега вниз,
Видит, плывет кипарис.
Говорит ему: «Дерево, дерево,
С собою возьми меня, дерево,
К родному носи меня берегу.
Мы из тебя сделаем
Церковь, если возьмешь меня,
А из смолы твоей ладан
Приготовим, если возьмешь меня,
Если к родному озыну
Ты довезешь меня».
Остановилось, поверило,
К ней протянуло дерево
Мокрые ветви взъерошенные.
Вот и к родному берегу
Кипарис ее вынес прямо.
Она видит, детишки бегают,
Говорит им: «Скажите Роману,
Что жена его ждет у причала,
В канун Ивана Купалы
Из полона она убежала».
Красавец Роман спустился
К реке за женой-молодицей.
И сказала она при встрече:
«Срубим церковь из этого дерева,
А из сучьев сделаем свечи,
Из смолы его ладан сготовим».
Как сказала она, так и сделали.
И живут-поживают спокойно.

У прекрасного Романа
 И жена на диво
 Хороша собой.
 Далеко разнесся слух,
 Как она красива.
 И пришла за ней гурьбой
 Тьма татар нечистых:
 «Где, Роман-красавец,
 Жена твоя молодица,
 Куда ее ты спрятал?»
 Говорит им лукавец:
 «А я не женатый».
 Били его искусно
 Треххвосткой железной русской.
 Утром снова явились
 И к нему подступились:
 «Где, Роман-красавец,
 Жена твоя молодица,
 Куда ее ты спрятал?»
 Говорит им лукавец:
 «А я не женатый».
 И тогда шестихвостной плетью
 Долго Романа метили.
 И на третье утро явились
 Татары и вновь подступились:
 «Где, Роман-красавец,
 Жена твоя молодица,
 Куда ее ты спрятал?»
 Говорит им лукавец:
 «А я не женатый».
 Долго Романа стегали
 Девятихвостной плетью,
 Пока его силы держали,
 Пока наконец не ответил:
 «В корыто жену уложил я
 И скрыл под другим корытом.
 Красавица-молодица
 В навозе у дома зарыта».
 И красавицу отыскали,
 Увезли.
 За тридевятье дали,
 За тридевять рек увезли.

Как-то вспомнила молодая
Полонянка в печали давней,
Что канун Ивана Купалы
В этот день на родине дальней,
И пошла купаться с татаркой.
И та повелела: «Первой,
Невестушка, прыгай в воду».
Сама же домой воротилась
И сказала всем, что, наверно,
Молодица в реке утопилась.
Люди шелковый невод взяли,
На темное дно закинули,
Но тела ее не подняли.
Берег печальный покинули,
Об утопленнице рыдая.
А красавица молодая
Между тем доплыла до дерева:
«Дуб любезный, плыви к берегу,
Плыви к берегу моему родному.
Ляг поперек реки, неси меня к дому.
Сучья твои зажгу я вместо свечи
И кору я твою зажгу вместо ладана,
Сделаю я икону себе из комля...»
Вот и к родному озыну
Дуб прибило.
Молодица-красавица спряталась
Под кустом ивовым.
Ребятишек увидела, передать просила их
Роману, что ждет его здесь жена,
Пусть несет он ей платье красивое,
Если, как прежде, ему нужна.
Если ж она не мила ему, дать ей
Может он самое ветхое платье.
Бросился к речке Роман,
Захватив лучшее платье из шелка,
Но вернулся назад — нигде ее не нашел.
Снова тогда красавица ребятишек просила
Передать Роману, что его ждет жена,
Пусть несет он ей платье красивое,
Если, как прежде, ему нужна.
Если ж она не мила ему, дать ей
Может он самое ветхое платье.
Бросился к речке Роман,
Захватив лучшее платье из шелка,

Но вернулся назад — нигде ее не нашел.
В третий раз молодница детей просила
Передать Роману, что его ждет жена,
Пусть несет он ей платье красивое,
Если, как прежде, ему нужна.
Если ж она не мила ему, дать ей
Может он самое ветхое платье.
Бросился к речке Роман,
Захватив лучшее платье из шелка.
Долго пришлось искать ему,
Долго по берегу брел...
Нарядил Роман жену в дорогое платье
И домой увел.

8. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИГА

Жил когда-то белый царь давным-давно.
Взял его Неверный Идол во полон.
Запер белого царя в земляной острог.
Охватили царство белое плач и стон.
Стали думщики-советники думы думать,
Стали думщики-советники советовать:
«Есть у нас защитник Илья Муромец,
Сын Иванович, русский богатырь светлый.
Нынче он в лугах зеленых, в чистом поле,
Ничего не знает он про наше горе».
— «Кто пойдет искать дым его костра?»
— «Пусть идет к нему его Калига-брат.
Мы четыре срока дадим на исшествие —
Добрых будем ждать от него вестей
Шесть лет да шесть месяцев,
Шесть недель, шесть дней».
В путь Калига выехал, в путь далекий.
Искал он в чистом поле шатер одинокий.
Ездил, ездил долго, неустанно;
В святцы посмотрел, а срок, ему данный,
Вышел весь, истерлось на коне седло:
С того дня, как выехал он,
Двенадцать лет прошло.
А Калига едет, видит вскоре дым,
Видит, в чистом поле разведен костер.
Рядом дуб растет, а под ним
Илья Муромец разбил свой большой шатер.

Илья Муромец, сын Иванович,
Русский богатырь славный,
Встретил брата лежа-отдыхаючи.
«Здравствуй,— говорит,— Калига,
С чем пожаловал?»
— «Белого царя пленил Неверный Идол,
В земляной острог заточил.
Отплати ты злыдню за муки-обиды,
На помощь царству нашему белому скачи!»
— «Ах, Калига-брат, мне, Илье Муромцу,
Нельзя там появляться в одеянье моем,
Ведь Неверный Идол вмиг додумается,
Кто я есть, и сердце мне пронзит ножом.
Так давай, Калига, платьем поменяемся».
И решили братья, что в шатре останется
Брат Калига, а Илья к Идолу направится.
На коня вскочил тогда Илья,
Поскакал, помчался по полям
Через горы и пространства
Защищать царя и царство.
И летят, летят из-под копыт,
Будто бани темные, комья глины.
За спиной Ильи долгий путь изрыт,
Выбиты в земле ямы погребные.
Вот он прибыл наконец
К Неверному Идолу,
Своего коня привязал,
Богатырской силою
В землю на сажень Илья копье загнал.
А Неверный Идол правит пир горою.
За его столом беседы шумные.
Говорит он: «Что за человек передо мною?
Прежде весть была про Илью из Муромы,
Русского богатыря,
Но что́ бояться зря —
Нет его давно в живых, силача буйного».
— «Да какой же я Илья Муромец, подумай,
Может быть, мы с ним одеждой схожи,
Может быть, мы с ним лицом похожи».
Тут Неверный Идол
Подхватил жбан водки,
Разом выпил.
Полное ведро пива
В ненасытную свою утробу вылил.

На закуску проглотил он
Огромную ковригу.
И поднял ядро тридцатипудовое чугунное,
Сжал — в ладонях Идола лишь пепел остался:
«Так-то бы я сделал с Ильею из Мурома,
Если бы он здесь рядом оказался!»
— «Да, пожалуй,
Ты бы это сделал!
Так смешил когда-то наших дедов
Бык жадный.
Сгинул он бесследно,
Не нашли клочка от шкуры.
Видно, ищешь ты ту же участь».
И вышел на улицу
Илья Муромец,
День отдыхал, на коне метался
Вольным ястребом, ветер пьющим,
И потом опять из полей помчался
К Неверному Идолу.
Коня привязал,
Богатырской силою
Копье на сажень в землю загнал
И зашел спокойно в шумящий зал,
Где Идол Неверный пир пировал.
Удивился Идол: кто он, зачем?
Ведет себя странно — богу не молится,
Ему ли, гостям — никому не поклонится,
Не поздоровается ни с кем.
«Был,— говорит он,— Илья из Мурома,
Силы невиданной, норова буйного,
Не он же, поди, из мертвых явился?»
— «Да какой же я Илья, ты подумай,
Может быть, мы с ним одеждой схожи,
Может быть, мы с ним лицом похожи».
Тут схватил Неверный Идол
Водки два ведра и выпил;
На закуску — две ковриги.
А потом ядро тридцатипудовое чугунное
Сжал — в ладонях Идола лишь пепел остался:
«Так-то бы я сделал с Ильею из Мурома,
Если бы он здесь рядом оказался!»
— «Да, пожалуй,
Ты бы это сделал!
Был такой, как ты, и у наших дедов

Пес кровожадный.
Что увидит — то хватает,
До полсмерти искушает.
Но и он пропал бесследно,
Не нашли клочка от шкуры.
Видно, ищешь ты ту же участь».
И вышел на улицу
Илья Муромец,
Вольным ястребом, ветер пьющим,
Целый день на коне метался
И опять из полей примчался
К Неверному Идолу.
Коня привязал,
Богатырской силою
Копье на сажень в землю загнал.
А Идол Неверный пир пировал.
Удивляется Идол — кто он, зачем?
Ведет себя странно — поклон не отвесит,
Не поздоровается ни с кем.
«Прежде ко мне доходили вести,—
Говорит Идол Неверный,—
Про Илью, что родом из Мурома,
Но не он же это, наверно?»
— «Нет, я не Илья, сам подумай,
Просто мы одеждою с ним схожи
Да лицом-обличием похожи».
Тут схватил Неверный Идол
Водки три ведра и выпил,
На закуску — три ковриги;
Кузнецов могучих кликнул.
Илье Муромцу сковали
Руки-ноги тяжелой сталью —
Толщиной с бревно, немецкой;
Навзничь бросили в телегу.
А на грудь ему уселся
Идол, вертится, храбрится,
Громкую заводит песню...
Повезли Илью в темницу.
Вот тюрьма уж показалась.
Видит богатырь — пора.
Шевельнулся он, и, словно
Конопляная костра,
Сталь немецкая распалась
На ногах и на руках.

С головы врага схватил Муромец
Шляпу тридцатипудовую,
Размахнулся, как доскою чугуною,
И швырнул ее тому же в голову.
Оторвалась голова,
Пробила каменную стену
И за три версты отлетела.
Взял тогда Илья Муромец Идола Неверного
За руку и за ногу — разорвал его тело,
А клочья разбросал в разные стороны
Далеко от жилья, чтоб клевали их вороны.
А потом он темницу сырую открыл,
Вывел царя своего на свободу
И на белое царство его посадил.
Сразу легче стало народу,
Как избавились от Идола-урода:
Излечились хромые,
Прозрели слепые,
Все больные стали здоровы.
Поклонился Илья царю
И вернулся к тому шатру,
Где брат его дожидался.
«Здравствуй, Калига-брат,
Жив ли ты или мертв остался?»
— «Коли жив, то едва-едва!»
Поменялись они одеждами
И стали такими, как прежде.
Сели они, отобедали,
Друг с другом по-братски беседовали.
На прощанье сказал Илья,
Подавая бумагу Калиге:
«Будь вторым ты после царя,
Княжи сам в царстве великом!»
Как вернулся Калига в белое царство,
В князья возвели его и богатство
Большое дали.
Стал он вторым за своим государем.
А раньше-то люди при Идоле жили
В горести, в бедности.
По указу Неверного
Мучили их и били.
А теперь заиграла музыка
В царстве белом.

Манифесты издали новые,
Указы дельные.
Стали все люди жить в любви и совете,
Будто и нет больше печалей на свете.

9. АЛЕКСЕЙ — ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Жили-были князь с княгиней.
Славный сын у них родился.
Князь с княгиней сына бы женили,
Но не хочет Алексей жениться.
«Алексей ты, божий человек,
Полно одному коротать свой век»,—
Говорят они, к сыну обратясь.
«Что ж, Анна-матушка,
Батюшка, мой князь,
Коль пора настала,
Так женюсь, пожалуй».
— «Как давно мы ждали согласия твоего!
Мы пойдем к царю сватать дочь его».
И сосватали ему Марфу-царевну.
К царской свадьбе все готовятся усердно.
Открывают ворота царские,
Да княжеские ворота,
А еще ворота крестьянские,—
Приходите, кому охота.
Царский стол накрывают пышно,
Да княжеский стол, да крестьянский.
Вот и свадебный поезд, слышно,
Подоспел, поражая убранством.
Входит жених
Через крестьянские двери.
Выбирает себе жених
Стол крестьянский.
«Отчего ты со дня первого
Стал чваниться и насмехаться,
Алексей, человек божий?..
Отчего не вошел ты в ворота царские
И за стол царский
Не сел, как положено?..
— «Да по мне это лишнее,
Батюшка-царь,—
Отвечает он,— что толковать!»

Пировали они, как заведено встарь,
И отправились в дом жениха.
Приготовил и князь царский стол и открыл
Для гостей ворота царские.
Алексей же опять,
Как не княжеский сын,
Вошел в двери крестьянские.
И здесь он сел за простой стол.
Говорят князь с княгиней ему: «Отчего,
Отчего ты со дня первого
Стал чваниться и насмехаться,
Отчего ты вошел в крестьянские двери,
Почему не сел ты за стол царский?
Ведь ты с царской семьей породнился!»
— «Да мне это лишнее!»
Пир же продлился,
Пока молодых не отправили вместе
В спальню. Заговорила невеста:
«Как мне тебя величать, не знаю».
— «Марфа-царевна, коль уж слово сказала,
То принеси мне ломоть каравая».
За караваем она побежала,
Вернулась назад к Алексею, и вот
Отрезала первый ломоть — детства,
Другой отрезала — свадьбы ломоть,
И хлеб в дорогу отмерила — третий.
Сермягу надел Алексей, опоясаясь,
Взял третий ломоть и ушел восвояси.
Утром будить молодых пришли.
«Где твой муж?»
— «Он куда-то вышел».
Искали его — нигде не нашли,
Никто о нем ничего не слышал.
Посадили в темницу молодую жену,—
Много-много лет уже дню тому.
Алексей же в лесу состарился,
В тайной келье своей молясь.
Но однажды старик отправился
К дому отчему: «На ночь, князь,
Пусти меня!»
Князь приказал
Своим слугам открыть курятник,
Чтобы в нем ночевать мог странник.
Утром встали домашние: странно,

Во всем доме благоуханье,
И откуда оно, непонятно.
«Пойдемте скорее к страннику!»
И вошли они все в курятник,
А старец лежит бездыханно.
А в руках его рукопись сложена,
И никто ее взять не может
У покойника, княжьего сына,—
Ни царь, ни отец, ни княгиня.
Привели тогда Марфу-царевну.
Только шаг она сделала первый
По ступеням, как рукопись просто
Сама в руки ее бросилась.
Развернула ее царевна:
«Это сын ваш любимый, верно».
И все рукопись эту читали,
И плакали, и причитали.
Собирать Алексея стали
В последний путь.
Сколотили гроб, но не могут
Ни сдвинуть его, ни столкнуть.
И приснился им сои урочный,
А во сне голос пророческий:
«Устелите до церкви самой
Ему путь серебром и золотом!»
Так и сделали утром ранним.
Гроб поплыл по звенящим вóлнам,
В холодном светясь тумане...

10. ТРИ СЕСТРЫ ПОШЛИ ПО СМОРОДИНУ

Три сестры пошли по смородину,
По лесу девицы бродят...
Младшая сестрица
Заблудилась.
Средняя — искать ее пустилась.
Шла она,
И показался вскоре
Берег моря.
А у моря дуб растет,
На нем — кровать
На высоких ножках позолоченных.

Выстлана кровать соломой гладкой —
Золотыми свежими колосьями,—
А на ней — пуховая перица
Да подушка шелковая взбиты;
Одеяло сверху соболиное,
Чуть скрываемое пологом из ситца.
«Заберусь-ка я под полог»,—
Вздумала девица.
Легла — и задремала,
А потом проснулась
И с кровати встала:
«Ну-ка, я теперь к берегу схожу.
Не плывет ли кто-нибудь
В лодке, погляжу».
И спустилась к морю,
Лицо набелила,
Лицо набелила, щеки нарумянила;
Ищет лодку на море
Взглядом терпеливым...
«Хоть бы в жены взял меня
Сын купца богатого,
Не должна достаться я
Ворону проклятому
С клювом, словно дягиль.
Если ждать мне долго,
Лучше снова лягу
На кровать под полог».
Поднялась на дуб она,
Выспалась, понежилась,—
Вновь пойти надумала
К берегу в надежде
Кого-нибудь увидеть.
Водой морской умылась
Да густо набелилась,
Щеки нарумянила.
Ищет лодку на море
Взглядом терпеливым...
«Хоть бы в жены взял меня
Славный сын крестьянский.
Ведь не птичьим клювам же
Мне суждено достаться».
И опять под полог
Забралась девица,
Поспала недолго,

И опять спуститься
Ей пришлось на берег.
Водой морской умылась
Да густо набелилась,
Щеки нарумянила.
Взглядом терпеливым
Лодку в море ищет...
«Хоть бы в жены взял меня
Самый жалкий нищий.
Как колоде деревянной,
Ведь не гнить же мне».
И опять она поднялась на дерево.
Поспала, понежилась,
Побежала к берегу.
Белила, как и прежде,
Наложила ровно,
А щеки нарумянила.
Посмотрела на море:
Вьется лодка в волнах,
Проплывает мимо.
«Дядюшка, — вскричала, —
Подвези, возьми меня!»
С лодки отвечал он:
«Хочешь, так спасайся,
Но тогда до лодки
Сама уж добирайся,
Скорее прыгай в воду!»
Зарыдала бедная,
А потом осмелилась:
Отплыла от берега,
Заспешила девица...
Так плыла, плыла она, —
Как до середины
Моря добралась,
Явилась из пучины
Щука, словно глыба.
Проглотила девушку
Злая рыба.

11. СРЕДНЯЯ СЕСТРА НА БЕРЕГУ КАМЫ

Три сестрицы за смородиной ходили,
Ягоды лесные собирали.
Младшая сестрица заблудилась,
Среднюю — искать ее послали.
Шла она и выбралась
На распутье трех лесных дорожек.
Среднюю тропу девица выбрала,
Ей доверилась,— и заблудилась тоже,
Как и та, которую искала.
Завела ее дороженька далеко,
Вывела ее к широкой Каме.
А у Камы дуб стоит высокий.
По стволу она полезла узловатому,
Видит — а в ветвях кровать роскошная
С ножками серебряными спрятана.
На кровать солома свежескошенная
Брошена: как золото, колосья.
И лежит пуховая перина.
И подушка шелковая словно просит,
Чтоб девица голову склонила.
Одеяло соболиное готово
Приютить усталую сестрицу,
И колышет ветер легкий полог,
Легкий полог из цветного ситца.
На перину улеглась девица,
Полежала да поплакала немного:
«Что ж, придется мне к реке спуститься,
Посмотреть, плывет ли кто на лодке?»
Понадеявшись, спустилась, но однако
У реки опять она поплакала
И умылась — и слезами и водицей.
А умывшись, средняя сестрица
Начала белиться да румяниться,
Думая: «Ах, в жены взял бы меня
Сын купеческий, а то достанется
Мое тело птицам остроклювым».
А затем обратно к дереву вернулась:
«Может, ждет меня гость какой?..»
Забралась она высоко,
На кровати пышной полежала,
И поплакала, и снова встала
Посмотреть, плывет ли кто-нибудь,

Кто бы мог к ней лодку завернуть.
Понадеялась, спустилась, но однако
У реки опять она поплакала
И умылась — и слезами и водицей.
А умывшись, средняя сестрица
Начала белиться да румяниться,
Думая: «Ах, в жены взял бы меня
Хоть и сын крестьянский,
А не то останется
Мое тело гнить, как колода черная...»
И вернулась к дубу удрученная:
«Неужели вновь не ждет меня никто?»
Забралась она высоко,
На кровати пышной полежала,
И поплакала, и снова встала
Посмотреть, плывет ли кто-нибудь,
Кто бы мог к ней лодку завернуть.
Понадеялась, спустилась, но однако
У реки опять она поплакала
И умылась — и слезами и водицей.
А умывшись, средняя сестрица
Начала белиться да румяниться,
Думая: «Ах, в жены взял бы меня
Хоть бы нищего сын никчемный,
А не то достанусь я
Щуке огромной».
Так подумала, и вот,
Видит — лодка плывет.
«Лодочник, лодочник,
Возьми меня в лодку!
Если старый ты, отцом мне будешь.
Будешь братом мне, если молод ты.
Если ты еще моложе, станешь мужем».
— «Ты сама ко мне плыви, коли нужно!»
Бросилась девица в реку, замахала руками.
Вынесло ее на середину Камы.
Щука большая ее схватила
И проглотила.

2. ДОРОГА ГОРНОСТАЙ-ДЕВИЦЫ ЧАБАНЭ, ЧАБАНЭ

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Где твоя дорога за водой?»
— «Там, где куропатка кудахчет,

Где бежит ручей ледяной».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Где твоя дорога за дровами?»

— «Там, у бора пролегла моя дорога,
Где токует тетерев ночами».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Как за сеном ходишь ты обычно?»

— «Пролегла моя дорога у болота,
У болота, где журавль курлычет».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
А куда изба твоя смотрит?»

— «Смотрит у меня она на полдень,
Смотрит у меня она на полдень».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Где стоит твоя изба?»

— «На красивом берегу стоит она,
На побережье чистом.

Там и соболь-то как хвоя;

Словно шишка, там белка виснет;

Там и бобр сидит, как чурбак,

С места не сойти ему никак».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Чем покрыта у твоей избы крыша?»

— «Всё льняным холстом, всё холстом
Белотканым, чтоб казалась выше».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Чем покрыта крыша у амбара?»

— «Лишь льняным холстом чистым
Мать с отцом когда-то всю застлали».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Чем покрыта крыша у сарая?»

— «Под холстом из паческовой пряжи
Крыша над сараем крутая».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Что тебе отец оставил, умирая?»

— «Добрую оставил сковородку,
Чтоб на ней я жарила тетерку».

— «Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Что тебе твоя мать оставила?»

— «Мне оставила она горшок, чтобы масло,
Чтобы масло русское в нем растапливать...»

«Горностай-девица
 Чабанэ, Чабанэ,
 Ну-ка, собирайся,
 Выдавать Турин-девицу
 Замуж
 Отправляйся!»
 — «А как пойду я,
 Как пойду я,
 Если нету
 У меня чулок,
 Чтоб обуться?»
 — «Попроси ты
 У девицы русской
 Белые чулочки,
 Белые чулочки».

«Горностай-девица
 Чабанэ, Чабанэ,
 Ну-ка, собирайся,
 Выдавать Турин-девицу
 Замуж
 Отправляйся!»
 — «А как пойду я,
 Как пойду я,
 Если нету
 Черевичек у меня
 Ладных?»
 — «Попроси ты себе
 Златосканые
 Черевички
 У русской девицы».

«Горностай-девица
 Чабанэ, Чабанэ,
 Ну-ка, собирайся,
 Выдавать Турин-девицу
 Замуж
 Отправляйся!»
 — «А как пойду я,
 Как пойду я,
 Если нету
 У меня рубашки,

Чтоб надеть ее
В дорогу?»
— «Ты рубашку-то
Из коленкора
У девицы русской
Попроси».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если нету
У меня китайки,
Чтоб надеть
Себе в дорогу?»
— «Так с двенадцатью
Двумя клиньями
Попроси китайку
У девицы русской».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если нету
У меня платка,
Чтоб повязать
Себе на голову?»
— «У девицы русской
Попроси себе,
Попроси себе
Платок,
Шитый золотом».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,

Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если нету
Зипуна у меня
Никакого?»
— «У девицы русской
Попроси зипун
С клиньями
С двенадцатью».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если моя
Кобыла только что
Ожеребилась?»
— «Дай кобыле ты
Сена да воды,
Так и проживет,
Тебя подождет».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если у меня
Коровушка моя
Отелилась?»
— «Дай корове ты
Сена да воды,

Так и проживет,
Тебя подождет».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если у меня
Недавно
Овца объягнилась?»
— «Дай овечке ты
Сена да воды,
Так и проживет,
Тебя подождет».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если у меня
Нету сена,
Чтобы их накормить?»
— «Где ж твоя дорога
За сеном?»
— «У ручья
Моя дорога за сеном,
У ручья,
Где тетерев токует».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,

Как пойду я,
Если у меня
Нет воды,
Чтобы их напоить?»
— «Где ж твоя дорога
За водой?»
— «У ручья
Моя дорога за водой,
У ручья,
Где кудахчут куропатки».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если у меня
Нет дров,
Чтоб печку истопить?»
— «Где ж твоя дорога
За дровами?»
— «У ручья
Моя дорога за дровами,
У ручья,
Где глухарь кудахчет».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если у меня
У сарая
Двери-то распахнуты?»
— «Ты сходи, прикрой их,
И так сойдет».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если у меня
Двери в доме
Все распахнуты?»
— «А ты
Иди скорей,
Их прикрой плотней,
И так сойдет».

«Горностай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если у меня
В хлеву остались
Двери распахнуты?»
— «А ты
Иди скорей,
Их прикрой плотней,
И так сойдет».

«Гориостай-девица
Чабанэ, Чабанэ,
Ну-ка, собирайся,
Выдавать Турин-девицу
Замуж
Отправляйся!»
— «А как пойду я,
Как пойду я,
Если мне
Ума-разума
Недостает,
Ума-разума?»

— «А сходи ты
К русской девушке,
Попроси кудели мягкой,
Чтоб прикрыть
Твое слабоумие,—
И так сойдет».

14. ГОРНОСТАЙ-ДЕВИЦА И ОХОТНИК

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду за тебя,
Слишком ты косой».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду за тебя,
Косолап ты очень».
— «Я перешагнул двадцать колод,
Долгий путь топтал —
Косолапым стал».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду за тебя,
Кривобок ты очень».
— «Я мешок тяжелый свой таскал,
Оттого и кривобоким стал».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду за тебя,
Ведь за сеном далека твоя дорога».
— «А за сеном у меня дорога пролегла
У болота, где кудахчут куропатки».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»

— «Нет, не выйду за тебя,
За дровами далека твоя дорога».
— «Там она, где тетерев токует».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду за тебя —
За водой твоя дорога далека».
— «Там, где рябчик свищет, у ручья она».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду за тебя,
Потому что у тебя дом без крыши».
— «Крыша дома моего — туча черная».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду за тебя,
Потому что у тебя амбар без крыши».
— «Кучевые облака — крыша у амбара».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду за тебя —
У тебя ограда не поставлена».
— «Снежные сугробы — вот моя ограда».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди замуж за меня,
 выйди, выйди, выйди!»
— «Нет, не выйду».
— «Я когда-нибудь умру...»
— «А тогда и я рядом лягу».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди за меня замуж».

— «Не пойду я за тебя, не пойду —
Ноги у тебя кривы».

— «Ноги-то мои покривились,

Укорачивая длинную дорогу.

Если замуж за меня не пойдешь,

Уведут тебя отсюда немцы-татары».

— «А меня тогда мой батюшка выкупит».

— «Чем же тебя выкуплю, доченька?»

— «Есть в хлеву твоём златорогий бык».

— «Даже рога одного его ты не стоишь!»

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди за меня замуж».

— «Не пойду я за тебя, не пойду,
Потому что у тебя горб большой».

— «Спину я свою не жалел,

Вырос этот горб от тяжелой ноши.

Если замуж за меня не пойдешь,

Уведут тебя отсюда немцы-татары».

— «А меня тогда моя мать выкупит».

— «Чем же тебя выкуплю, доченька?»

— «Есть в хлеву твоём свинка с золотой щетинкой».

— «Ни одной ее щетинки ты не стоишь!»

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди за меня замуж».

— «Не пойду я за тебя, не пойду,
Очень уж глаза твои косы».

— «Оттого мои глаза косыми стали,

Что я столько раз в белок целился!

Если замуж за меня не пойдешь,

Уведут тебя отсюда немцы-татары».

— «А тогда меня братец выкупит».

— «Чем же тебя выкуплю, сестрица?»

— «За меня пальто отдашь русского сукна».

— «Да не стоишь ты, сестра, и одного-то клина».

«Горностай-девица Чабанэ, Чабанэ,
Выйди за меня замуж».

- «Не пойду я за тебя, не пойду,
Даже пальцы-то у тебя кривые».
— «Пальцы у меня pokrивились
Оттого, что деньги я считал часто.
Если замуж за меня не пойдешь,
Уведут тебя отсюда немцы-татары».
— «А меня тогда невестка выкупит».
— «Чем же тебя выкуплю, деточка?»
— «Шелковым платочком с бахромою».
— «И одной-то ниточки ты его не стоишь».

Так и не выкупил никто Горностай-девицу, и увели ее в плен немцы-татары, а Прекрасный Роман не успел ей помочь. Жила она у немцев-татар дома и однажды стала проситься пойти на реку. Отпустили девушку к реке, а она в воду бросилась и под водою уплыла из плена. Увидела Горностай-девица большой дуб, что плыл по реке. Попросила она: «Дуб, дуб, отвези меня к Прекрасному Роману!» Села на дуб и приплыла домой. А Прекрасный Роман всё еще горько плакал.

16. ПОД ОКНОМ ЗЕЛЕНОКУДРАЯ БЕРЕЗА РОСЛА

- Под окном зеленокудрая береза росла.
В доме том красавица девица жила.
Но пересадили на другое место
Тонкую березу, а девушку-невесту
Отдают родители в дальние края.
«Батюшка, мой батюшка, выкупи меня!»
— «Чем тебя мне выкупить, доченька родная?»
— «Есть тебе чем выкупить, батюшка, я знаю:
Лучшего отдай ты за меня коня».
— «Нет, такого выкупа ты не стоишь, доченька».
— «Матушка, ах, матушка, выкупи скорей!»
— «Чем тебя мне выкупить, доченька родная?»
— «Есть тебе чем выкупить, матушка, я знаю:
Лучшею коровой, той, что всех щедрей».
— «Нет, такого выкупа ты не стоишь, доченька».
— «Братец, братец миленький, помоги, подумай!»
— «Чем тебя, сестричка, выкупить, родная?»
— «Есть тебе чем выкупить, братец мой, я знаю:
Лучшим своим выкупи ты меня костюмом».
— «Нет, такого выкупа не стоишь ты, сестрица».

— «Сестричка моя милая, избавь от несчастья!»
— «Чем тебе помочь, сестра моя родная?»
— «Есть тебе чем выкупить, милая, я знаю:
Выкупи меня своим лучшим платьем».
— «Нет, такого выкупа не стоишь ты, сестрица».
— «Что ж, невестка милая, и ты меня послушай,
Выкупи меня, хоть ты и не родная!»
— «Девочка ты бедная, чем выкупить, не знаю».
— «Свой зипун отдай черный, самый лучший».
Сжалилась невестка милая над горем,
Выкупила девушку зипуном богатым.
«Ну, прощай, невестушка,
спасибо за уплату!
Далеко отсюда уплыву я в море!»

17. ВОЗЛЕ ДОМА ГУЛЮ ЮР СИДИТ

Возле дома, возле дома
Гулю юр сидит суровый.
Под полатами стоит
Тьма татар, шумит, гудит.
Издалека налетели, из чужих сторон —
Девушку-красавицу берут во полон.
«Батюшка, мой батюшка, выкупи, родимый,
За меня отдай
ты тулуп свой длинный!»
— «Дочка моя милая,
Выкупил бы, право,
Но цена такая по тебе не справна».
— «Матушка ты, матушка, спаси свою дочку!
Выкупи меня
шалью ли, платочком».
— «Дочка моя милая,
Выкупила б, право,
Но цена такая по тебе не справна».
— «Милый брат, голубчик, выкупи, помилуй!
За меня отдай
ты тулуп свой синий».
— «Ах, сестрица милая,
Выкупил бы, право,
Но цена такая по тебе не справна».

— «Голубушка сестричка, не губи навечно,
 Выкупи меня
 серебряным колечком!»
 — «Милая сестричка,
 Выкупила б, право,
 Но цена такая по тебе не справна».
 — «Помоги мне, крестный мой,
 помоги, не медли,
 Выкупи меня
 крестиком серебряным!»
 — «Девочка ты милая,
 Выкупил бы, право,
 Но цена такая по тебе не справна».
 — «Помоги мне, крестная, выкупи, родная,
 Выкупи меня
 новыми серьгами!»
 «Девочка ты милая,
 Выкупила б, право,
 Но цена такая по тебе не справна».
 — «Милый друг, любимый мой,
 не губи напрасно,
 Выкупи меня
 платком своим красным!»
 — «Милая подруга,
 И выкупил бы, право,
 Но цена такая по тебе не справна».
 — «Неужели батюшке
 на тулуп хороший
 Я не наработала,
 что татарам брошена?
 Неужели матушке
 для платка, для шали
 Вечерами зимними
 я шерсти не на пряла?
 Неужели брату
 я не окупила
 Синенький кафтанчик
 тем, что кладь возила?
 За сестрицу разве
 я не заступалась,
 Что отдать ей жалко
 кольцо — такую малость?
 А мои услуги
 крестному не стоят ли

За все годы долгие
крестика простого?
Разве я для крестной
не была усердна,
Что ей стало жалко
серебряные серьги?
Иль не заслужила я
у милого дружка
Любовью своей верною
красного платочка?
Что ж, я разве батюшке
дров не приносила,
Не стирала матушке,
сорочек не чинила?
Или братцу милому
сена не возила?
Иль своей сестрице
воду не носила?
Крестному ли милому
снопы не молотила?
Крестной разве волосы
не перебирала?
Угощение другу
я ль неставляла?..»

18. ТЬМА ТАТАР ОБСТУПИЛА ХОРОВОДОМ

Во полон берут красавицу бедную,
Во полон ее уводят в край чужой,
Где грохочут, где трубят трубы медные,
Где, как в мяч, играют человечьей головой.
Обступила тьма татар девицу хороводом,
И все лавки заняты злым народом.
«Батюшка, мой батюшка!
С поля своего открытого,
с широкого простора,
Выкупи меня, мой батюшка, вызволи
Из той земли, где трубят трубы медные,
Где, как в мяч, играют человечьей головой».
— «Дочка моя, доченька,
Чем тебя я выкуплю?»
— «Батюшка, мой батюшка,

На твоей конюшне конь стоит,
крылатый Рыжко.

За меня отдай его, мой батюшка!»

— «Доченька моя, родная доченька,
Ты сама не стоишь выкупа такого!»

— «Если и не стою я, тогда хотя бы
Для помину запиши меня, отец».

— «Стоит ли записывать для помину, дочка?»

— «Если не запишешь — знай,

Уже мне виден вход в тот страшный край,
А вот обратно — выхода не будет!»

Во полон берут красавицу бедную,
Во полон ее уводят в край чужой,
Где грохочут, где трубят трубы медные,
Где, как в мяч, играют человечесьей головой.
Обступила тьма татар девицу хороводом,
И все лавки заняты злым народом.

«Матушка моя, матушка!

С поля своего открытого,
с вольного простора,

Выкупи меня ты, матушка, вызволи
Из той земли, где трубят трубы медные,
Где, как в мяч, играют человечесьей головой».

— «Дочка моя, доченька,

Чем тебя я выкуплю?»

— «Есть в хлеву твоём
коровушка удойливая,

За меня отдай ее, матушка!»

— «Доченька моя, родная доченька,

Ты сама не стоишь выкупа такого!»

— «Если и не стою я, тогда хотя бы

Для помину запиши меня, матушка».

— «Стоит ли записывать для помину, дочка?»

— «Если не запишешь — знай,

Уже мне виден вход в тот страшный край,

А вот обратно — выхода не будет!»

Во полон берут красавицу бедную,
Во полон ее уводят в край чужой,
Где грохочут, где трубят трубы медные,
Где, как в мяч, играют человечесьей головой.
Обступила тьма татар девицу хороводом,
И все лавки заняты злым народом.

«Братец, милый братец мой!
С поля своего открытого,
 с вольного простора,
Выкупи меня, мой братец, вызволи
Из той земли, где трубят трубы медные,
Где, как в мяч, играют человечьей головой». —
«Милая моя сестрица,
Чем тебя я выкуплю?»
— «Знаю я, соболья шуба
 у тебя висит в амбаре.
Ею выкупи, мой братец!»
— «Нет, сестра моя, сестрица милая.
Ты сама не стоишь выкупа такого!»
— «Если и не стою я, тогда хотя бы
Для помину, братец, запиши меня». —
«Стоит ли записывать для помину, милая?»
— «Если не запишешь — знай,
Уже мне виден вход в тот страшный край,
А вот обратно — выхода не будет!»

Во полон берут красавицу бедную,
Во полон ее уводят в край чужой,
Где грохочут, где трубят трубы медные,
Где, как в мяч, играют человечьей головой.
Обступила тьма татар девицу хороводом,
И все лавки заняты злым народом.
«Милая невестка, милая невестка!
Выкупи меня, выкупи, вызволи!»
— «Ах, моя золовушка,
Рада бы я выкупить,
 да сама не вольная». —
«Коль не можешь выкупить,
 то меня хотя бы
Для помину, бедную, запиши, невестушка!»
— «Для помину я запишу тебя...»

19. ВВЕРХ ПО ВЫМИ ПАРОХОД ПЛЫВЕТ

Вверх по Выми пароход плывет.
«Полчаса осталось, Маша,
Не шуми, довольной!»
В жены Машу молодой рыбак берет,
Он не только в сватовстве успешен:

Угодили в сеть его с весенней ловли
Вьюн, пескарь и рыбки три, не меньше.
Но схватили Машу люди злые,
Люди злые увезли ее на пароходе,
Злые люди Машу увезли
В город, где черным-черно народу...

В городе, на площади — темный сруб.
В этом срубе Маша бедная томится.
Всё глядит красавица на толпу —
Вдруг знакомый кто-нибудь пройдет мимо.
Видит, матушка ее идет,
Она весь город обошла, вздыхая.
«Выкупи меня, матушка родная,
Из-под власти злыдней, из неволи горькой!»
— «Чем тебя мне выкупить, Машенька, не знаю».
— «Своей шалью, матушка, выкупи широкой».
— «Голова твоя не стоит, Маша, так высоко».

В городе, на площади — темный сруб.
В этом срубе Маша бедная томится.
Всё глядит красавица на толпу —
Вдруг знакомый кто-нибудь пройдет мимо.
Вот и батюшка ее идет, высматривая дочь.
«Выкупи меня, батюшка, невмочь
Быть под властью злыдней, в подневолье страшном!»
— «Чем тебя мне выкупить, как тебе помочь?..»
— «Сюртуком своим парадным выкупай-выпрашивай!»
— «Нет, не стоит голова твоя такой цены, Маша».

В городе, на площади — темный сруб.
В этом срубе Маша бедная томится.
Всё глядит красавица на толпу —
Вдруг знакомый кто-нибудь пройдет мимо.
Видит, брат ее идет, вздыхая.
«Помоги мне, братец, дай хороший выкуп,
Полонила меня, бедную, сила злая».
— «Чем тебя, голубушка, выкупить, не знаю».
— «Выкупи, мой братец, дорогою шубой».
— «За такую цену, Маша, оставайся в срубе».

В городе, на площади — темный сруб.
В этом срубе Маша бедная томится.
Всё глядит красавица на толпу —

Вдруг знакомый кто-нибудь пройдет мимо.
Видит, к ней идет сестра, вздыхая.
«Выкупи меня, выкупи, родная,
Из-под власти злыдней, из неволи горькой».
— «Чем тебя, голубушка, выкупить, не знаю».
— «Дорогим платком своим выкупи шелковым».
— «Голова твоя не стоит, Маша, так высоко».

В городе, на площади — темный сруб.
В этом срубе Маша бедная томится.
Всё глядит красавица на толпу —
Вдруг знакомый кто-нибудь пройдет мимо.
Видит, миленький идет,
Он весь город обошел, ее вспоминая.
«Выкупи меня, выкупи, мой милый,
Из-под власти злыдней, от судьбы унылой».
— «Чем тебя, голубушка, выкупить, не знаю,
За какую цену мне тебя уступят?»
— «Выкупи, любимый, дорогим тулупом».
Не жалея, сбросил милый свой тулуп.
Торговцы подхватили —
Растворили сруб.
С Машей он в обнимку по городу идет.
Вверх по Выми пароход плывет.

20. ДЕВУШКА С РУСОЙ КОСОЙ

Отец отправился в лес зверя промышлять. Заснул он, и бесы стали донимать его: «У тебя дома очень красивая дочь осталась. Если не отдашь нам ее на три года в служанки, тебя убьем, так и не увидишь свою дочь».

Он вынужден был пообещать свою дочь.

Спустя какое-то время вернулся он домой, а дома очень красивая дочь встречает его. Может, уж невестой стала. Отец говорит дочери: «Самого себя я запродам и тебя тоже отдам на три года в служанки».

Окружило дом злое племя.

Злое племя окружило
Дом честной.
Во полон берут девицу
С русою косою.

Во полон берут девицу —
 Хоровод татар кружётся.
 «Милый батюшка, послушай,—
 Молит девушка тайком,—
 Выкупи меня ты лучшим
 Вороным своим конем».
 — «Рад бы, дитятко, но разве
 Стоишь ты цены такой?..»
 Полонили девушку с русою косою.
 Злое племя окружило
 Дом честной.
 Во полон берут девицу
 С русою косою.
 Во полон берут девицу —
 Хоровод татар кружётся.
 «Матушка моя, послушай,
 Выкупи меня, молю,
 Выкупи коровой лучшей
 С белой меткою на лбу».
 — «Рада б, дитятко, но разве
 Стоишь ты цены такой?..»
 Полонили девушку с русою косою.
 Злое племя окружило
 Дом честной.
 Во полон берут девицу
 С русою косою.
 Во полон берут девицу —
 Хоровод татар кружётся.
 «Милый братец мой, послушай,—
 Молит девушка тайком,—
 Выкупи меня ты лучшим
 Своим новым зипуном».
 — «Рад бы выкупить, но воли
 Не дают, сестра, такой».
 Полонили девушку с русою косою.
 Злое племя окружило
 Дом честной.
 Во полон берут девицу
 С русою косою.
 Во полон берут девицу —
 Хоровод татар кружётся.
 «Милая сноха, послушай,—
 Молит девушка тайком,—
 Выкупи меня ты лучшим

Своим шелковым платком».
— «Рада б выкупить, но воли
У меня-то нет самой».
Полонили девушку с русою косою.
Злое племя окружило
Дом честной.
Во полон берут девицу
С русою косою.
Во полон берут девицу —
Хоровод татар кружится.
«Сноха моя милая,
Проводи меня, проводи
До крылечка, до дороги,
По которой воду вам носила я.
Проводи меня, проводи
До бугра, с которого
Разбегаются все пути.
Сноха моя милая,
Проводи меня, проводи,
Вслед, пока видна я буду,
Мне гляди».

Девушку с русой косою в полон забрало, тронуло с места, увело с собой злое племя. Жила она на чужбине три года. Там малый ручей протекал, а на его берегу береза с золотой берестой стояла.

Девушка не пила и не ела, только береза с золотой берестой поддерживала ее. Девушка три года умоляла березу с золотой берестой увезти ее назад домой.

«Березонька моя, березонька, пади ты, пади на землю. Из твоей верхушки-комля избу поставлю, из ветвей-сучьев плахи нарублю. Увези ты меня по реке домой».

Девушка с русой косою выучилась на чужбине всякому делу-ремеслу.

Три года прошло, вдруг береза в одну сторону качнулась, в другую сторону качнулась, наклонилась, и земля пала, к реке покатилась. Девушка с русой косою вместе со своей собачкой взобралась на березу с золотой берестой, уплыла от злого племени. На родину вернулась, дом поставила. Отовсюду чужой запах слышен. Девушка с русой косою стала шить на шести пяльцах.

Отец девушки с русой косою отправился к реке, глядит он — дом стоит. Девушка с русой косою напустила на отца собачку, собачка схватила его, тот едва смог

убежать. Мать девушки с русой косой отправилась к реке за водой, собачка и ее искусила. Брат девушки с русой косой к реке отправился, собачка допустила его до крыльца дома, а в дом не впустила. Сноха отправилась к реке за водой. Золовка надавала ей всяких шелковых платков.

И теперь, наверное, девушка с русой косой там живет.

21. КРАСАВИЦУ-ДЕВИЦУ ВО ПОЛОН БЕРУТ

Затрубили, затрубили в рог медный.

У стола стоит красавица бедная.

Всю избу заполнила тьма татар, гудит,

А на лавке сам Гурилук сидит.

Плачет полонянка, слезами умывается —

Увезут ее на чужбину маяться.

Оглянулась девушка — отец проходит мимо.

«Выкупи меня, батюшка родимый!»

— «Чем тебя мне выкупить?» — отец сокрушается.

— «Тем лужком, с которого летом сено косишь!»

— «Ты такой цены, доченька, не стоишь».

Затрубили, затрубили в рог медный.

У стола стоит красавица бедная.

Всю избу заполнила тьма татар, гудит,

А на лавке сам Гурилук сидит.

Плачет полонянка, слезами умывается —

Увезут ее на чужбину маяться.

Оглянулась девушка — мать проходит мимо.

«Выкупи меня, матушка родимая!»

— «Чем тебя мне выкупить?» — мать сокрушается.

— «Выкупи меня праздничным кокошником!»

— «Ты такой цены, доченька, не стоишь».

Затрубили, затрубили в рог медный.

У стола стоит красавица бедная.

Всю избу заполнила тьма татар, гудит,

А на лавке сам Гурилук сидит.

Плачет полонянка, слезами умывается —

Увезут ее на чужбину маяться.

Оглянулась девушка — брат проходит мимо.

«Выкупи меня, братец мой любимый!»

- «Чем тебя мне выкупить?» — брат сокрушается.
- «Выкупи меня конем своим быстрым!»
- «Нет, такой цены не стоишь ты, сестрица».

Затрубили, затрубили в рог медный.
У стола стоит красавица бедная.
Всю избу заполнила тьма татар, гудит,
А на лавке сам Гурилук сидит.
Плачет полонянка, слезами умывается —
Увезут ее на чужбину маяться.
Оглянулась девушка — сестра проходит мимо.
«Выкупи меня, выкупи, любимая!»
— «Чем тебя мне выкупить?» — сестра
сокрушается.
— «Уступи, сестричка, сарафан свой новый!»
— «Бедная, не стоишь ты выкупа такого».

Затрубили, затрубили в рог медный.
У стола стоит красавица бедная.
Всю избу заполнила тьма татар, гудит,
А на лавке сам Гурилук сидит.
Плачет полонянка, слезами умывается —
Увезут ее на чужбину маяться.
Оглянулась девушка — идет невестка мимо.
«Выкупи меня хоть ты, невестка милая!»
— «Нечем выкупить тебя!» — невестка
сокрушается.
— «Миленькая, выкупи за ласковое слово!»
— «Утушка-золушка, не смею, нет мне воли».

Затрубили, затрубили в рог медный.
У стола стоит красавица бедная.
Всю избу заполнила тьма татар, гудит,
А на лавке сам Гурилук сидит.
Плачет полонянка, слезами умывается —
Увезут ее на чужбину маяться.
Оглянулась девушка — идет любимый мимо.
«Выкупи меня, выкупи, любимый!»
— «Чем тебя мне выкупить?» — он сокрушается.
— «Выкупи меня колечком серебряным!»
— «Нет, такой цены ты не стоишь, бедная».

22. ХОЗЯИН КЕРЧА-РЕКИ

У Керча-реки живем
Мы, братья, втроем.
Есть у нас здесь
Три больших чума.
На троих — оленей туча,
Тридцать тысяч разномастных,
Да еще у нас запасено
Сорок ваньдеев имущества.
Десять пастухов-работников
Охраняют наше стадо.
Хорошо нам, трем охотникам,
Есть для жизни всё, что надо.
Нам работники срубили
Плахи крепкие из лиственницы.
Сорок ваньдеев,
Все, что были,
На те плахи взгромоздили...
Вот тогда-то я и выпался,
На постели растянулся,
А проснулся еле-еле.
Словно гром внезапно грянул,
Как я вздумал шевельнуться:
У меня заledenели
И застыли так суставы.
Всё ж я сесть себя заставил,
Повернуться, оглядеться...
А сижу я на постели,
Слышно, говорят на улице
Мои братья: «В самом деле
Уж пора ему проснуться,
Нашему меньшому брату».

Долго ль спал я — непонятно.
Вдруг попался на глаза мне
Край лежащей рядом латы.
По травинкам оказалось:
Десять лет в постели спал я.
Ведь трава-то десять раз уж
Вырастала, увядала.
Вот как хорошо я выпался
У своей сестры единственной,
У своих хороших братцев.
Что же, хватит мне валяться,
Подозвал к себе сестру:
«Есть хочу, свари мне суп».
Одеяло отшвырнул,
В сторону одну взглянул:
Там узорами пестреют
Пимы белые, нарядные,—
В стороне другой — чернеют
Пимы, вышитые ладно.
И какую выбрать пару
Я не знаю — что обуть мне?
Да, моя сестрица мада
Научилась обувь делать.
Мастерством ее люблюсь,
Выбрал пимы те, что слева.
После вышел я на улицу,
А на улице заря
Занимается. Не зря,
Видно, нынче я проснулся.
Огляделся я, умылся,
Как все люди добрые.
Наказал своей сестрице:
«Мяса принеси из супа,
Мне поесть охота».
Принесла она мне мясо,
Я всё съел, голодный, разом
И сказал: «Сестра, послушай,
Мяса мало ты сварила!»
— «Брат, ведь в суп я положила
Целиком оленью тушу!»
Вот ведь, этакий лешак,
Не наестся мне никак!
Тут я на постель прилег,
Полежал один часок

И зову к себе сестру,—
Подошла,— я говорю:
«Ты, сестра, пойд-сходи,
Моих братьев приведи,
Приведи моих невесток —
Соберутся все пусть вместе,
Я хочу их повыспрашивать,
Слово выпытать хочу».
Привела сестрица в чум
Всех — и братьев моих старших,
И невесток, как желал я.
Те явились, словно ждали
Моего лишь только зова.
Говорят мне: «Брат, здорово,
Десять лет проспал ты сладко.
Что за долгий сон свой, мада,
Ты надумал? Молви слово,
Расскажи нам, младший брат!»
— «Я надумал: все женаты,
Только я лишь не женат.
Почему один я? Разве
Для меня еще на свете
Девушка не родилась?
Помогите мне советом,
Расскажите-ка мне, братья,
Где найти себе невесту?»
Старший брат ответил: «Место
Нам поблизости известно,
Где живет одна девица.
И красавица она-то,
И хозяйка-мастерица,
Из семьи богатой мандо.
Братьев шесть, тебе известных,
Холили ее, сестрицу...»
— «Милый братец, не годится
Эта девушка в невесты,
Ведь соседка нам она,
С мандо мы почти родня,—
Хлеб и мясо ели вместе...
Ну-ка, средний брат, скажи,
Может, ты невесту знаешь?
Если знаешь — укажи».
— «Нет, не знаю. Но подальше,
Говорят, одна девица

Есть, имеет сто оленей,
А сама-то мастерица
И красивая, наверно.
Разве что на ней жениться,
Подойдет ли,— я не знаю».
Это предложение сразу
Я отверг, ведь есть другая
Где-нибудь невеста, лучше,
Что мою затронет душу,
Лишь едва о ней мне скажут.
Тут же в чуме находился
Наш пастух по имени
Евлѣхуплѣ.
«Скажи мне,
Мой пастух, что не сидится
Тебе спокойно, отчего ты
Как на иголках вьешься?
Если можешь молвить слово,
Если что-то знаешь всё же,
Не скрывай, Евлѣ, скажи,
Мне невесту укажи».
Тот ответил: «Знаю только
Дочь Хозяина Морского
Мыса, что живет далеко,—
И красива, и богата,
И на выданье готова».
Только молвил это слово,
Как одна сноха вскочила,
Головешкою горячей
Ему по лбу залепила.
Всѣ ж узнал я настоящую
Мне невесту подходящую,
Всѣ ж узнал я имя милой,
И душа моя заныла.
А пастух рассказ продолжил:
«Много было уходивших
В этот край, но возвратившихся
Не видал никто, и всё же,
Может быть, туда мы съездим?
Повезет ведь нам, возможно?»
— «Да, поедem за невестой».
Старший брат сказал встревоженно:
«В стороне искать зачем же,
Разве девушек здесь меньше,

Чем в чужих краях, и выбрать
Ты достойную не сможешь?»
И невестки повторили
Вслед за ним: «Зачем вам ехать?
Головы лишь только сложите».
— «Нет, опасность не помеха,—
Возразил им, рассердившись,
Мой пастух Евлѣ,—
Интерес у нас, как видите,
Ехать только далеко,
Хоть оттуда, может, мне
Суждено не возвратиться!»
К пастуху поворотился
Я, сказал ему в ответ:
«Едем, отчего же нет,
Говорят пустое пусть —
Без жены я не вернусь!»
А потом сказал сестре:
«Радуйся, теперь твой брат
Будет, как и все, женат.
Разбери-ка чум скорей,
Моя милая сестрица,
Мне ведь надо торопиться,
Надо разыскать мне стадо,
Что на воле отгуляло
Десять лет, пока я спал.
Их к загону в это время
Ведь никто не подгонял.
Приведу сюда оленей,
Делай то, что я сказал».
И на улицу я вышел.
Из чего мне сделать лыжи,
Чтоб меня несли бы сами?
И глазами поискал я
Подходящее мне, вижу —
Лиственницы плахи, там,
Где дрова обычно колют.
Взял я ремни и к ногам
Прикрепил вот эти плахи
И пошел искать на воле
Затерявшееся стадо.
Взял с собою я собаку.
Так иду на лыжах вдоль
Керча-ю, за мною — яндо.

Не знаю, как долго я шел,
Наконец на тропу вышел,
Что олени себе проложили.
Сам подумал: «Видно, близко»
Вдоль реки пошел, чуть выше,
Стадо беглое разыскивая.
Никого вокруг не видя,
Обогнул случайно стадо,
Замер и стою, мне слышно
Хоркаиье оленьи сзади.
За тропу оленью вышел,
Чувствую, олени дышат
Где-то рядом, близко, близко
Стал покрикивать я громко,
Идя вдоль оленьей тропки,
Подзывать их стал со свистом,
Сам кричу себе, мол, если
Я хозяин тех оленей,
То сгоню их в стадо тесно,
Погоню домой их, беглых!
Так кричу; собака лает,
Стадо вольное пугает.
За оленями иду я,
Вижу, пар повис вдали,
Словно облако живое,
Словно дым столбом валит,—
Сразу понял, что такое:
Стадо там мое толпится,
Стадо там мое кружится.
Слышу, как шумят олени,
Мечутся, и пар из ртов их
В воздухе стоит холодном,
Словно дым огня большого.
Вот к оленям подошел я,
К чумам их погнал, бегущих,
Разбегающихся пьяно,
Как дурных, сгонял их в кучу,
Понукал, кричал; понятно,
Десять лет они гуляли
И хозяина не знали.
Словно пьяные, олени,
Непослушные, кружились
Предо мною, но смирились,
Побежали к чумам; следом

Я за ними шел на лыжах,—
Словно двор большого чума,
Путь оленями утопан.
К чумам подошли, я вижу,
Старший брат теснит в загон их,
И передние олени
В круг забились удивленно.
Вот и я привел последних
И велел их в круг загнать.
Как в загон они набились,
С братом мы остановились,
Выбрали пятьсот быков.
Даже лампы я не снял
И сестре своей сказал:
«Ну-ка, аргыш приготовь».
Делает сестра, что велено.
Все олени самородки,
Пестрые мои олени.
Друг за другом одногодки
Стали в линию упряжек.
Приготовили мне аргыш,
Я же всё стою, однако,
Думаю, заметив вдруг,—
Все олени одинаковые,
Словно дети одной матери.
«Ну-ка, мой Евлѣ-пастух,
Приготовь себе упряжку,
Выбирай, какую хочешь,
Мой пастух, любых оленей
К нартам ты себе прилаживай».
Четырех оленей черных
Выбрал и в упряжку взял он.
Приготовив всё, к хозяину
Подошел и так сказал он:
«Взял я четырех быков,
Черных четырех запряг.
Сам-то ты теперь готовь
В путь упряжку». — «Мне не надо,
Без упряжки справлюсь, так», —
Я ответил. И добавил:
«Добрая сестра, сквозь стадо
Вы оленье поезжайте,
Поезжайте, мой Евлѣ».
Так мы в путь далекий вышли.

За оленями на лыжах
Лиственничных я пошел.
Так иду, иду я следом,
И бегут мои олени,—
Пятисотенное стадо
Я легко держу на слух.
Впереди ведет пастух,
А сестрица между нами.
Так мы трое едем вместе,
Едем свататься к невесте.
Только минуло семь суток,
На денек привалом стали,
Постояли, и как будто
Мы нисколько не устали.
Снова ехали неделю,
Снова гнали мы олеией,
Отдохнули снова день лишь
И опять вперед помчали.
Вот пошла неделя третья.
«Что, пастух Евлѣ, не едешь,
Почему остановился,
На пути своем что встретил?»
Отвечает он: «Здесь близко,
Я слышал когда-то, есть
Деревянные болваны, идолы,
Их семь, известно,
Со своих не встать им мест,
Говорить они не в силах.
Может, мы проедем мимо?»
— «Что ж плохого в том, что слышал?
Идолы ведь неподвижны».
Так поехали мы дальше.
Я смотрю, большая вроде
Сопка на пути нам встала.
На нее поднялся раньше
Мой пастух, по верху ходит
Пеший, мой Евлѣхуплѣ.
Вижу я, там, высоко,
Он обозы распускает.
И тогда к нему на лыжах
Поднимаюсь выше, ближе,
Вижу, чум уже он ставит.
С чумом я ему помог.
В небо ввысь поплыл дымок,

Хорошо, сидим втроем,
Греемся и чай свой пьем,
В нашем маленьком жилище
Говорим о том о сем,
Сами над собой смеемся:
«Знаем ли, чего мы ищем,
Знаем ли, куда несемся?»
И пока чаек мы пили,
Шутки над собой шутили,
Вдруг собаки зашумели.
Выскочил пастух мой в двери,
Закричал мне:
«В самом деле,
Семь упряжек едут, едут,
Приближаются, хозяин!»
— «Значит, мы, Евлѣ, попали,
Сами этого не зная,
В место людное, жилое.
Что же лучше?»
И спокойно
Вышел посмотреть я с кручи,
Как бегут упряжки в гору.
От полозьев снег летучий
Искрами на след ложится,
Топ оленей слышу скорый,
Ездоков я вижу лица.
Пастуху сказал: «Хочу,
Чтоб позвал гостей ты в чум».
Вот подъехавших Евлѣ
Пригласил зайти к нам в гости,
Но не сходит с нарт никто.
Сам я к ним пошел с вопросом,
Как зовут их, кто они.
«Костяное Горло — наше
Имя», — мне они сказали.
Так людей прибывших звали
На упряжках на семи.
И меня они спрашивают:
«Вас-то как зовут, скажите?»
— «Мы страны далекой жители,
Деревянные мы сядеи».
Сорвались упряжки с места,
Я стоял, вослед им глядя,
И увидел — лишний есть

На одной из тех упряжек.
Боком он, восьмой, сидит,
В женскую одежду скрыт,
Вместе с ними едет тоже.
Стало мне тогда тревожно:
«Мой пастух, Евлѣхуплѣ,
Поднимай ручных быков,
У завалинки лежащих.
Запрягай-ка их в упряжку,
Сам к погоне будь готов.
Что за девушка на нартах
Там сидела? Вынь постромки
Ты из ваньдея да ими
Запрягай скорей, посмотрим,
Люди те куда поедут,
Последим давай за ними».
Как велел я, так он сделал.
Двух ручных запряг оленей
В наши мамонтовые иарты,
И направились не медля
По следам людей мы странных.
На одной упряжке мчимся,
Только парой запряженной
Поднятых оленей черных.
Так мы мчались быстро, быстро,
Видим, впереди семь лиственниц,
И на каждой столько ж веток.
Рядом семь стоят упряжек.
В центре их мы очутились,
В центре их остановились.
Тут один из нас на тѣньдер
Лег, другой сидит на нартах,—
Так и замерли мы, смотрим,
Что здесь людям этим надо.
Видим, те, с семи упряжек,
Вдруг под лиственницей встали
И большой аркан достали,
Через сук его швырнули
И петлею затянули,
А потом аркан накинули
На того, кто ехал боком,
И за шею потянули,
Вверх, под крепкий сук высокий.
Так взялись за дело рьяно,

Что порвут аркан вот-вот.
«Если солнце вдруг проглянет,
Девушка их упадет», —
Лишь успели так подумать,
Как аркан порвался с треском.
Девушка на нарты рухнула,
Где сидела прежде. Вместе
Встали эти люди в круг,
Стали вить аркан прочней,
А как свили —
Зацепили
Вновь за лиственничный сук.
Подняли девицу после
И опять на шею ей
Тот аркан петель набросили.
Снова стали жертву вешать,
Поднимают, поднимают,
С покриком веревку тянут,
Тянут вроде бы успешно.
Нам тревогу унимает
Мысль одна: «Сильны мы, дескать,
Коль сильны, веревка с треском
Вновь порвется». Так случилось.
Девушка, сорвавшись снова,
К ним на нарты покатилась.
Люди Костяное Горло,
Неотступные, упрямо
Вить из четырех арканов
Начали аркан большой.
Свили новый со словами:
«С этим будет хорошо,
Прочный он, уж не порвется».
Снова девушку поймали,
Бросили аркан на сук,
Ей на шею — тесный круг.
С покриками снова стали
Свою жертву поднимать.
Шепчем мы с Евлѣ опять:
«Пусть едва проглянет солнце,
Новый ваш аркан порвется,
Если вправду мы сильны».
Вышло, как хотели мы.
Лопнула веревка с треском,
Девушка на то же место,

В третий раз на нарты рухнула.
У людей с семи упряжек
Кожи цвет переменялся,
Словно вымазали сажей
Обозленные их лица.
Видно, у людей из рода,
Рода Костяное Горло,
Кожи цвет, когда во зле,
Словно сажа на котле.
Смотрим мы на них и думаем:
«Ясно, что от злости бесятся,
Не смогли ее повесить-то».
Те упряжки повернули,
Уезжать решили, видно.
Тут один из них толкнул к нам
Девушку: «Коли нужна,
Коль девица вам завидна,
Забирайте — вот она».
Остальные подтвердили:
«Забирайте, коль нужна вам.
Только ждите, к вам когда-нибудь
Мы заедем, долг припомним».
На упряжках поскакали
Люди Костяное Горло.
Тут нас стало вместе трое,
С девушкою — трое стало.
Девушке тогда сказал я:
«К нарте подойди, поедем,
В чум поедем наш, садись же!»
Тоже нас боится, верно,
Иль стесняется девица —
Всё кусает рукавицы.
Наконец на нарту села,
И упряжка полетела.
На ручных оленях быстро
К чуму мы втроем примчались.
«Выходи, — кричу, — сестрица,
Посмотри, тебе какая
Собеседница досталась!
Заводи в наш чум девицу».
Та из чума выбегает
И от радости не знает,
Как и завести ее.
Следом мы вошли с Евлѣ.

Чай уселись пить и рады,
Прокатились ведь не зря мы
В эту дальнюю страну.
Вот нашли уже одну
Мы девицу, и вторую,
Ту, что в жены взять замыслил,
Увезем с Морского мыса.
Так сидим мы и толкуем.
«Мой пастух Евлѣхуплѣ,
Долго ль ехать, далеко?..»
— «Нет,— ответил он,— уж близко.
Мы возьмем одной упряжкой
Путь, оставшийся до мыса,
Лишь всего одной упряжкой,
Не далекий путь, не тяжкий;
С той возвышеюю гряды,
Крайней слева, погляди,—
Видно уж большое море!»
Выпив чай, мы вышли вскоре
И оленей в кучу сбили,
Всех согнали, отделили
Олених красивых крупных.
Пять хапторок выбрал красных
Я, жених. А вот пастух мой
Черных отобрал хапторок.
Запрягли их, десять, разом.
Так рога их высоки,
Что руками не потрогать,
Выше нас самих они.
Так собрались мы в дорогу.
Подшли к нам сестры наши,
У меня и друга спрашивают:
«Долго ль будете вы ездить?»
— «Долго ждать вам не придется:
Быстро съездим за невестой.
На три дня мы расстаемся.
Не смущайтесь, не скучайте,
Мы назад вернемся скоро».
И помчались мы, помчались
Дальше, дальше, дальше к морю.
Вот пересекли мы сопку,
Вот большой достигли ворги
И на ней остановились.
Ходим, смотрим на дорогу

Мы с утоптанной площадки.
Далеко, мы видим, к морю
След олений протянулся,
Только нет следов обратных,
Словно вечными гостями
Женихи у моря стали.
Суждено ли нам вернуться?..
Осмотрелись мы и тронулись
По дороге той накатанной,
К морю на своих хапторках.
Как бегут они красиво!
Молодая мчит их сила,
Их летящие венцы
Режут воздух, как резцы!
Так мы едем по дороге,
Вскоре видим чум убогий.
Мы приблизились, на нарты
Животами оперлись,
И на чум кидаем взгляды —
Есть ли в нем какая жизнь,
До того он старый, ветхий,
Словно выложен из веток.
Но вот женщина выходит,
Направляется к нам вроде,
Направляется,
Стесняется
И кусает рукавицу.
Видно, нас она боится.
Подошла. Сама стыдится,
Приглашая: «Заходите,
Мама вас моя зовет».
— «Что ж, зайдем, или не нужно?»
— «Да, зайдем, всегда ведь тот,
Кто в стране кочует чуждой,
Коль зовут, то в чум зайдет».
В чум пролезли еле-еле,
Видим, в чуме на постели
Древняя сидит старушка,
Вся в морщинах, и опухшими
Смотрит на гостей глазами.
Ветхая на ней одежда.
Поздоровались. Сказала
Нам она: «Куда вы держите
Путь, и как зовут вас, люди?»

— «Дальше, к морю, путь наш будет,
А зовут с рожденья нас
Сядеями деревянными».
Тут старуха подалась
К нам, вперед, взглянула странно,
Пристально взглянула, прямо
На Евлѣ, и простонала:
«Не скрывайте, детки, правду,
Не обманывайте, милые!
Ты — родной сынок мой, малым
Был украден злою силой.
До трех лет тебя растила,
А потом исчез ты, милый,
И не знала я, где сын мой.
Выносила я тебя ведь,
Милый мой, в своей утробе.
Не зови себя на горе
Деревянным сядеем».
И потом она спросила:
«Сыновья мои любезные,
Так куда же путь вы держите?»
— «К морю едем мы в надежде,
Что удастся взять невесту
У Хозяина Морского
Мыса — дочь его единственную».
— «Детки милые, оттуда
Ведь никто не воротился,
Неразумными не будьте,
Что́ вам ехать?»
— «Мы решились,
Дева нам нужна такая,
Чтобы ей дивились люди —
Красоте ее, и нраву,
И приданому богатому.
Кто такую деву ищет,
Разве довод твой услышит?
Разве можно удержать нас?»
— «На пути своем обратном
Вы, сыночки, заезжайте!»
— «Попрощаемся с тобою,
Как отправимся назад мы».
Сели с Евлѣ мы на нарту,
Черно-красною волною
Оленихи побежали.

Перегон один промчали,
Перегон второй — и близко
Чумы видим возле мыса.
Да, в том стойбище сто чумов.
Придержали мы оленей,
Постояли и подумали,
У какого стать нам чума?
Меж собой поговорили
Мы с Евлѣ и так решили:
Наибольший чум тут — средний,
И невеста в нем, наверно.
Сами мы глядим в трубу —
Там народу много-много.
Кто разлегся на дороге,
Кто ведет игру-борьбу,
Кто смеется, а кто скачет,
Кто стреляет наудачу.
Весело живут тут люди,
Ну а мы — гостями будем.
И помчались мы к тем чумам,
Торопя своих оленей.
Хорошо хапторки скачут,
Так легко бегут, играючи.
Едем к среднему мы чуму,
А вокруг — народу тьма.
Весело играют, шумно,
На дороге кутерьма.
Кто там под ноги попался,
Под упряжкой оказался,
Потоптали их случайно.
Люди сразу закричали:
«Кто так едет неумело,
Топчет наш народ оленями?»
Рядом с средним чумом стали
Мы, упряжки привязали.
Обступили сразу нас.
Тьма народу собралась,
Окружила нарты тесно:
«Что за люди, неизвестно,
Кто такие, мы не знаем».
Я, жених, Евлѣ, пастух мой,
В чум большой вошли к хозяину.
Видим, там сидит старуха,
Держит на руках шитье,

А старик лежит на шкурах.
Посмотрели мы с Евлѣ
В сторону одну, другую —
Нет ли там еще кого,
И увидели девицу,
Что сидела тихо-тихо,
Наблюдая наши лица.
А сама она то вспыхнет,
То внезапно побелеет.
Говорит старик: «Скорее,
Дочка, чай готовь, к нам гости
Вдруг незванные явились».
Чай девица вскипятила,
Стол накрыла, сесть нас просит.
«Мы явились ведь не просто —
Сватать дочь твою приехали.
Ждем мы твоего ответа,
Можно сватать ее, нет ли?»—
Мы у старика спросили.
«Можно, отчего ж нельзя,
Вы приехали не зря.
Тут у нас народу много,
Да еще два брата строгих
Есть у дочери моей,
Да еще и младший здесь
Неженатый братец есть.
Позовите их! (Всѣ племя
Нужно ведь при сватовстве.)
Явятся сюда пусть все!»
Дочь мы сватаем тем временем,
Просим, просим. Надоело,
Видно, старику нас слушать:
«Ну-ка, дочь, иди на улицу,
Братьев поскорее кликни».
Дочка старика послушно
Вышла и вернулась с ними,
С ними, с братьями двоими,
И невесток привела.
Сели все вокруг стола.
Мы всѣ сватаемся, просим.
Дочку то как в краску бросит,
То как снег она бела.
Стали пить вино из рюмок.
Нам никто не отвечает.

Хоть старик и не угрюмый,
Словом нас не привечает.
Видно, у него для нас
Слов ни добрых, ни плохих
Нет. «Что ж ты не дозволялась
Брата младшего?— промолвил
Дочери своей старик.—
Брата младшего ты кликни!»
Мало ждали мы иль долго,
Наконец и он явился.
На пастушье место сел,
Недовольный, он у входа.
И хозяин помрачнел:
«Сын мой, что ты там уселся,
Лучше выбирай ты место
За столом и выпей чаю!»
Братья тоже приглашают:
«Ну-ка, к нам иди садись,
Раз уж все мы собрались,
Добрую скажи нам речь,
Попросту поговори.
Мы не буки, все свои,
И хотим себя развлечь
Мирной доброю беседой,
Ведь язык у нас один».
Но, не торопясь с ответом,
Встал и вышел младший сын,
С улицы позвал гостей:
«Чтоб нам было веселей,
Оставляйте, люди, чум,
С вами поиграть хочу,
Ведь для этого, как будто,
Вы приехали к нам в гости.
Так в забавную игру-то
Порезвимся нынче досыта».
Встали мы и вышли следом,
А за нами — остальные.
«Нам игра твоя неведома,
Где игра твоя? — мы сыну
Младшему тогда сказали.—
Ты игру свою сначала
Покажи нам, объясни нам».
— «Вы ко мне идите, здесь
Плахи-лиственницы есть,

А на них стоят полнехоньки
Сорок ваньдеев добра —
Вот и вся моя игра».
Сразу поняли подвох мы,
К ваньдеям тем сорока
Подошли и смотрим в оба.
Окружила нас толпа
Черным кругом. Сын хозяйский
Подзадоривает нас:
«Что, Евлѣхуплѣ, напрасно,
Без толку стоишь-глядишь?
Сорок ваньдеев зараз,
Может, ты перелетишь?
В силах ли их перепрыгнуть?
А не в силах — будет плохо».
Возразил я: «Сам попробуй,
Мы таких прыжков не знаем,
Мы не птицы, не летаем,
Покажи, а мы посмотрим,
Как играют в эти игры».
Сын Хозяина Морского
Мыса с места перепрыгнул
Сорок ваньдеев и только
Самый дальний ваньдей с лету
Он задел едва-едва.
«Вот и прыгнул я сперва,
Видите, как это просто,
Пробуйте теперь вы, гости».
— «Нет, мы прыгать не умеем,
Ваньдеи не перепрыгнем».
— «Не умеете? Имеем
Мы тогда другие игры!»
Тут Евлѣхуплѣ, пастух мой,
Поясок свой подтянул,
Поясок свой подтянул,
Малицы подол рванул
Вверх, чтоб не мешал, не путался.
Сорок ваньдеев полнехоньких
Мигом он перемахнул.
Удивленные, заохали
Люди все, а младший сын
Говорит: «Теперь один
Ты, жених, остался — прыгай,
Прыгай, твой черед настал».

Встал я. Малицы не скинул,
Но подол чуть приподнял.
Сорок ваньдеев я мигом,
Мигом с места перепрыгнул.
Младший сын сказал тотчас:
«Есть еще игра у нас
Возле старого чурбана —
Деревянная качель.
Так что радоваться рано
Вам, пойдемте поиграем,
Повезет ли вам теперь?»
Подошли мы к тем качелям,
Посмотрели, обомлели:
Под качелями лежат,
Вытянувшись в страшный ряд,
Кости сгнившие людские,
Кости свежие людские,
Груды, груды
Тут костей.
Сами сразу мы подумали:
«Значит, здесь они гостей
На качелях этих губят».
Подошли мы к ним поближе,
Озираемся вокруг.
Я тогда сказал: «Коль вышло,
Что ты первым всё, пастух,
И сейчас давай взбирайся,
На качелях раскачайся!»
А тот ждет, кому хозяин
Здесь скажет: «Полезай!»
Сын подумал и сказал:
«Первым пусть жених полезет
На железную качель!»
Я полез, коль мне велели,
Прутья чуть качнул железные,
И пошла качель качаться,
Только я не испугался:
«Что ж, смотрите, как бывает,
Как лечу я смело ввысь!»
Падая, я ухватился
За железное сиденье
И качель закинул в море,
И она туда со свистом,
С тяжким свистом полетела.

Сам я опустилсЯ вниз.
Сын Хозяина Морского
Мыса мне и говорит:
«Есть еще у нас игра,
Вот и ей пришла пора».
Не раздумывая долго,
Мы сказали: «Видно, много
У Хозяина Морского
Мыса развеселых игр.
Ну, играть так уж играть!
Мы пойдем,
Мы не боимся,
Мы спокойны и храбры!»
К месту следующей игры
За хозяйским сыном младшим
С пастухом пошли мы смело.
Как отвел нас сын подальше,
В руки взял и лук, и стрелы.
Встали мы лицом к лицу
Через нарты.
Смотрим, прямо
В нас прицелился хозяин,
Тянет, тянет тетиву.
И припомнилось мне вдруг:
«Мой Евлѣхуплѣ, пастух,
Мы ведь тоже это знаем,
Видели стрелу и лук!»
Я сказал тогда хозяину:
«Мы лук-стрелы тоже знаем
И с собой их даже взяли».
И послал я друга к нартам,
И вернулся он обратно,
Еле-еле лук принес —
Приволок его на силу
За конец его один и
Пред собою во весь рост
Этот лук едва поставил.
Так добрался с ним, усталый,
Он до игрища лесного,
И с Хозяином Морского
Мыса они тотчас встали
На коротком расстоянии
Одной нарты — и не больше,
Чтоб играть им было б проще.

Лук поднял Евлѣхуплѣ
(Волочил ведь еле-еле,
А теперь поднял легко,
Видно, силы в нем окрепли).
«Ну, давай,— сказал,— стреляй,
Сын Хозяина Морского
Мыса, первым начинай!»
Тот смеется, возражает:
«Первым ты, пастух, стреляй!»
Но упрямо отвечает
Мой Евлѣхуплѣ: «Нет, лучше
Ты стреляй, я не умею,
В человека никогда я
Не послал стрелы летучей,
Не умею, не могу!»
Тут хозяйский сын и выстрелил,
А Евлѣ стрелу мизинцем
Лишь поймал, сказал врагу:
«Ну-ка, ты теперь,
Сын младший,
Сын Хозяина Морского
Мыса, что себя поставил
Здесь за главного.
Готовься,
Ведь игра-то наша дальше
Продолжается, но только
Буду я теперь стрелять,—
Я, ни разу не стрелявший
В человека,
Я попробую. А раньше
Меня только зверь боялся,
Только дикий зверь.
Бойся ты — теперь.
Жаль тебя,— мои суставы
Крепче и сильнее твоих.
Жаль тебя, но будет правым
Пред тобой жених».
Тут стрелу пустил Евлѣ.
Голову врагу снесло,
Со стрелою унесло
Прямо в море.
«Ой, стрела моя пропала
Меткая, вот горе!..»
А жених веселый вскоре

В чум пошел, а там немало
Всякой пищи приготовлено
И питья. «Что здесь такое?—
Я спросил, войдя к невесте.—
Будешь жить со мною вместе,
Выйдешь замуж за меня?»
— «Я давно тебя ждала,
Десять лет тебя ждала...»
Свадьба в тот же день была.
Люди к угощеньям сели,
Охмелели, осмелели,
Меж собою говорят:
«Вспоминать не будем прошлое,
Но плохим был младший брат.
Спас нас сын отца хорошего,
И ему здесь каждый рад».
Так мы ели,
Так мы пили,
И пришла пора назад
Возвращаться, и решили,
Утром мы домой поедем.
Говорим мы меж собой:
«Стали мы теперь родней,
Завтра же нам надо ехать,
Есть у нас пятьсот оленей,
Чумы есть у нас».
Наутро
Загонял оленей гуртом
Сам Хозяин мыса. Столько
Было у него оленей, словно
Нет конца и края стаду.
Вот загнал он часть в загон,
И оленей друг за дружкой
Привязал, и всё, что надо,
Приготовил для упряжки.
После он
С доченькою попрощался.
Снова мы с Евлѣ помчались
По дороге нам известной,
Но теперь уже с невестой.
Проезжая мимо чума,
Мы с Евлѣ переглянулись,
Задержаться не подумали
Ради бедной той старухи.

Хорошо нам ехать с другом!
Ведь над нартой ветер свищет,
Нас домой ведет дорога.
На убогое жилище
Лишь взглянули мы с тревогой.
Так мы не остановились.
Так мы не остановились.
Ехали не очень долго,
Мы к моей сестре стремились.
Наконец засеребрились
Наши чумы. Видим, рядом
Топчется, как прежде, стадо,
Все пятьсот быков стоят.
Так я в чум вернулся, брат,
И сестре своей кричу:
«Выйди, милая сестра,
Выйди-ка, пришла пора,
Принимай для разговоров
Ты подруженьку с Морского
Мыса, торопись, сестра!»
Тут сестрица выбегает,
В чум девицу приглашает,
Ободряет добрым словом
И от радости не знает,
Как ее и приголубить,
Как от снега отряхнуть.
Так закончился наш путь.
Приготовили еду мы,
Ели, пили впятером —
Много нас теперь, богаты.
Говорить о том о сем
Стали, вспомнили притом,
Что хотели к нам когда-то
Люди Костяное Горло
В гости заглянуть-проведать.
Но они не приезжали,
Нет, они не приезжали,
Люди Костяное Горло
К нам еще не приезжали.
«Что же делать?»
Сами съездим,
Сами съездим и посмотрим,
Где и как живут соседи,
Люди Костяное Горло.

Это здесь недалеко.
Собери-ка ты оленей,
Мой пастух Евлѣхуплѣ!»
Стадо он согнал, а прежних,
Прежних двух оленей-авко
Тут сестра моя поймала
Просто так, рукой, легко!
Их запряг Евлѣхуплѣ,
И вдвоем мы с ним помчались
Через сопки, через тундру.
Вскоре видим много чумов.
Вышли люди, нас встречая
Стрел своих враждебной тучей.
Так летели
Эти стрелы
В нас, что попевали только
Мы их складывать в сторонке
Для стрельбы ответной в кучу.
Наконец-то ветер стих —
Стрелы кончились у них.
Стали стрелы мы пускать.
«Берегитесь,— я кричу,—
Ведь умеем мы стрелять!»
И не зря мы им хвалились:
Чумы рушились, валились
Там, где падала стрела.
Словно мы в лесу глухом
Проложили путь вдвоем
И теперь глядим с Евлѣ,
Не осталось ли кого
Здесь в живых?
Нет, все убиты,
Всѣ разрушил скорый вихрь.
Тут мы тандару объехали,
Видим, пеший кто-то вырвался
Из становища побитого.
Мы за ним помчались следом,
Только не смогли олени,
Авко наши, беглеца
Этого догнать. «Ну, хватит,
Горе ль в том, что мы лица
Его так и не узрели,
Что, нужда нам, в самом деле,
Гнаться, гнаться без конца?

В чум нам надо возвращаться». Возвратились мы к сестрице, Рассказали, как нам биться Довелось в гостях-то близких. Молча слушали девицы. А потом мы им сказали: «Пятеро теперь нас стало, Тысяча у нас оленей. Предстоит нам путь немалый, Надо нам еще добраться К чумам, где остались братья». Тронулись мы в путь. На третий День мы сопку встретили, Ту, где видели семь сядеев. Вдруг Евлѣ остановился И уговорил остаться Здесь на отдых. Мы поймали Семь хороших менуреев, Вкруг оленьих туш уселись, За едою вкусной греясь. Впятером мы так сидим, Все сидим, айбарч едим,— Вдруг я весь насторожился, На Евлѣ с испугом глядя: Ведь пастух мой превратился В деревяшку-сядею! Вспомнил я, что обманул он Мать свою родную, Что назвался ей к несчастью Деревянным сядеем. А она его молила, Говорила: «Сын мой милый, Не обманывай, не надо Называться сядеем!» А потом, когда обратно Ехали с Морского мыса, Он ведь не остановился У жилища матери — Потому и превратился За обман свой в сядею.

23. ТРИ БЕЛОГЛАЗЫХ ХОЗЯИНА

У Трех Белоглазых,
У Трех Белоглазых
Пасется сразу
Десять тысяч оленей.
Издали три чума
Трех Белоглазых
Виднеются.
И еще у них
Свой пастух имеется.
Этот пастух не ленится,
С дровами возится,
Их в три чума таскает.
А Три Белоглазых хозяина
На диких оленей охотятся,
Другой заботы не знают.
Этот пастух — я.
Работаю много,
И нет у меня
Даже имени доброго.
Просто меня зовут
Сусуе Яринге,
Сусуе Яринге —
И всё тут.
Хорошо мы живем,
Хорошо.
Вот хозяева сели втроем
На нарту мамонтовую,
Десятикопыльную,
Я же к дровам пошел,
А хозяева говорят,
Машут руками сильно.
Я готовлю дрова,
Наступает
Тем временем вечер,
А до меня лишь слова
Хозяев моих долетают —
Все ведут они шумные речи.
А когда на закат повернуло
Солнце,
Они поднялись
И направились к чуму,
А младший из них, Белоглазый,

Ко мне зашагал навстречу,
Подошел, говорит сразу:
«Сусуе Яринге,
Ты наш мада,
Дрова клади,
Тоже в чум заходи».
Я ему отвечаю:
«Зайду, ладно,
Зайду, ладно».
Что ж, раз надо,
Я в чум залез.
В чуме
Есть у меня свое место,
И на него я тогда уселся —
На паршивую нялуку-шкуру
Уселся я,
Мада.
На другой стороне
Хозяева весело
Что-то едят,
Пьют что-то светлое.
Грозно крикнул мне
Белоглазый младший:
«Что глядишь ты
На питье наше,
Почему не выйдешь
За своей едой,
Ведь она не пропала
Из ваньдея-нарты?»
Так меня испугал он,
Что я сам не свой
Из чума на улицу
Выскочил, сразу
Под шкуры ваньдея
Руку просунул
И схватил мороженный
Кусок мяса.
В чум вернулся,
Уселся, старался
Откусить кусочек, —
Да нет, невозможно, —
Мерзлый совсем мне кусок попался.
Впрочем,
Один-то мне раз удалось,

И почувствовал —
Слезы близко,
А если сильней я зубы сожму —
Слезы впрямь и вкось
Через чум весь
На хозяев брызнут.
Белоглазый младший
Мне крикнул быстро:
«Ты почему же
Едой швыряешься?
Ешь-ка ты ужин
По-доброму!»
И сжал я кусок ладонями,
Стал его есть украдкой...
За едой сидели недолго,
Стали спать укладываться.
Младший хозяин
Мне приказал:
«Завтра,
На утренней заре,
Ты пригонишь оленье стадо.
Надо нам, чтобы поскорей,
С первым лучом
Был здесь первый олень,
Так нам надо,
Потому что
Будет у нас завтра много дел!»
Так хозяин мне приказал.
Я на улицу вышел.
Стоял
Мороз трескучий.
Из весенней нялуки-шкуры
Сшита моя малица,
Плохонькая,
Вся-то в дырах.
Ходил я,
От холода маялся,
Потом тихонько
В оленью яму забрался,
В ту, что копытами выбита.
Скорчился в ней терпеливо
Согрелся, сидел сонливо,
А потом заснул —
Крепко. Когда очнулся —

Совсем уж светло на улице.
Я в испуге вскочил на ноги:
Подогнать мне оленей надо!
Налево, направо я кинулся,
Сзывая оленьё стадо.
Десять тысяч оленей взметнулись,
Подбежали ко мне, хоркая,
Подбежали, кружатся, мордами
К чумам они повернулись.
Вот и олень первый
Поскакал уверенно к чуму,
А за ним и другие олени.
Я — следом,
Гоню отстающих,
А они от меня врассыпную.
Нет у меня собаки,
А мне самому — ни в какую
Не угнаться за ними, однако
Я придумал хитрость такую:
Притворился я быстро
Четвероногим,
Приподнял даже ногу немного,
Будто хвост у меня вырос,
Будто в зверя я оборотился.
Олени неладное чуют,
Поскакали вскачь, испугались,
От меня поскакали к чумам,
Как от зверя страшного ярого,
Они от меня помчались —
Все, даже самые старые.
Глянул я —
Возле чума стоят
Три Белоглазых хозяина
И оленей в загон теснят.
Подоспел я, помог загнать.
А Три Белоглазых взяли
Вожжи себе, намотали
Их на руку, ходят, резвятся,
Из шкуры морского зайца
Вожжами они машут,
Выбирают себе оленей —
Какие кому приглянутся.
Старший
Белоглазый себе выбрал

Шесть олених-хапторок.
Белоглазый хозяин средний
Выбрал шесть пятнистых оленей.
А Белоглазый младший
Походил и сказал недовольно:
«Нет в этом загоне
Оленей мне подходящих,
Нет здесь оленей добрых».
И ко мне подошел, сказал:
«Сусуе Яринге,
Давай еще раз попробуем».
И в стадо я побежал,
Тоже взял в руки вожжи,
Оленей ему выбираю,
А он внимательно глянул,
Говорит: «Вон, пред загоном,
Вон, пред загоном стоят они —
Два добрых оленя черных,
Два оленя мышиноносые,
Подгони их ко мне прямо».
И я привязал немедля
К вожже двух черных оленей,
А оленей всех остальных
Из загона мы отпустили.
Трое хозяев моих
Нярталу-аркан схватили
Пятидесятисаженный,
Намотали его на руки,
Подошли к оленьему стаду
И стали немедленно
Оленей арканить.
Лишь в сторону глянул
Белоглазый младший
И мне крикнул:
«Сусуе Яринге,
Ты поверни-ка
Назад оленей,
Яндо-собаку
Бери скорее,
Оленье стадо
Верни назад!»
Я стадо оленье тогда обогнул,
Остановился,
Смотрю, как они

Ходят-бродят с арканом вокруг
Упряжных оленей,
Ускользящих быстро
От их рук.
Семь голубых оленей
В халсулах-кольцах светятся,
А хозяева хоть и умелые
Их арканят —
Поймать не могут.
Поверх сотен оленей вертится
Их аркан, но всё время
Совсем ненамного
Не хватает его длины.
И я понял сразу — они,
Голубые олени быстрые,
Особенные, и навстречу
Я пошел им,
Чтоб подманить.
А Три Белоглазых рыскают
Вдоль стада и поперечно,
Но оленей им не пленить.
Так поймать их и не сумели,
А потом голубые олени
Далеко ускакали в тундру.
Крикнул мне Белоглазый младший:
«О чем только ты думаешь,
Сусуе Яринге,
Почему не спускаешь
Ты за ними собаку нашу?
Хора спускай скорее!»
И я наклонился к собаке,
Ей наказываю тихонько:
«Собака моя верная,
Спущу я тебя в погоню,
Спущу я тебя, только
Семерых голубых оленей
Ты сюда не гони,
Пожалей их!»
И собака моя бросилась
Вперед по оленьему следу
За голубыми оленями.
Ищет их собака,
Вот уже шесть сопок
С легкостью обежала;

На сопку седьмую, однако,
Бежать она передумала.
Так оленей и не пригнала,
Так вернулась одна из тундры.
И Белоглазый младший
Молвил тогда со вздохом:
«Не догнала оленей, плохо,
Видно, другую упряжку
Снарядить нам придется теперь».
И я снова погнал оленей
В загон, как мне велели,
И он выбрал упряжку другую,
Шестерную, всю голубую.
Запрягли тех оленей братья
И, наверное, проголодались,
В чум зашли,
Подкрепились немало
И, сытые, вышли, приказывая:
«Сусуе Яринге,
Сусуе Яринге,
Приходи попозже
Нас встречать по дороге главной».
И хозяева вдаль помчались
Так, что из-под полозьев
Со свистом пурга заметалась.
Пастух я — пастух и есть.
Постоял, посмотрел им вслед.
А в чумах остались здесь
Только жены их.
Больше нет
Вокруг никого. Тундра.
Разве только какой-нибудь зверь
Мимо пройдет осторожный...
Вдруг отворилась дверь,
И вышла ко мне из чума
Татоко —
Жена высокая
Старшего Белоглазого.
Было ведь две сразу
У него жены.
Вот Татоко
Ко мне выходит навстречу.
Сильной была эта женщина,
Краснолицей,

Правда, она хромала,
Хромала немного.
Рукой меня она манит,
Смотрит грустно.
Я приблизился.
Говорит мне тунгуска:
«Иди, иди ко мне, мада,
Отведай еды доброй».
Я оглянулся. Ладно,
Приглашенью такому рад я,
Вслед за нею в чум захожу;
С удивлением я гляжу,
Как много еды разной
Приготовила для меня
Жена старшего Белоглазого.
Но говорит мне она:
«Вволю поешь-ка, мада.
Сегодня последний день твой.
Время твое настало,
Хотят принести тебя в жертву
Возле трех деревьев живых.
Задушат тебя веревкой
Хозяина три твоих».
Так мне тунгуска молвила,
А я, не сказав ни слова,
Только наелся досыта.
А женщина эта вроде
Родную мне мать заменила.
После
Подала она светлую воду,
Я такой никогда не видел.
Эту светлую воду я выпил.
И впрямь, хороша водица,
Согрела она мне утробу.
А тунгуска всё суетится:
Нашла мне одежду добрую,
Новые пимы, чулки
И хорошую новую малицу:
«Оденься, обуйся, мада,
Сейчас мы с тобой расстанемся.
Не на жертву тебя отправляю —
На Большой отправляю запад.
Твою мать заменяя честно,
Снаряжаю в суровый путь.

Ваньдей-нарты даю железные,
В них кладу белье и еду,
Чтобы мог ты в пути отдохнуть.
А если минуешь беду,
Мой мада, меня не забудь!»
Лыжи, подбитые шкурой выдры,
Достал я, оделся, обулся
И, в дорогу готовый, вышел,
Думаю, что же будет?
Встал на лыжи.
Тунгуска сложила
На нарты еду, поправила
За моею спиною лямки...
Простились мы.
Только я тронулся,
Она, мне мать заменившая,
Причитая, наземь упала,
Так и упала наземь...
И побежал я на лыжах
На Большой запад,
На Большой запад,
Как мне она наказала.
Бежал, не считая дней,
Бежал, ночей не считая,
Вдруг вижу,
Навстречу мне
Упряжка летит голубая.
Друг против друга мы
Остановились, глядим,
Он на нартах, а я на лыжах.
«А-нин да, здравствуй,— слышу
Я приветствие ездока,—
Человек, растущий
Снизу вверх!»
Не встречал я его никогда,
Приглядевшись к упряжке лучше,
Я припомнил оленей тех
Голубых, что от нас ускакали
Из-под аркана на волю.
А ездок-то берег и холил,
Видно, оленей своих.
Халсулы-кольца сверкали
На голубых упряжных.
И на этих красивых оленях

Меж их белых рогов
Семь богов привычно сидели,
На меня семь богов смотрели,
Семь настоящих богов.
И еще висел бог один
У ездока на груди.
И говорят ему боги:
«Зачем ты едешь, хозяин,
Где хлебнешь ледяной воды,
На какой неизвестной дороге?
Ведь вот пред тобою сам он —
Владелец той дальней земли».
— «Пустое зачем болтать? —
Рассердился хозяин упряжки
И стал богов избивать.—
Не нужно болтать пустое!»
Поздоровались мы.
Я спрашиваю:
«Друг мой, скажи
Мне имя твое удалое».
— «Среди родных и чужих
Я — Хозяин Канинского мыса,
Я — Хозяин Канинского мыса,—
Так зовут меня все вокруг».
И меня он спросил быстро:
«А тебя как зовут, друг?»
И я ответил живо
На вопрос ездока:
«Нет у меня имени
Доброго. Так я прослыл
Просто как сын
Безоленного старика.
Будь у меня олени,
Я не стал бы издалека
Пешим идти на лыжах».
— «Всё правда, сват, так и есть,—
Опускает голову низко
Хозяин Канинского мыса,
Отвечает,— а я ведь слышал
Однажды такую весть,
Что есть, мол, народ безоленный,
Народ безоленный весь».
— «Вот и я из таких, безоленных,
Промышляю и там и здесь,

Хожу-брожу на охоту —
То поймаю себе куропатку,
То зайчонка себе поймаю.
Такие мои заботы—
Жить ведь мне надо как-то».
— «Что ж, я тебя понимаю.
Надо ведь жить, это правда».
— «Куда же ты едешь, сват,
В какие края направляешься?»
— «Далеко те края лежат.
Гоню я свою упряжку
Туда, куда все хозяева
Сегодня вместе съезжаются.
Во владениях Трех Белоглазых
У нас будет
Большой праздник.
Прибывают туда люди
Из семи земель,
Из семи.
Вот и я направляюсь в гости,
Я ведь тоже не прост вовсе —
Я хозяин своей земли,
Я Хозяин Канинского мыса».
— «Да, сват, и то правда.
А я здесь разыскиваю
Себе добычу.
Глядишь, куропатку
На суп поймаю
Или зайчика горемычного».
— «И это правда, мой сват,
Я знаю».
С такими словами
Мы с ним расстались.
Голубые олени
На восток летят,
А я медленно
На Большой запад
Всё бреду и бреду
На своих лыжах,
Подбитых шкурами выдры.
На одну сопку однажды я вышел,
Остановился,
Оглядел всю тундру,
Вижу —

Вдали показалась
Еще одна сопка, гораздо выше,
Чем та, на которой я оказался.
А кругом разметалась
Большая тундра,
Ничего живого не различалось —
Ни оленя нигде не видать,
Ни чума.
На Большой запад
Я пошел опять.
Долго ль иду,
И сам я не знаю —
Только, как прежде,
Всё пустынно вокруг.
Видно, эта земля нежилая,
Раз я живого здесь не встречаю.
Так я думал,
И вдруг случайно
Взгляд мой по склону сопки скользнул.
Там, по склону, упряжки скачут.
К ним я лыжи тогда повернул,
Два аргыша, вижу, темнеют,
А следом — бегут не иначе
Пятьдесят оленей —
Может, няпой-олени бегут,
Может, важенки.
А впереди их скачет упряжка.
Лыжи, подбитые шкурой выдры,
Снова вперед я двинул.
Покатил по склону,
Упряжку объехал,
У передка ее остановился,
И четверная стала спокойно.
И ездок мне не удивился,
Хозяин оленей черных.
Меня он встретил учтиво:
«Здорово, здорово, сват.
Куда держишь
Ты путь-дорогу?»
— «Сам по себе
Хожу я подолгу».
— «А зовут тебя как?»
— «Нет у меня имени доброго —
Сын Безоленного я старика,

Так меня ты зови пока.
Оттого-то пешком я иду,
Думаю, может, добычу найду...
То куропатка в пути попадется,
То мне зайца поймать удастся.
И к хозяину я обратился с вопросом:
«Самого-то тебя как звать?»
— «Доброго имени
Ведь и я не имею.
Как и все, ты зови меня
Старшим Кривым носом».
И спросил я его опять:
«Ты куда направляешься, сват?»
— «Побывал я в Большом Обдорске,
Ездил я в Салехард
И взял там себе хлеба
Хороший запас, хватит на год.
Каждый год в эту пору надо
За продуктами мне ехать.
Я теперь возвращаюсь назад».
Подоспел тут обоз в низину.
Добрым, приветливым сват
Оказался встречный, как видно.
Сказал Большой Кривой нос:
«Поскорее поставьте чум,
Ведь пешком человек по тундре
Долго бродил в мороз.
Пусть напьется горячего чаю!»
Чум поставили быстро.
«Заходи, человек хороший,—
Хозяин меня привечает,—
В тепле разговор продолжим».
Зашли мы.
Рядом с собою
Меня усадил хозяин:
«Поедим и попьем вволю».
Родные его сразу
Стали костер разводить,
А потом хорошего взяли
Мерзлого мяса,
Нарубили, в котел бросили.
Вот уж и суп закипает —
Пора сороковку вносить.
С Большим Кривым носом

Мы сидим вдвоем,
Наливаем себе ковшом
Напиток хороший:
Из внесенной бочки
С обручами железными.
Долго ли гостем
У свата я пробыл,
Мне неизвестно.
Сват выпьет, очнется —
И уснет снова.
И мне с ним вместе —
И пьется,
И спится.
Вот, наконец, я совсем пробудился,
Молвил:
«Сват мой, ехать пора!»
И хозяин проснулся,
Сказал: «Ты прав,
Десять моих пастухов меня ждут,
Ждет меня стадо большое оленье,
Десятитысячное мое стадо.
Без промедленья
И мне надо
Отправляться в путь!»
Подкрепились мы на дорогу,
Из чума вышли,
Постояли немного,
Попрощались за руку.
Встал я на лыжи,
Подбитые шкурой выдры,
И на запад направился.
Было со сватом мне хорошо —
И зачем только я от него ушел?
Вокруг ничего живого не видно.
Впереди — тишь,
А сзади пурга бушует.
Что еще я сказать могу?
За спиной оставляя пургу,
День и ночь на запад скольжу я.
Однажды опять
Я на сопке стал,
А вокруг — тундра,
Пустынная, голая подо мною земля —
Ни деревца нет, ни чума.

Я подумал:
«Как долго уже я еду,
А нигде не встретил оленьего следа,
И впрямь, земля нежилая».
Вперед я взглянул —
Ничего, никого.
Стою печальный,
На тундру взирая,
И вдруг глазами скользнул
Случайно
По склону сопки,
На которой стоял.
Скачет по склону оленья упряжка,
Скачет на север,
В большую даль.
Три обоза катились за нею следом,
А дальше бежало,
Я увидал,
Не меньше пятидесяти оленей.
Наперерез той упряжке я двинул
Лыжи, подбитые шкурой выдры.
Перед упряжкой остановился,
Тогда и ездок меня увидел,
Стала упряжка. Слышу слова:
«А-нин, здорово,
Сват незнакомый!»
И в ответ я молвил:
«А-нин, здорово, сват!»
— «Ответь, незнакомец, откуда пришел ты,
Что ты за человек?»
Я ответил так:
«Хорошего имени
У меня ведь нет.
Ты зови меня —
Сын Безоленного старика».
Опустил он голову ниже,
Задумался: «Вроде,
Когда-то я слышал
О таком народе».
И я задал ему вопрос:
«А тебя как, сват, называть?»
— «Средний Кривой нос —
Так меня люди кличут.
Потому что и у меня

Имени нет обычного».
— «Куда ты свой путь держишь?»
Средний Кривой нос мне
Отвечает: «Пути мои те же,
Что и в прошедшем году.
Был я в Большом Обдорске,—
На няпой-оленях еду
Обратно, везу запас
Пищи себе. Так вот,
Через год лишь в следующий раз.
Теперь запастись надо».
— «Хорошо, сват, и то правда».
Пока говорили мы, вижу,
Подъехал аргыш-обоз,
Поставили чумы сразу.
«Снимай-ка ты, сват, лыжи,—
Сказал Средний Кривой нос,—
В чум заходи, ты замерз,
В тепле мы продолжим рассказ».
И я подумал тогда:
«Воистину добрый народ».
В чум захожу, а там
Разводит огонь уже кто-то,
Кто-то жирное мясо рубит...
Вот и еда готова.
А сват о питье не забудет:
«Дочка, внеси сороковку!
Ведь мы едем-то из избы».
Из ковша
Стали мы с ним пить,
И еда была хороша...
Так продолжалось веселье,
Захмелеем — и протрезвеем.
Уже с того дня, как мне встретиться
Довелось с хозяином щедрым,
Прошло не меньше полмесяца.
И тогда я сказал первым:
«В дорогу мне, сват, пора».
— «И впрямь, пора,— он ответил,—
Тоже пора мне ехать,
Ждут меня тысяч десять
Оленей моих пестрых,
И пастухов моих десять
Ждут и, наверно, думают,

Со Средним Кривым носом
Не случилось ли что, дескать.
К своим десяти чумам
Я поеду, — когда захочешь
Навестить меня — будешь гостем».
— «Может быть, сват, когда-нибудь
Я в гости к тебе приеду».
Так расстались мы.
Он — на север,
Я — на запад двинулся в путь.
Что говорить? На лыжах
Я спускался в низины голые,
Я взбирался на сопки, выше,
Озирая края незнакомые,
И нигде человеческого голоса
В стороне этой я не услышал.
Как-то раз на большой сопке
Остановился, гляжу,
Гляжу на дальнюю землю
И думаю: нежилые,
Нежилые эти края...
Вдруг увидел случайно — мчится
По склону упряжка оленья,
Под полозьями снег клубится.
Скачут за нею полные
Три аргыша, а позади
Сто оленей бегут с хорканьем.
Я помчался наперерез,
Близь упряжки, впереди
Остановился. Слез
Незнакомец с нарт:
«А-нин, здорово, сват!»
— «А-нин, здорово,
Сват незнакомый!»
— «Куда едешь, в какую сторону?»
— «Одна у меня забота —
Хожу, промышляю охотой».
— «Тебя как зовут,
Сват незнакомый?»
— «Нет у меня доброго
Имени, потому
Кличут меня сыном
Безоленного старика».
Задумался, низко склонил он

Голову: «Я слышал
О безоленном народе,
Но из него пока
Никого еще не встречал».
— «А тебя как зовут?»
— «Вот ведь
Я тоже без имени доброго.
Младшим Кривым носом
Кличут меня тут.
А лучшего имени вовсе
Люди мне не дают».
Так мы с ним толковали.
Тем временем три обоза,
Три аргыша нас догнали.
Распрягли оленей, проворно
Люди с аргышей чум поставили.
Младший Кривой нос
Говорит: «Сват мой,
Войди, ты, должно быть, замерз,
Наш разговор добрый
В чуме с тобой продолжим».
В чум мы зашли просторный,
Усадил меня сват рядом
С собою. Хорошего
Жирного мяса достали,
Нарубили, на стол подали.
Младший Кривой нос
И говорит тогда:
«Добрый у нас гость,
Старуха, скорее, хочу,
Чтоб сороковку в чум
Ты принесла».
Потом
Стали мы с ним вдвоем
Черпать вино ковшом;
На душе моей стало легко.
Долго ли пили,
Не знаю,
Может быть, месяц минул,—
Не помню я ничего.
Но однажды я поутру
Просыпаюсь и говорю:
«Я должен тебя покинуть,
В путь я спешу, сват мой».

— «Что же, и то правда.
Тоже очень спешу я.
Ждут меня двадцать чумов —
Двадцать моих пастухов,
Потому что я, сват, имею
Двадцать тысяч оленей.
Обычно я в это время
Езжу в Большой Обдорск,
Запасаюсь пищею на год,
Вот и сейчас я вез
К чумам своим припасы
И здесь с тобой оказался.
На будущий год поеду
Я опять по этому следу».
Так Младший Кривой нос
Рассказал о делах подробно.
«И то правда, сват»,—
Я ответил тогда.
«Что же ты, гость,—
Сказал он по-новому, твердо,—
Обмануть меня, видно, вздумал?
Ты ведь вовсе
Не сын Безоленного старика!»
— «Да, правда, тебя обманул я,
Но это я просто
Спасал свою голову,
А не по доброй воле»,—
Так я стою и думаю,
Ни слова не молвлю пока.
Упрекает меня Младший
Кривой нос, а я размышляю:
«Ведь дальше
Я пути своего не знаю.
Та тунгуска,
Мне мать заменившая,
Указала лишь путь досюда».
И я дрогнул тогда от испуга,
А сват говорит мне, слышу:
«Что ж, расскажу тебе правду,
Кто ты таков и откуда.
Был ты сыном богатого Яринге,
И хозяйство Трех Белоглазых
Принадлежало ему,
А они пастухами служили

У твоего отца-то
И однажды его убили
В недобрую зиму одну.
Из многих земель собрали
Они его злейших врагов
И на него напали.
Убили его, мада,
И стали из пастухов
Хозяевами владений.
А тебя убийцы не тронули
На счастье оленьего стада —
У отца было много оленей.
Убили его владыки
Семи земель
И стадо после убитого
Разделили на семь частей.
В семь земель его разогнали,
А ведь было большое стадо,
Сорок тысяч оленей паслось
На отцовской земле твоей, мада.
Отца богатого
Своего сын ты —
Из-за оленей страдаешь ныне,
Из-за оленей страдаешь.
Но ты ведь, мада, не знаешь,
Что из западни
Трех Белоглазых твой брат
Спасся, бежал от смерти.
На Большой ты запад иди,
Там его встретишь.
Поселился твой брат в лесу
В чуме, который сделал
Из диких оленьих шкур.
Он ловит диких оленей
И много мяса готовит.
Он очень силен, твой брат, —
Так мне хозяин молвил, —
И ты человек сильный,
Вы с братом, прошу тебя, сват,
Не убивайте нас, если мимо
Вам как-нибудь ехать придется». —
«Зачем ты об этом просишь?
Мы и так не убьем вас.
Коль в живых суждено нам остаться,

К вам лишь в гости
В следующий раз
Судьба приведет нас».
— «Что ж, пора тебе отправляться.
Семь суток придется идти
И еще три дня и три ночи,
И тогда на твоём пути
Встанет лес. И след одиночный
Лыжный станет тебе попадаться —
Это брат твой всегда в это время
Ходит, ловит диких оленей».
Так я со сватом расстался
И направился вновь на запад.
Шел я столько, сколько сказал он,
И вскоре у леса, вправду,
Лыжный след мне стал попадаться —
То старый след, то след новый...
Живет, значит, рядом кто-то...
По свежему следу скоро
Я дошел до чума большого.
Вижу я: возле него
Оленьего мяса много,
Оленьего мяса много
Лежит, а вокруг — никого.
Снял я тогда свои лыжи,
В чум забрался —
И там пусто.
Подумал я, что хозяин
Пошел запасать оленину.
Зато я наелся вкусной
Еды — айбарч-струганины,
Оленьего костного мозга
С удовольствием я отведал.
Сижу, неожиданный гость я,
И хозяина поджидаю,
А его всё нету.
Солнце склонилось к краю
Дальнего леса. Занес я
В чум свои стрелы и лук.
Вот и стемнело. Вдруг
Как будто земля задрожала.
Слышу голос я человеческий:
«Охо-хо, как же устал я!»
Пятнадцать оленей диких

Брат мой один принес.
Сбросил добычу с плеч он,
Стал в полный рост —
Внезапно
Я в бок чума стрелою трахнул
Так, что брат мой
Слегка опешил
И стал дверь отворять со страхом.
В отворенную дверь я стрелу
Ему выпустил в руки прямо,—
Он схватил ее: «Но кому
Стрела эта принадлежала?
Неужели отцу и матери?»—
И на улице пляшет от радости.
Держит стрелу в ладонях,
Вспоминает: «Я знаю, да,
Точно, отец-покойник
Мастерил ее, а сюда
Наверно, явился брат мой».
И я отозвался тогда:
«Брат, ты войди, не бойся,
Это я хотел поиграть».
В чум брат мой забрался,
А я — к нартам своим. Занес я
Сороковку, напиток русский,
Ту, что тунгуска подсунула
В поклажу мою для подарка.
Поели-попили мы с братом.
«А теперь,— говорит он,—
Обратно
Мы поедem, откуда ты прибыл,
Там с тобой заживем хорошо!
Сколько лет с той поры прошло,
Как Три Белоглазых хозяина
Наши стада себе взяли?..
Но хватит о них!»
Отдохнув,
Мы в путь собираться стали.
«Когда к тебе добирался,—
Я сказал ему,—
Я видел трех няпой-оленей,
И теперь нам придется ехать
Мимо этого стада.
Три Кривых носа,

Три брата
Живут там на берегу
Огромного моря — мимо
Нам с тобою придется пройти».
Мы на нарты еду сложили,
Луки-стрелы себе отобрали,
Отобрали себе пищали
И всё, что нам нужно в пути.
Лыжи, подбитые шкурой выдры,
Брат мой из ваньдея-нарты вынул.
Чего только нет у доброго жителя?..
И одежды всякой
И еды разной.
Заменявшая мать мне, я помню,
Всё плакала
И нарты мои сполна уложила.
Коровье масло,
Сухое мясо
Было давно у меня в запасе.
Эти нарты свои таскал я
За собою по всем дорогам.
Наконец мы отправились в путь.
Только с места лыжи тронули,
Взвилась пурга сзади нас,
Впереди — чистое небо.
Какой мерою путь измерить,
Долго ль придется ехать?
Но не об этом рассказ.
Ехали мы — и вскоре
Пересекли всю тундру,
Вышли на берег моря.
На берегу — семь чумов.
Около чумов — веселье.
Поющий поет — борется
Борец. Видно, хозяин дельный
Много выставил людям вина.
Увидели нас: «Готовится,
Никак, наша смерть одна,
Побьют нас земные дьяволы
Или же кто другой.
Хватает народу всякого
На земле большой».
В средний чум мы зашли.
«А-нин, здорово,

Сват мой знакомый,
Младший Кривой нос!
С братом едем мы издали,
И в гости к тебе привелось
Нам заглянуть по дороге».
Сказал он: «Здорово, здорово,
Садитесь рядом со мною».
Вот угощение готово —
Мяса для нас нарубили,
Стол накрыли.
Наконец сороковку внесли.
Сидим втроем, выпиваем, —
Я, мой брат и хозяин.
Может, неделю сидим.
Может, и месяц целый.
Так говорим:
«Младший Кривой нос,
Мы, братья, по делу едем,
А у нас великое дело.
Направляемся мы в землю,
Из которой бежать пришлось
Нам из-за Трех Белоглазых
Когда-то. Теперь спешим
Мы отомстить, и владенья
Вернуть себе, и оленье
Стадо...» Так говорим.
«Если вы живы будете,
Не убивайте нас!» —
Просить стал и в этот раз
Хозяин гостеприимный.
«Зачем? Невинные люди
Нас не должны бояться,
Мы не тронем невинных.
А теперь пора отправляться
Нам в землю Трех Белоглазых...»
Мы попрощались и сразу
Вышли,
Встали на лыжи.
И заскользили быстро,
А за нами пурга закружилась.
Так дорогой пуржистой
Мы добрались до берега,
Где увидели десять чумов.
И сказал я брату:

«Здесь Кривой нос средний,
Видно, днюет-ночует».
Подъехали мы, сняли лыжи,
В средний чум зашли, говорим:
«Здорово, здорово, здорово,
Средний Кривой нос!»
Радостно он произнес:
«Здорово, здорово, здорово!
Добрые гости прибыли
Отдохнуть под моим кровом!»
Русской еды наготовили
Для нас, опять сороковку
Мы втроем сидим-выпиваем —
Я, мой брат и хозяин.
Как только веселье кончилось,
Я говорю: «Сват,
Я и мой старший брат
В путь торопимся очень.
У нас великое дело —
Мы направляемся в землю
Трех Белоглазых хозяев».
— «И то правда,
Вам ехать надо...
Когда-нибудь побывайте
В гостях у меня снова».
— «Побываем, если здоровы
Будем мы,
Если будем живы!»
Стали мы с братом на лыжи
И опять заскользили вперед.
Не знаю, долго ль идет
Время, но путь нас привел
К тем десяти чумам,
Где сват Старший нос Кривой
Живет, хозяин разумный.
Подъехали, лыжи сняли,
В чум забрались: «Здорово,
Старший Кривой нос!»
— «Здорово, два брата Яринге,
Добрые гости!»
Готово
Уже угощение у свата.
Внесли опять сороковку,
И сели мы с братом опять

С хозяином пить-толковать.
Долго ль себе ковшом
Мы вино наливали втроем,
Я не знаю, но, хорошо
Отдохнув, наконец
Я сказал: «Мы спешим, сват,
В ту землю,
Где иаш отец
Был убит много лет назад,
Где с тех пор разъезжают
На добрых наших оленях
Белоглазые Три хозяина,
Три убийцы.
Сегодня
Мы с братом вдвоем
Им убийство отца припомним.
Мы — этой земли единственные
Хозяева, мы снесем
Им головы.
Для этого в путь идем!»
Так мы со сватом расстались
И заскользили потом
По сопкам и по низинам,
Пока не показались
Владения Трех Белоглазых.
Но как же много дней и ночей
Мы с братом шли, не считая,
По чужой ли земле,
По ничьей, —
Пока не достигли края
Той, отцовской земли, своей.
Так мы ступили смело,
Чтобы выполнить наше дело,
В эти края.
Братья Яринге,
Мы шли, вне себя
От ярости,
Мы хотели
В глаза те белые
Заглянуть,
Упиваясь местью.
Но и бывшие наши хозяева
Собрали друзей своих вместе,
Много друзей собрали,

Много людей могучих —
Еще бы, они боялись
Возвращения исчезнувших братьев;
Саю-войско, грозную тучу,
Три Белоглазых собрали.
С братом мы оказались
В самой людской гуще...
Не нужны нам стрелы и луки —
В такой тесноте не выстрелишь.
Здесь помогут лишь сами руки, —
В кулаки пальцы мы стиснули.
Всех врагов кулаками побили
И только в живых одну женщину
Мы оставили, ту тунгуску,
Что была мне как мать прежде,
Когда маялся я у гнусных
Хозяев Трех Белоглазых.
Она мне была как родная
Матушка, — эта инька.
И я старшему брату сказал:
«Теперь это место покинем,
Забота у нас большая —
В разных землях, в семи краях
Нам побывать надо.
Разделили ведь наше стадо
На семь частей когда-то,
Надо собрать его». Брату
Так говорил я: «Время
Пришло отобрать оленей
У хозяев семи земель.
За оленями мы теперь
Помчимся с тобою быстро».
Брат мне ответил: «Надо
Отправляться нам в землю Мандо,
Надо ехать нам в землю Тынгоса
И к земле вдоль Канинского мыса
Нам тоже добраться надо!
Вот сколько объединим земель мы...»
И я пальцы в кулак стиснул:
«Я сам пригоню оленей
Из владений,
Принадлежащих
Хозяину Канинского мыса!»
Стали мы с братом на лыжи

И так, пешие, вышли
В путь, в разные стороны.
Обошли мы земель много,
Всех побили врагов, видно,
Обратно пора возвращаться.
Ведь три года уже минуло
Этим скитаньям нашим.
А хозяина мыса Канина
Я сам убил, Сусуе Яринге,
Но сестра у него такая
Могучая оказалась,
Что сила моя молодая
Перед нею была напрасна —
Не убить мне ее никак.
«Ладно,— сказал,— коли так,
Я на тебе женюсь!»
— «Хочешь, в жены меня — бери,
Но если меня обманешь,
Яринге младший,
Мертвым станешь,
Я убью тебя»,— говорит.
Была она сильной и смелой
И никого не боялась.
«Не обману». Мы собрались
И направились в Белые земли.
Много оленей пригнали.
И брат мой наших оленей
Пригнал из чужих краев,
Он тоже побил всех врагов.
Стоим мы на землях прежних
И думаем, что же дальше?
Ведь жить очень скучно здесь будет —
Ни приезжих,
Ни отъезжающих.
Поедем туда, где люди,
Где живут Три Кривых носа,—
Соседями добрыми станут
Нам они. Так и бросили
Мы свои Белые земли.
Повели мы большое стадо
К тем берегам известным,
И наконец на место
Пришли со своими оленями.
Поселились мы по соседству

От сватов гостеприимных.
Сам я уже женат,
А Яринге Старший, обидно,
Еще не женатый, мой брат.
Так живем, так живем,
Но недолго
Быть ему одиноким.
Жизнь-то течет, стремится
Захватить его полным потоком.
Так и мы узнаём,
Что у Младшего носа Кривого
Есть единственная сестрица.
Мы отправились сватать ее.
Наше слово,
Наше слово достигло цели,
Целый месяц мы пили и ели,
Целый месяц свадьбу играли,—
Не иначе как месяц целый;
А может быть, два месяца —
Веселились мы, дней не считали.
А мы с братом давно придумали:
Всё добро, что у нас имеется,
Мы поделим с ним пополам.
Так и сделали. Чумы наши
И доныне стоят там
Рядом с чумами трех сватов.
И соседствуем дружно притом,
Ходим друг к другу мы в гости часто,
Так и теперь живем.

**24. НОСИ — БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК
И МЛАДШИЙ ТЫСЬЯ-СЫН.**

Я, Нóси, — богат.
Я, Нóси, — богат.
Вот сижу я на нартах,
На нартах сижу,
Пред собою гляжу.
Я укутан весь
Мехами собольими,
Я развалился
В бобровых мехах, —
Я сижу на нартах,

Над своею судьбою
Размышляю так:
В чем богатство мое,
В чем мое состояние?
Ведь меня, Нóси,
Везде знают.
Обо мне ведь слух
Даже вьюга носит
По семи сопкам,
По семи землям.
Но всего я имею
Только триста оленей,
А шкурок лисьих
И нет вовсе,
Отчего же меня знают,
Богатого Нóси,
На семи сопках
И в семи землях?
Так сижу, размышляю,
Отчего ж меня знают.
В чем богатство мое,
В чем мое состояние?
Может быть, оттого,
Что имею я деньги,
Много денег имею,
Меня все знают?
Так вот, Нóси-богач,
Я на нартах сижу,
Пред собою гляжу.
А на улице,
Сколько в меха ни прячься,
Зимний день стоит.
У меня, у Нóси,
Как у куколки,
Только кончик носа
Из мехов торчит.
Пальцами ног
Шевелю, чтоб не стыли.
Так на нартах своих
Я пятикопильных
Мамонтовых
Сижу.
И вот, на нартах
Своих сидя,

Я зорким взглядом
Все дали окинул,
Вдали я увидел:
Чернеет что-то,
Чернеет что-то —
Не едет ли кто-то?
Гляжу я пристально
На черный предмет —
Шевельнется он
Или нет?
И точно,
Он шевельнулся, —
Приближается черная точка,
Приближается, разрастается,
Видно, сюда на оленях
Какой-то ездок едет.
Вот он всё ближе, ближе,
Теперь уж я, Нóси,
Вижу
Четырех его черных оленей.
И не гонит он их,
Едет медленно,
Он оленей своих бережет.
Я на нартах сижу,
Я гляжу,
Как ездок сюда приближается,
Как концы его пояса
На одежде, вразлет,
Болтаются, развеваются.
Вижу, щеголеватый
Ездок этот, щеголеватый.
Сразу видно,
Он —
Человек богатый.
Я на нартах сижу,
Я гляжу,
Как вышла весна за зимою, —
И сугробы весенние, ломкие,
Пролегли по обе сторонки
Пути того ездока,
И стоят за его спиною
Они, как люди, пока
Не уйдут весенней водою.
А ездок всё мчится,

А ездок всё мчится,
Наконец подъехал,
Остановился.
Остановился он рядом
С тем местом,
Где я на нартах
Сидел, всем известный.
Встал он с нарт
И ко мне прямо
Широко шагнул:
«Здорово, здорово, здорово,
Нóси,
Человек богатый!»
Я ответил приветным словом:
«Здорово, здорово, здорово,
Младший Тысья-сын!»
Тысья-сын младший,
Приезжий, меня спрашивает:
«Что ты делаешь здесь один,
Куда, Нóси, ты направляешься?»
Я, Нóси-богач, отвечаю:
«Куда направляюсь?
Не знаю.
Я пути своего не знаю.
Может быть,
Ты мне скажешь,
Куда, и дорогу покажешь?»
— «В краю нашем
Только что
Случилось веселье,
Большое веселье
Вчера случилось.
А было вот что:
Богач Пучетэта
Богача Вэретэта
Обскакал на скачках.
Да не в этом потеха:
Богача Вэретэта
Забыла удача:
Проиграл он соседу
Десять тысяч оленей.
Вот ведь какое
Случилось веселье!»
Я, Нóси-богач,

Поднялся, скинул
С плеч своих
Бобровый мех,
Скинул с плеч я мех соболий:
«Вот так смех,
Поеду с тобою!..»
И я собаку свою кликнул,
Я, Нóси,
Человек богатый,
Чтобы она мне
Оленье стадо
К загону пригнала,
Белёо-собака.
Зашел я в загон,
Тысья-сын младший
Словом мне помогает:
«Самых лучших оленей
Своих, — говорит он, —
Нóси-богач,
Ты к вожже привяжи».
Взял четырех я оленей
Белых,
Как снег,
Что на сопках больших лежит.
Лямки на них
Я скорее набросил,
Запряг нарты
Пятикопыльные,
Мамонтовые,
Я, Нóси,
Человек богатый.
Украшенья оленье
Ямдзуу — красивы,
И сам-то
Как щеголь
Я наряжен.
«Поехали, трогай,
Тысья-сын
Младший!»
И упряжки бросились
Догонять потеху.
Тысья-сын младший
По весеннему снегу
Первый скачет,

А я, Нóси,
Нóси-богач,
За ним мчусь
Так же быстро следом.
Хорошо погоняет он
Своих черных оленей,
А мне своих белых
Погонять не надо,
Сами они
Так скачут красиво!
И летят мои нарты,
Нарты с теньдером-спинкой,
Летят...
Младший Тысья-сын
Остановился, посмотрел назад:
«Едем мы здорово,
Целый чомкост промчали...
Так-то мы скачки
Или выиграем оба,
Или оба их проиграем».
— «А пока ничего мы не знаем!»
Говорит мне тогда он,
Тысья-сын младший:
«Нóси, человек богатый,
Первым теперь дальше
Ты поезжай,
А я следом.
Видишь, одиннадцать чумов
Чернеют над белым снегом?..»
И погнал я своих оленей
К этим чумам дальним вперед.
«Нóси,
Человек богатый!..»
А ветер слова обратно,
К Тысья-сыну уносит:
«Здорово же ты гонишь
Четырех своих белых оленей,
Так скачут они красиво!»
А за мною, как черные тени
Моих белоснежных оленей,
Упряжка летит следом
Младшего Тысья-сына.
Вот наконец к одному
Мы из тех чумов подъехали.

Кто-то вышел из чума навстречу —
То ли девушка,
То ли женщина.
Видно, к нам она направляется,
Палец кусает, стесняется.
Мы спросили:
«Куда ваш народ,
Весь народ ваш куда подевался?»
— «Отец мой вчера проигрался
На скачках, и вот
Унес он шкуры
Соболы да лисьи,
Чтобы выкупить десять тысяч
Наших оленей
У Пучетэта богатого —
У того, кто выиграл стадо.
Потому никого здесь нету —
Все ушли с отцом к Пучетэта».
И опять мы вперед поскакали.
Тыся-сын младший
Снова скачет первым,
А за ним дальше —
Упряжка белая.
Посмотрел я — вдали
Чумы виднеются,
Десять чумов
В сопку большую вросли,
Возле чумов —
Чья-то оленья упряжка.
Нас олени наши
Прямо к ней поднесли.
Тыся-сын младший
Мне, Нóси богатому,
Говорит:
«Посмотри,
Посмотри, на площадке —
Лежат голубые
Олени того богача Пучетэта».
Я взглянул —
Пять их было.
На площадке этой
Лежали с краю
Голубые олени
Ухоженные, на солнце лоснясь.

И я сказал себе:
«О, я знаю,
Эта упряжка вчера на скачках
Весело пронеслась,
Это она хозяину выиграла
У Вэретэта
Десять тысяч оленей».
И подошли мы к толпе людей,
Чтоб состязаться и нам поскорей.
«Здорово, здорово,
Здорово, богач Пучетэта!» —
Так поздоровался
Тыся-сын младший.
А тот отвечивал:
«Здорово, здорово, здорово,
Младший Тыся-сын!»
И я вслед за ним
Приветствовал:
«Здорово, здорово,
Здорово, богач Вэретэта!»
И услышал снова:
«Здорово, здорово,
Здорово, Нóси,
Человек богатый!»
И тут с вопросом
Они к нам обратились:
«Зачем вы явились
Сюда — просто так ли,
На скачки наши
Глазеть-удивляться
Или же сами
Хотите вы состязаться?»
— «Просто так мы бы
Не прискакали
Из такой дали,
Если с вами бы не могли
Состязаться. Прибыли мы
На скачки в края ваши».
И состязаться начал
Первым
Тыся-сын младший.
Десять тысяч оленей
Он выставил вместо заклада.
А богач Пучетэта

Тоже десятитысячное
Выставил оленье стадо.
После коротких сборов
Начались наконец-то скачки.
Упряжки
Вдаль бросились.
А я, Нóси,
Человек богатый,
На нартах своих сижу,
Гляжу:
Скачут они обратно,
Упряжка проворная
Богача Пучетэта
Упряжку черную
Тыся-сына младшего
Позади оставила
На расстоянии
Няртала-аркана.
Примчались упряжки.
Весь народ кричит:
«Проиграл, проиграл ты,
Тыся-сын младший,
Десять тысяч оленей
Богачу Пучетэта!»
Так кричат
Девушки, женщины, дети,
Так кричали мужчины
Младшему Тыся-сыну.
За голову тот схватился:
«Ой, беда, беда,
Проиграл, проиграл, проиграл я,
Проиграл я своих оленей!»
А богач Пучетэта тогда
Повернулся ко мне с вопросом:
«Нóси,
Человек богатый,
Готов ли ты к состязанью?»
— «Конечно, готов, —
И прибавил: —
Но лишь триста оленьих голов
Поставить я в состоянии».
— «Ну что же, поставь триста,
И я тоже триста поставлю», —
Сказал Пучетэта и быстро

Упряжные лямки поправил.
И еще мне богач Пучетэта
Сказал: «Вот в сторону эту
Ты погонишь своих оленей.
Видишь,
Там знак имеется,
Как до этого знака доскачешь,
То назад поворачивай».
И тогда я, Нóси,
Богатый человек,
Четырех оленей своих белых
Погнал что есть мочи
В тот дальний снег,
Где знак виднелся
Оледенелый.
Раз обернулся,
Взглянул назад:
Голубые олени
За мною летят
С хорканьем звучным.
Быть может, тогда-то
Потерял я время, —
Пучетэта богатый
Использовал случай,
Он промедлений
Таких не терпит,
Тут же меня обогнал:
Гикнул я на своих оленей,
До полпути их погнал,
Тут меня богач Пучетэта
Криком своим напугал
Так, что я даже опешил, —
И в конце концов обогнал
Меня он на сто сажений.
Проиграл, проиграл, проиграл
Я триста своих оленей!
И весь народ закричал:
«Нóси-богач проиграл
Триста своих оленей!»
— «Ой, что за беда, беда,
Проиграл я оленей, да!»
Поговорить желание
У меня сразу пропало,
Не до бесед нам стало

С Тыся-сыном младшим.
Так мы с ним в молчании
Повернули свои упряжки
И помчались дорогой нашей,
Понесли вдаль свои заботы.
Но в пути мы не удержались,
Остановились, чтобы
Подсчитать расходы.
«Ой, беда, беда,—
Твердили мы оба,—
Мы ведь всё добро проиграли,
Всё добро мы свое проиграли!»
— «Ты, младший Тыся-сын,
Проиграл на скачках
Оленей своих — десять тысяч,
И я проскакал неудачно,
И я, Нóси,
Человек богатый,
Триста оленей поставил
Вместо заклада —
Проиграл стадо.
Пропало добро наше,
Но, может быть, после
Мы отыграемся?
Приезжай ко мне завтра,
Тыся-сын младший,
Ко мне, к Нóси,
Человеку богатому,
И мы снова вдвоем
На скачки отправимся.
Может быть, мы обратно
Добро вернем».
К своему чуму
Тыся-сын помчался,
И я, Нóси-богач,—
К своему чуму.
Распряг я упряжку,
А есть мне не хочется,
И спать не могу —
Я всё думаю, думаю...
Так лежал, огорченный,
Всю ночь, не спал,
Лишь промаялся.
Но какой же сон,

Если я проиграл
Всех оленей своих разом.
Только утренняя заря
Занялась,
Я на улицу вышел
И слышу:
Тыся-сын младший
Уж ко мне скачет.
Вот вдали показалась
Его упряжка.
Бережет хозяин
Голубых оленей.
Собольи
Да лисьи меха
На нартах издалика
Будто бы воз сена.
Эти меха
Везет он с собою,
У Пучетэта богатого
Выкупить хочет стадо.
Подъехал он скоро,
Тыся-сын младший,
Без разговоров
В чум заходит.
А старушка, та,
Что нам вместо матушки
Была тогда,
Чай вскипятила,
Супом мясным
Нас накормила.
Поели мы с ним.
Поднабрались сил,
На улицу вышли,
Глядим —
Рассвело,
Совсем рассвело.
Я крикнул собаку свою —
Белёо,
Я кликнул собаку, —
К оленям трехстам
Я, Нёси-богач,
Собаку послал.
И собака Белёо
Быстро

Пригнала мне оленей
Моих — все триста.
Сам я оленей загнал в загон.
А друг мой рядом
Стоит,
Говорит:
«Нóси,
Человек богатый,
Самых лучших оленей бери,
К вожже привязывай».
Но кого же?
И, Нóси-богач, я
Вожжи
Из шкуры морского зайца
Схватил, несу.
Головой трясусь,
Покачиваю
Из одной стороны в другую, —
Упряжку мне выбрать какую?
Какие олени получше?
Так в загоне я том
Похаживаю,
Кого бы мне взять,
Думаю.
Вижу, стоят могучие
Пять олених-хапторок.
Их к вожже привязать
Решился
Я, Нóси,
Человек богатый.
Оленихи-то были пестрые,
Всех оленьих
Цветов привычных.
Подобрал я себе отличных
Олених разномастных.
А олень вожжевой,
Коренастый,
Был пятнист
И в упряжке наряжен.
Так
На вожже я их вывел из
Моего небольшого стада.
Поскорее оленей запряг,
А после

Я, Нóси,
Человек богатый,
В чум забрался.
Велю своей матери:
«Моя матушка,
Моя матушка,
Ты на улицу выйди,
Принеси-ка в чум ты
Мою падко-сумку
Из кожи крашеной».
Мать
На улицу вышла,
Идет, сутулится,
Ей еле поднять
Мою падко-сумку.
Но несет она
Эту сумку
Кожаную,—
То подтащит ее руками,
То зубами
Себе поможет,
Так сумка моя тяжела.
Наконец
Ее занесла,
Положила у выхода.
А я, Нóси,
Человек богатый,
Свою малицу скинул,
На латы бросил.
Развязал
Свою падко-сумку.
Давненько
Был у меня там упрятан
Тулуп русский.
Его я достал,
Этот добрый тулуп,
На себя надел.
Он
Семь карманов имел —
Они сразу
Вперед оттопырились...
Сказывает
Обо мне народ,
Как в тулупе меня увидит:

Вон Нóси-богач идет.
Видно, и впрямь не глуп,
У него денег не мало,
Вон, карманы
Набиты деньгами,
Торчат, как рога оленье...
Я накинул сразу же
Поверх тулупа
Свою малицу,
А потом с другом,
Тыся-сыном младшим,
Мы упряжки погнали
По дороге вчерашней.
Хорошо скакали!
Впереди меня гонит
Мой друг, понукает
Своих пятерых голубых оленей,
Их ноги мелькают,
Как серые тени,
Длинноногими
Оказались они.
И мои пять хапторок-
Олених поспевают,
Еле-еле за ними
Поспевают скакать.
Младший Тыся-сын
Назад обернулся,
На скаку размахнулся,
Моего вожжевого
Оленя ударил
Прямо в морду:
«Хорошо, хорошо
Мой напарник
Гонит!»
Тыся-сын младший
Остановился
И говорит:
«Нóси-богач,
Поезжай дальше
Ты первым,
А я следом
За тобою вскачь,—
И впрямь хороши
Твои оленихи,

Так несутся лихо!»
И я, Нóси,
Человек богатый,
Вперед направил
Свою упряжку.
Оленихи пестрые
С хорканьем тяжким
Хорошо скакали!
И лишь однажды
Я оглянулся —
Отстает немного
Тыся-сын младший.
Голубых оленей своих
Длинноногих
Гонит он, гонит,
Но не подтянуться
Им ни за что
До моих оленей.
И я подумал тогда,
Сожалея,
Если меня перегнать
Он не может
При такой-то езде,
Суждено проиграть
Нам скачки сегодня тоже.
И я вожжевого
Стегнул вожжой,
Упряжку погнал —
Как бежит хорошо! —
И назад оглянулся
Снова.
Далеко отстал
Тыся-сын младший,
Далеко отстал,
Лишь слышно — вдали
Погоняет усталую
Он упряжку...
Я стал
Дождаться его.
Наконец
Прискакали
Его пять оленей.
Говорит мне младший
Тыся-сын:

«Нóси-богач,
А твоя упряжка
Уж очень добрая,
Ты, видать,
Выиграешь эти скачки сегодня.
А олени мои голубые
Не могут быстро скакать».
Вот наконец-то
Мы с другом прибыли
К чумам вчерашним.
Идет к нам навстречу
То ли девушка,
То ли женщина.
«Где ваш народ?»
— «Наш народ на скачках,
Все отцы на скачках,
Там, у богатого Пучетэта.
Никто из них
Еще не возвращался
С веселья этого».
— «Младший Тысья-сын,
Ты гони-ка быстро,
Мы с тобою ведь тоже
Туда направляемся.
Я вчера проиграл там
Оленей триста,
И ты — десять тысяч,
Всё добро наше.
Так гони же оленей,
Тысья-сын младший!»
Так мы приехали
На место скачек.
Там народу черно,
Там упряжек полно,
Там соперники
Состязаются.
Хорошо мы прибыли,
Вовремя.
Вот и люди уж
Нас увидели,
К нам направляются.
«Здорово, здорово,
Здорово, богач Пучетэта!»
И тот ответил:

«Здорово, здорово, здорово,
Нóси-богач».
И я снова
Сказал: «Здорово, здорово...»
А младший Тысья-сын
На собольи шкуры да лисьи
Выкупил десять тысяч
Оленей своих.
И выступил, говорит:
«Может, снова испробуем счастье
В скачках?»
— «Конечно, испробуем».
И богач Пучетэта
С Тысья-сыном младшим
По пути знакомому
Погнали упряжки.
Тут богач Пучетэта
Так гикнул страшно
На пятерых оленей своих,
Что свою голубую упряжку
Как вкопанный
Друг мой остановил.
На расстояние
Няртала-аркана
Всего лишь отстал.
Весь народ закричал:
«Тысья-сын младший,
Ты опять проиграл
Оленей своих десять тысяч
Да вдобавок еще потерял
Шкуры собольи да лисьи!»
— «Ой, беда, ой, беда,
Потерял! —
И рвет на себе волосы.—
Ой, беда, я всё проиграл!»
Тут у меня, у Нóси,
Богатого человека,
Спросил богач Пучетэта:
«А ты счастье свое испробуешь?»
— «Мы для этого прибыли оба,
И теперь пришло мое время».
И на деньги тогда я выкупил
Триста своих оленей.
«Я опять испытаю счастье!» —

И поставил оленей в заклад.
Вот за удачей
Помчались мы вскачь,
Оленихи пестрые
Как стрелы летят.
Я, Нóси-богач,
Пока впереди,
Я не смотрю назад,
Лишь слышу, как следом
Копыта стучат
Голубых оленей пяти.
Вот богач Пучетэта
Поравнялся со мной,
И взглянули
Мы друг на друга.
«Нет, коли так ехать,
Проигрыш мой»,—
Я подумал,
Оленей стегнул вожжой,
И сразу они так рванули,
Что остался соперник
За моею спиной,
Я приехал первым.
Слышу крик людской:
«Богач Пучетэта!
Выиграл у тебя
Трехсотголовое стадо
Нóси, человек богатый,
Выиграл, выиграл!»
А тот, ни слова не говоря,
Голубых оленей своих распряг,
Четырех оленей ручных вывел.
Как приготовил
Упряжку новую,
Я к нему подошел
И молвил:
«Испытаем-ка счастье снова,
А в залог мы поставим
Свои головы».
Внимательно слушает
Богач Пучетэта
Нóси,
Богатого человека.
«Ныне

Не просто,
Не просто мы спорим.
Вот плачú я
За младшего Тысья-сыиа,
Выкупаю
Оленей его десять тысяч,
Выкупаю десять
Шкур собольих-лиських.
Вот плачу я
За Вэретэта богатого,
Выкупаю шкуры
Его, и стадо,
И дочку его,
Что он проиграл,
Я, Нóси богатый,
Выкупаю обратно.
Взгляни,— говорю я,—
В шести карманах
Деньги храню я,
Да вот еще пимы,
Полные денег.
Теперь в последний
Раз вызываю,
Неутомимый,
Тебя на скачки».
И ответил мне
Пучетэта-богач,
Мой соперник:
«Если прискачешь
Первым,
Дочь мою за тебя отдам,—
Дочь моя будет залогом!»
И богач Пучетэта
Ей сказал тогда:
«Двери, дочь моя, распахни.
Чей олень вожжевой
Добежит до порога,
Тот и выиграет
Право твоею судьбой
Как угодно
Распорядиться».
Повиновалась девица.
А вокруг-то народ толпится.
«Прибегут хозяйские

Олени ручные»,—
Говорят и женщины и мужчины.
Но я, Нóси,
Человек богатый,
В свои силы верю:
«Согласен, согласен,
Пусть ждет у распахнутой двери!»
Упряжки бросились.
Я вперед погнал.
Разномастные, лихо
Бегут оленихи.
Мой олень пятнистый
Вожжевой летит.
Так на вторую
Половину пути
Повернул я быстро.
Пучетэта богатый
Меня обошел,
Поскакал впереди.
И я подумал:
«Нехорошо,
Ведь первым дверей
Коснется его вожжевой олень!»
И я немедля
Хлестнул пятнистого
Своего оленя,—
Моя упряжка
Дугою быстрой
Ручных оленей
Вмиг обогнула
И дальше вскачь
К дверям означенным,
Как будто искра,
Она метнулась.
Пучетэта-богач
Как раз в ту минуту
С нарт свалился,
Когда мой пятнистый
Остановился
Первым возле его дверей.
И народ закричал веселей,
Чем кричал до этого:
«Выиграл, выиграл
Нóси-богач

Все шкуры лисьи, соболями!
А еще увезет он с собою
Дочь богача
Пучетэта!»
Так все люди кричали —
И хорошие, и плохие.
Пучетэта взглянул на них
И сказал:
«Я дочь проиграл!
Но без угощенья
Дочерей мы не отпускаем —
Сейчас мы свадьбу сыграем!»
И по его веленью
Наша свадьба
Тогда началась.
Я выиграл на скачках
Его дочку,
Станет она
Мне женой беспорочной,
Кончится свадьба,
И я увезу
С Тыся-сыном младшим
Ее в новый чум.
А свадьба наша
Всё идет да идет.
Пучетэта богатый
Замуж дочь выдает.
Угощенье вкусное
И питье русское
Мы едим и пьем.
Долго ль пируем —
И сами не знаем.
Попируем, напившись,
Потом засыпаем.
Так и весь народ:
Попирует — уснет.
Сколько времени тот
Длился пир —
Неизвестно.
Но однажды открыл
Я глаза —
Нет невесты,
А сижу я на улице,
Я, Нёси,

Человек богатый,
Просто на улице
Проснулся.
Гляжу —
Чума нет вовсе,
И только рядом
Младший Тыся-сын
Сидит, пригорюнившись,
Мой товарищ верный, —
И мы с ним одни.
Живой он, верно,
Поднимает голову —
А вокруг лишь мертвые
И справа и слева.
И он мне промолвил:
«И хитрец же этот
Богач Пучетэта!
Умертвил гостей
И скрылся сам.
Хорошо хоть в живых
Он нас-то оставил!»
И мы встали
Скорей
Осмотреть всё окрест.
Может, кто-нибудь здесь
Из живых еще есть.
Занесено
Всё плотным снегом.
Каким человеком
Злодейство содеяно?
Но если и были какие следы,
Занесены они, занесены.
Бродим мы с другом
По белой площадке,
Заглянули в яму
И увидели вдруг —
Вот он лежит, богач Пучетэта,
Значит, напрасно его обвиняли.
Рядом лежит богач Вэретэта —
Мертвые оба,
Белые оба...
Видно, кто-то бродил кругом,
Видно, кто-то бродил кругом
И убил хозяина

И всех пастухов.
Так рассуждая,
И мы бродили.
«Какие же люди
Их всех убили?
Снилось во сне ли
Такое несчастье?
Тыся-сын младший,
Может, ты всё знаешь?»
Отвечает он мне:
«Ничего я не знаю.
А тебе, Нóси,
Человеку богатому,
Может, что-то привиделось
Замысловатое?..»
— «Да, привиделось мне,
Приснилось во сне,—
Будто к нам явились
Из семи земель
Их хозяева —
Семь Пьяловых Сюдбеев.
Не ими ли люди
Все наши убиты?
Не ими ли
Наши олени угнаны?
Вместо паса-метки
Нас в живых оставили,
Решили убить,
Когда возвратятся».
И стали мы думать,
Как искать их по следу,
В какую сторону
Нам направляться.
«Пойдем по дороге,
Вон след как хорош!»
— «Да, оленей угнали они
Так много,
Что теперь их легко найдешь».
И мы по оленьим следам
Зашагали,
Вдвоем зашагали —
Я, Нóси,
Человек богатый,
И друг мой — младший

Тыся-сын.
Долго ли шли мы,
Сами не знаем,
Только глядим —
Олень павший.
Хоть падалью, бедные,
Мы себя подкрепим,
Проголодались мы очень.
Да еще с похмелья
Освежиться хочется.
Оленну-падаль
Мы теребим,
Жуем потихоньку,—
Так и едим,
Но всё же мало-помалу
Силы наши всё убывают.
Мы оба совсем ослабели.
Тыся-сын младший
Идет-бредет еле-еле.
И Нóси, человек богатый,
Идет-бредет еле-еле.
Так-то мы с ним идем,
А вдали виднеется
Что-то черное...
Мы с другом повеселели:
«Опять на оленя мертвого
Мы вот-вот набредем!
Съедем его — снова
В наших глазах посветлеет,—
В наших глазах посветлеет,
И по следу
Пойдем мы быстрее».
И мы наконец подошли
К тому, что чернело вдали,
Но то не олень лежал —
То лежал человек одноглазый,
Одноглазый он был,
Одноглазый.
Видно, кто-то его убил.
Был он огромного роста,
С единственным глазом
Посреди лба.
На нашу дорогу его бросила,
Как для острастки,

Судьба.

А мы пошли по дороге,

Одноглазого

Сзадн оставили.

Так шли мы совсем немного,

И нам вдали показался

Лорцовка-холм невысокий.

Забрались мы на холм —

Отдохнуть,

Посидеть хотя бы недолго.

Лишь присели,

Услышали — путь

Захрустел под ногами чьими-то.

Видим, Сюдбей

К нам приближается,

Слышим, Сюдбей

К нам обращается:

«Моего вы брата убили,

Моего вы брата убилн!»

— «Нет, мы его не убивали,

Нет, мы его не убивали,

Мы его мертвым нашли,

Мы просто рядом прошли,

По дороге прошли мы, рядом!»

Незнакомец идет и твердит:

«Моего вы убили брата!»

Посмотрели мы —

К нам великан

Направляется безобразный,

Сверкая

Единственным глазом,

Он только одно говорит:

«Брата моего убили!»

— «Твоего мы брата не трогали,

Мы только прошли по дороге,

На которой лежал он, рядом».

Тут Тыся-сыи младший

Мне, Нóси,

Человеку богатому,

Говорит:

«Это просто

За нами наша

Явилась смерть.

Одноглазый убьет нас —

Погибнем здесь...»
— «Моего вы брата убили,
Моего вы брата убили!»
— «Мы случайно
С ним рядом были,
По дороге мы просто шли
И уж мертвым его нашли,—
Не убили его, не убили!»
Одноглазый как будто не слышит,
Всё о брате своем твердит,
К нам подбирается
Ближе и ближе.
Тыся-сын младший
Мне говорит:
«Как видно,
Не снести мне его удара,
Я не выдержу,
Я погибну,
Если он хоть раз
Меня двинет.
Может быть,
Ты устоишь,
Нóси, человек богатый,
Отведешь гибель от нас?»
Одноглазый совсем уже рядом,
Подходит, свое твердит:
«Моего вы убили брата,
Моего вы убили брата!»
Вот подошел, размахнулся,
Друга ударить собрался.
Младший Тыся-сын
Увернулся,
Присел,
И кулак одноглазого Сюдбея
Над его головой просвистел.
Не был товарищ мой
Ко второму удару готов еще,
И я лишь успел
Посмотреть в их сторону:
Голова чудовищная
От тела вдруг отлетела,
Покатилась по склону,
Глазом беспомощно
Своим завертела.

Тыся-сын младший
Закричал сейчас же,
Не понимая, как случилось,
Что великан страшный
Далеко откатился
От холма, бездыханный:
«Дави его, Носи,
Человек богатый!»
А я отвечаю:
«Лучше вставай-ка,
Человек этот, Сюдбей,
Уже умер».
Младший Тыся-сын
Поднялся, подумал
И мне говорит:
«Ну, мы с тобою —
Богатыри,
Как много у нас силы, —
Великана такого убили!»
По прежней оленьей дороге
Мы снова вперед двинулись.
Прошли мы совсем немного,
Видим — раскинулся
На склоне сопки вдали
Чей-то чум.
И мы к этому чуму пошли.
Возле чума упряжки
Хорошо видны.
И сказал я: «Младший
Тыся-сын,
В чум направимся!»
Подошли мы к чуму,
Вошли, поздоровались
С той, что встретить
Была нас готова:
«Здорово, здорово,
Незнакомая сватья!»
Ведь мы не знаем,
Как ее звать-то
И кто она —
Девушка или женщина,
В своем чуме одна
Она нас приветила,
Накормила сытно —

Меня и младшего
Тыся-сына,
А потом и спрашивает:
«Чем занимаетесь,
Куда путь ваш?»
— «Мы идем по такому делу:
Направляемся
По следам оленьим.
Разбойники нынче угнали
Наше большое стадо
Во время свадьбы,
В самый разгар веселья.
И надо
Нам возвратить оленей»,—
Так я ей, Нóси,
Человек богатый,
Говорю о нашем
Деле большом.
А потом
Тыся-сын младший
Ее просит
Рассказать о том,
Как зовут ее
И почему
Одна она в этом чуме.
«У меня ведь
Имени нет.
А живу я вон в той стороне,—
Высоко, высоко, на небе...
Но мне
Чум мой пришлось оставить.
Мне отец сказал:
«Далеко,
Далеко на земле сыпучей
Два человека живут
Страдающих,
Помощи ждущих».
Он отправил меня сюда,
Вот почему я тут».
Удивились мы с другом тогда.
А девушка эта иль женщина
Разбирает какие-то вещи
И нам достает саблю,
Саблю сложную, составную,

Только сдвинутую вплотную.
А если она раздвинется,
Эта сабля, совсем до отказа,
То она удлинится, раскинется
На семь сажений сразу.
И саблю дает нам хозяйка,
Наказывая:
«Знайте,
Когда вы прибудете
К Пьяловым Сюдбеем,
В чум их не проникайте.
К ним нужно войти
Только ночью,
Когда будут спать эти люди.
Во время их сна
Вы саблей
По краю чума ударьте —
Сабля найдет их сама.
И если, ее острие
Попробовав,
Вы горячим
Найдете, то
Это значит,
Что в чуме одни только мертвые,
В живых уже нет никого».
Так она нас научила
И сказала еще на прощание:
«Как возвращаться станете,
Мимо не проходите,
Не проходите мимо,—
Саблю назад верните».
— «Не беспокойся, сватья,
Не беспокойся, вернем,
Если в живых останемся,
К тебе мы придем вдвоем».
Поели мы с другом сытно
И снова двинулись в путь.
С младшим Тыся-сыном
Идем, не устав ничуть,
Хотя тяжело идти:
Уже развезло всю дорогу,
Все олени пути
Развезло,
И подтаявший снег понемногу

Сползает с окрестных холмов,—
Нам идти тяжело, тяжело!
День на вечер
Смениться готов,
Наступают серые сумерки,
И выплыли нам навстречу
Издалека семь чумов,
А за ними
И чум восьмой
Показался вдали,
Притулился...
Темноты ожидая ночной,
Мы с младшим Тыся-сыном
Тогда на землю легли.
Так вдвоем лежим:
Я, Нóси,
Человек богатый,
И мой товарищ,
Младший Тыся-сии.
Ветерок приносит
Дым горьковатый,
А потом воздух
Стал чнст и холоден,
Наступает полночь,—
И мы подходим,
Мы крадемся к чумам...
Наконец мы залезли
В тот крайний чум,
Где, как и думали,
Одни только женщины.
Говорят они: «Чу,
Скоро спать улягутся
Семь Пьяловых Сюдбеев,
Скоро спать улягутся,
Скоро заснут».
А мы отвечаем,
Радуясь сабле:
«Мы с вами побудем
Недолго тут.
И неслышно,
Неслышно
Мы подкрадемся,
Словно собаки,
В их чум заползем,

Саблею лишь мы
Своей размахнемся,
По краю чума
Насмерть хлестнем!»
Так мы и сделали,
Как говорили:
Подползли бесшумно
И злодеев убили.
Вышли наутро мы
Взглянуть на мертвых —
Вот они,
Семь Пьяловых Сюдбеев,
Лежат, никому-то
Теперь не страшны.
Я и друг мой,
Младший Тыся-сын,
Вернули себе свое стадо оленье
Да взяли с собою добрую утварь
И всех женщин с собою взяли,—
И отправились мы
В свою землю.
Я, Нóси,
Человек богатый,
К своей старенькой матери
Поспешил,
Чтоб скорее
Ее обрадовать.
Снова свадьбу
Сыграть я решил.
Так мы приехали
С Тыся-сыном младшим
В мою землю
Со скарбом нашим.
Снова мы свадьбу
Сыграли мою
И решили на́ день
И в его краю
Удачу отпраздновать.
А там мой приятель
Женился тоже —
На той женщине,
Сватье.
Тыся-сына младшего
Мы тогда женили,

А всё стадо наше
Пополам поделили.
Поселились мы рядом,
На соседних сопках,
И живем,
Как два брата,
Процветаем оба.
Наши дети здоровы,
Растут-понимают,
Мы едою
И словом
Их поднимаем.
Так мальчишек растим,
И друг к другу
В гости
Нам двоим,
Мне, Нóси,
Человеку богатому,
И младшему Тысья-сыну
Ходить приятно
Всегда, потому что
Давно мы с ним
В большой дружбе.

25. СЭРО ЁВЛЁ

Сэро Ёвлё
Живет богато.
У Сэро Ёвлё
Большое стадо,
Десять тысяч оленей
Сэро Ёвлё имеет.
Десять работников
Пасут его стадо,
Пасут оленей.
А сам Сэро Ёвлё
Проспал немало —
Много дней,
Много лет проспал.
Сэро Ёвлё очнулся,
Ото сна воспрянул,
Увидал:

У латы-доски
Лежат десять травинок,—
Успели они
И расцвести и увянуть.
Подсчитал я травинки —
Долго спал же я, видно,
Десять лет я спал.
Наконец-то встал.
Я старухе сказал:
«Моя бабушка добрая,
Ты достань-ка запасы,
Ты свари мне суп-мясо,
Есть мне хочется!»
Суп-мясо попробовал
Да и съел его весь.
«Моя бабушка добрая,—
Сказал, кончив есть,—
Позови пастухов,
Пастухов позови».
Позвала старушка.
Пастухи явились
На глаза мои.
Явились с вопросом,
Что, мол, скажешь, хозяин,
Добрый хозяин,
Что скажешь ты нам?
«Сон мне приснился,
Сон, что по обозу,
По передку нашего аргыша,
Всего лишь три дня
Как лиса пробежала,
Дорогая лисица
По обозу нашему,
Видел я, пробежала.
Подгоните оленей,
Мне эту лисицу поймать надо!»
Пастухи вышли тогда немедля,
Подогнали стадо,
Десять тысяч оленей они подогнали,
Десять тысяч оленей
И оленей пятьсот
В загон загнали.
Сам я гляжу вверх,
Сам я гляжу вверх

И вижу, что в том загоне
Оленей холеных нет;
Олений загон угнали,
Остались лишь те, чей мех
В красный подался цвет,
И мордами так похожи
Они на лисиц осторожных.
Их я велел поймать,
Их я велел запрячь,
А это исполнить скоро,
Вижу, почти невозможно —
Так олени мои проворны.
Но пастухи мои всё же
Хитростью их поймали.
Четырех они пёлей-оленей
Добрых в упряжку взяли.
Тогда изловчился и я,
Схватил я их, красномастных,
За вожжи, повел из загона,
Сам их повел, готовых,
Но они рванулись так лихо,
Так с места рванулись разом,
Что я чуть не свалился наземь.
«Ничего себе,— думаю,—
„Тихие“!»
Схватил я оленей крепче,
Приготовил нарты,
Мамоитовые нарты выбрал,
Те, что надежней и легче.
К ним я красивых оленей вывел,
Пастухам запрягать велел
Упряжку себе в дорогу.
Салямка-упряжка готова,
Готова крученая.
На нарты тогда я сел,—
Хорошо запрягли оленей,
Запрягли оленей на совесть!
На нарты я сел, да вót ведь...
«Моя бабушка добрая,
Моя старушка,
Амдёр-подстилки нет,
А еще, послушай,
Моя бабушка добрая,
Моя старушка,

Нет мне в дорогу
Мягкой подушки.
И еще одеяла
Красносуконного
Ты мне не давала
С собою в дорогу —
На нартах моих нет одеяла».
Добрая бабушка побежала,
Принесла мне подушку,
Принесла мне подушку
И одеяло.
И амдёр-подстилку
На нарты постлала.
Так я простился,
Уселся быстро,
Харей и вожжи
Пастухи подали.
Только дернул я правой вожжой,—
Искры
Посыпались из халсул-колец,
Только дернул я левой вожжой,—
Искры
Посыпались из халсул-колец.
Так я в путь
Отправился наконец,
Чтобы след дорогой лисицы
Своим ножом ковырнуть.
Так я и еду,
Так я еду.
Трое суток еду.
Лисьего не видно следа,
Нет, не видно следа.
Всё, наверное, замел снег.
Но не мог же ведь совсем
Пропасть след!
Скоро встретится он мне на пути,
Надо, надо мне его найти,
Надо отыскать его, потому что
Нет дороги для охоты лучшей,
Чем моя дорога.
Так отъехал я немного,
Выехал на перепутье.
Здесь я и остановился,
Не за тем, чтоб отдохнуть, а

Чтобы разглядеть, в какую
Сторону моя лисица
Пышнохвостая свернула,
Знать, куда она бежала.
Вот он, след. Пошла упряжка.
То теряется и вьется,
То становится заметным
Лисий след, упряжка рвется
Будто бы из сил последних.
Вот следов капризных тень
Стала голубей и глубже,—
След завидя, мой олень
Вожжевой весь встрепенулся.
Встрепенулся он, и тут же
Красная лиса мелькнула,
Наконец-то показалась!
И упряжка так помчалась,
Что лисицу вмиг настигла,
На ходу ее подмяла.
И тогда лису схватил я
И остановил упряжку.
Вот упряжка-то стоит,
А я шкуру глажу, глажу...
У моей лисицы пышной
Так красиво мех блестит!
Возвращаться срок мне вышел,
Вот на нарты лисью шкуру
Уложил и поскакал
Я домой обратно к чуму.
Рад, что у меня в руках
Драгоценная добыча.
Вдруг поднялся вихрь обычный.
Северной пурги угроза —
Не пустая. Снежный воздух
Закружил меня, никак
Мне не двинуться впотьмах.
Я не помню,
Я не помню,
Как пуржило,
Я не помню,
Долго ль била
Меня грозная пурга.
Я не мог открыть глаза.
Я не знал, куда мне ехать,

Заблудился, что поделать?
Заблудился я, гляжу,
Долго ль, коротко ли,— небо
Чуть заметно посветлело.
«Так еще я подожду,—
Небо всё ясней и чище.
Видно, тучи все уйдут.
Стихнет снеговой ветрище,—
Я подумал про себя,—
Стихнет, это мне и надо».
Так сидел и ждал я в нартах,
Пока небо прояснится,—
И недолго ждать пришлось —
Всё смятенье улеглось,
Прояснилось вскоре небо.
Думаю, куда мне ехать?
Изменилось всё вокруг.
Посмотрел на солнце — чум
Мой, конечно, в той сторонке.
И возобновилась гонка —
К чуму понеслись олени
Красногрудые как вихрь.
Я не знаю, долго ль ехал,
Семь ли суток или больше,
Только ветер будто стих,
Тот, что шубу мне ерошил.
Должен чум уж показаться.
Еду я. И вот на вереть
Мне пришлось взобраться.
Там, на верети, упряжку
Я остановил
И смотрю туда, где раньше
Чум мой был.
Чума вовсе и не видно.
Я внимательно гляжу,
Не могу глазам поверить.
Что ж, пускай не нахожу.
Просто нужно с верети
Дальше мне проехать.
Я тогда подъехал ближе
К месту,
Где мой чум всегда стоял.
Нет его, как ни искал.
Осмотрелся я и вижу:

Кое-где железные обломки,
Кое-где обрезанные стойки,
Словно кто-то, как игрушку,
Чум иаш с места сдвинул.
Словно кто-то, как игрушку,
Срубил его и кинул.
Так я на обломки
Внимательно гляжу.
Деревяшку вскоре
Рядом нахожу.
Деревяшка видная
Торчит из-под снега.
Выдернул обломок —
Показалась мне
Туша менурея,
Туша менурея, оленя забитого.
И тогда подумал я так:
«Стережет меня какой-то враг,
Стережет меня какой-то враг,
Берегись, берегись!»
Наклонился я вниз,
Эту тушу схватил
И на нарты к себе
Бросил. Бесстрашно
По четкому следу
Я устремил
Упряжку.
Утопают олени
В снегу по колено,
В глубоком снегу.
Их гоню, как могу,
Что ж упряжка моя проваливается,
Упряжка моя проваливается, —
Сколько раз на оленях ездил,
Так никогда не бывало ведь,
А теперь что случилось с ними?
Так я еду,
Так я еду,
Долго ль, коротко ли, —
Вдруг
Мои нарты чуть не опрокинулись,
Мои нарты чуть не опрокинулись.
Я взглянул вокруг
И остановил упряжку.

«Что ж такое,—
Сам себя я спрашиваю,—
Что ж такое на пути раскинулось,
Снегом занесенное?»
Пнул ногою —
И увидел тело,
Тело доброй бабушки, оскверненное,
На снегу темнело.
Видно, были здесь какие-то
Псы паршивые.
Над моей старушкой
Псы паршивые надругались.
Вновь олени мои послушно
Дальше по следу помчались.
Вижу —
Что-то вдали чернеет.
Подъехал ближе,
Остановил оленей;
Смотрю внимательно —
Нарты старшего сына,
Моего сына старшего,
Опрокинулись.
Тело его, сына,
Моего сына старшего,
Страшно
У нарт раскинулось.
«Что за паршивые псы
Здесь объявились,
Надругались над сыном
И скрылись?»
И олени мои устремились
Снова вперед по следу.
Пристально я смотрю,
Вижу, опять чернеет
Что-то вдали. Снегом
Не занесенные, нарты
Перевернутые лежат.
К ним поскакал я, и взгляд
Остановил на теле,
Что раскинулось возле нарт,—
Это тело младшего сына.
«Какой же злодей это сделал,
Какие паршивые псы
Над сыном моим надругались,

Мести не побоялись
За зверства свои?»
И олени мои помчались,
Проваливаясь по колени,
По следу чужих оленей,
По чужому следу помчались.
Справа вдруг показалась
Оленья упряжка чужая.
Несется она, как выюга,
Как ветер ночной бесшабашный.
Предо мною стала упряжка.
С незнакомцем глядим друг на друга,
Словно встрече мы рады нашей.
«Как звать тебя?» —
Евлё Хуплё спрашивает.
«Как звать тебя?» —
Он первый спрашивает.
«А зовут меня
Сэро Евлё,
Сэро да Евлё зовут,
И я встрече рад.
Назовись и ты,
Незнакомый сват».
— «Ваньдеем-Котлом
Меня зовут,
Меня зовут
Ваньдеем-Котлом.
Ты куда направляешься,
За чем твой путь?»
— «По оленьему следу
Я еду,
Давно по оленьему следу
Я еду».
Так мы стоим
С ним.
Двое нас,
Двое нас среди сопок белых
На пути сейчас.
Предлагает хозяин мне
Ваньдея-Котла:
«Давай поменяемся
Нартами.
Нарты мои — двухкопильные,
Нарты твои — мамонтовые.

Нельзя их спутать никак».
Так просил он меня, просил,
Что я не стерпел, рассердился:
«Поменяемся, коли так,—
Добрых нарт же ты допросился.
Поменяемся, коли так!»
Вытаскивать
Мы с ним стали
Из передка нарт
Плячей-веревку согласио.
Но Сэро Ёвлё глянул:
Харей на снегу валяется,
Харей на снегу валяется,—
Длиной оконечник как будто
Олененка целая шкурка!
Гляжу и никак не пойму —
Оконечник зачем хранить?
Зачем хранить?
Мне непонятно.
Вдруг я вижу,
Как на своих нартах
Хозяин Ваньдея-Котла
Изготовился к бою.
И я скорей
Схватил свой харей
И верной рукою
В чужака метнул.
На один бок
Я врага повалил,
На другой бок
Я его швырнул.
Так человек этот погиб,
Так остался я жив.
С нарты тело его столкнул,
А сам размышляю,
Думаю, что же
С его упряжкой оленьей делать,
Зачем мне чужая его упряжка?
Вынул тогда я нож и
Упряжь махом одним перерезал,
В тундру оленей
Чужих погнал.
Сам же по следу
Вперед поскакал.

Так я еду,
Так я еду...
Так я по следу
На место приехал
Стойбища бывшего.
Здесь вот олени
Паслись обычно,
Сто оленей паслось,
Сто оленей.
А теперь лишь рога их торчат,
Лишь рога их торчат из-под снега.
Видно, сто чумов еще недавно
Здесь стояло...
Налево, направо
Я гляжу,
Всё по стойбищу этому
По пустому хожу.
Всё обшарил кругом,
Но нигде не нашел
Рога тех, нужных мне, двух быков,
Среди сотни оленей — двух вожakov.
И я снова помчался
По оленьему следу,
И я снова помчался
По следу вперед.
Новый след мне встречается,
Куда он ведет?
Я от следа едва глаза оторвал
И вдаль посмотрел,—
Впереди увидал
Снова стойбище бывшее.
Там на месте я насчитал
Следы, мне сохранившие
Память о многих чумах.
Здесь сто чумов стояло.
И я осмотрел тогда
Внимательно всё кругом.
А вот и оленьи рога
Свалены грудой,
Торчат торчком
Рога олени.
Эту груду рогов
Обошел я медленно,
Не нашел того,

Что искал,— два пелея,
Нужные мне
Два оленя пелея,
Здесь не оставили,
Видно, рога,—
Живы они, не погибли пока.
Так обошел
Близкий снег я весь.
Не нашел оленей —
Нет их здесь.
И снова я еду
По оленьему следу,
Всё по прежнему следу
Я настойчиво еду.
Я теперь-то настигну,
Я теперь-то настигну,
Я теперь-то настигну
Своего врага.
Впереди уже видно,
Впереди уже видно —
Сто чумов последних.
Быстрый луч рассветный
Упал в снега.
Здесь оленей так много,
Что кишмя кишат.
Сам я тут же стою,
Среди них,
Я смотрю не спеша,
Как рассвет разгорается
Вдоль сопok больших.
Возле оленя крайнего
Я нужду свою справил малую.
Бежит издалека
Полуручной олень.
Полуручной олень
Ко мне приближается.
За оленем вечерняя тень
На равнины и сопки легла.
Быстро вокруг стемнело.
Есть захотел я.
Может, одну хапторку-
Олениху мне изловить,
Может, ее нежного
Мяса отведать?

Словно ночь ото дня,
Ведь не будет же от меня
Она бегать!
Тогда я в стадо направился,
Приготовил аркан тихо.
Заарканил я олениху,
А она идет-упирается.
Так тяну я ее,
Стараюсь,
Сам на нартах сижу,
Управляюсь.
Вперед гляжу,
Где сотня оленей бродит.
Стал пастухов ругать,
Стал браниться:
«Эх вы, паршивые псы,
До чего довели олениху —
Хапторку эту безрогую,
Что она боится
Своего хозяина!»
И снова взял я
Аркан-нярталу.
Как огонь, он взвился,
Сверкнул,
Когда я через головы
Сотни оленей
Его метнул.
Пастухи поблизости
Мою брань услышали:
«Что такое случилось,
Что случилось?»
— «Ничего не случилось,
Лишь звезда упала,
Лишь звезда упала,
По снегам покатилась.
Вот и случай весь».
Олениху-хапторку
В один присест
Я съел, а кости ее обглодал,
И тогда лишь сыт я
Наконец-то стал.
Вижу я, что в стаде
Два оленя пасутся —
Заарканить их надо,

Изловить.
Взял опять аркан я,
Уселся на нарты
Поудобнее, стал сторожить.
Сижу в упряжке,
Олени — вдали.
«Псы паршивые, —
Стал я опять ругаться, —
До чего же вы довели
Двух пелей-олений,
Что меня, хозяина,
Они боятся!»
Наконец я олений
Подкараулил.
Изловчился и бросил
Нярталу-аркаи.
Словно громом сухим
Воздух весь всколыхнуло,
Да искры посыпались
Свысока.
Пастухи-то вскинулись,
Закричали в тревоге:
«Что такое случилось
Над оленьей воргой?..»
— «Что случилось?
Звезды в небе столкнулись —
Две звезды —
Вот и всё, что
Я увидеть успел».
С небывалым треском
Мой аркан полетел!
Чуть меня с ног
Не свалили олени,
Так дернули с места!
Ноги мои в землю
Ушли по колени.
Сам я чуть не упал,
Чуть не упал,
Сразу видно —
Олени «смирные»!
Вожжевого оленя
Я всё же поймал.
Пелей-олень
Подбежал к вожжевому.

Так он поближе
Ко мне подобрался.
Гляжу внимательно
На оленье головы,
Вижу,
Глаза у обоих гноятся.
Вижу,
Гноятся их лбы,
«Псы паршивые,
Пытались вы
Их изловить —
Ключья аркана
На рогах их бедных
Свисают, гнилы,—
До чего оленей
Вы, псы, довели!»
Нож я достал,
Свой нож я достал,
Чистить оленей
Ножом я стал.
Глаза обтираю им,
Скребницей такой
С лбов оленьих
Счищаю гной.
Потом я на волю
Их отпустил,
Лишь оленей двух
Я в упряжку взял.
Я веду их из стада,
А сам всё думаю, думаю:
«К чумам мне ехать надо,
Надо подъехать к чумам».
К чумам я поскакал,
Возле остановился
И упряжку свою привязал.
Гляжу вокруг — никого.
«Где же здесь чум хозяина,
Где он?
Зайти бы в него!» —
Так про себя рассуждаю,
Думаю,
Оглядываюсь снова и снова,
В одном чуме
Я вдруг нахожу

Симарузь приоткрытую.
В окошечко голову
Я просунул, гляжу:
Кто-то бьет в барабан,
В барабан кто-то бьет
(Я подумал — шаман),
Говорит, как поет,
Этот бьющий в свой барабан:
«Богатырь Сэро Ёвлё погиб давно!»
И в барабан
Всё бьет:
«Богатырь Сэро Ёвлё погиб давно!»
И в барабан
Всё бьет...
Вижу, собрался народ,
Много людей в чуме.
Возражает чей-то басок:
«Нет, он не умер,
Нет, Сэро Ёвлё не умер,
Умереть Сэро Ёвлё не мог».
Услыхали эти слова,
Услыхали все, возмутились:
«Может знать ли твоя голова
Больше, чем знает тот,
Кто в барабан бьет?»
Присмотрелся я,
Думал, шаман —
Человек, что бьет в барабан.
Оказалось — это шаманка.
Разузнать бы о ней надо,
О той, что бьет в барабан.
Побежал я обратно
К нармам.
Светает. Уходит туман.
Громко крикнул я:
«Ваш барабан
Напророчил,
Я будто бы умер.
Сами видите — это обман,
Сэро Ёвлё у ваших чумов,
Сэро Ёвлё рядом стоит.
Что же об этом
Ваш барабан молчит?»
Тут мы глазами встретились,

Встретились наконец:
«Что ж мы раньше его не заметили,
Сэро Ёвлё давно уже здесь!»
Жители чумов схватили
Луки свои и стрелы,
И стрелы скорей пустили
Они в Сэро Ёвлё смело.
Но их стрелы не долетают
До Сэро Ёвлё. Умело
Сэро Ёвлё оберегает
Сам себя от стрел свистящих.
Сэро Ёвлё оберегает
И оленью свою упряжку.
«Скоро кончатся стрелы ваши!»
А стрелы, как снег настоящий,
Круж́атся вокруг него,
Но не могут его тронуть.
«Скоро кончатся стрелы ваши!»
Посмотрел он в одну сторону —
Там стрел возвышается куча;
Посмотрел он в другую сторону —
И там высокая груда
Стрел чужих, словно черная туча
На снег отдохнуть прилегла.
На чумы взглянул — оттуда
Ни одна уж не вьется стрела.
Я вскочил,
Я им крикнул зычно:
«Испытайте-ка,
Испытайте
Руку мою — Сэро Ёвлё,
Стрелы теперь принимайте,—
Те, что вы́ мне послали нынче!»
Я пускаю стрелы
Одну за другою.
Где стрела пролетает,
Там снежной дугою
Словно ворга-улица
Вмиг пролегает,
Чумы так и падают,
Так и валятся люди.
Я всё стрелы хватаю
Из той черной груды.
Тем временем, вижу,

Уже рассвело
И солнце высоко на небе взошло.
Видно, всех перебил я — хватит.
Нет, не встретил нигде преград
Стрел моих натиск.
Повсюду лежат
Бездыханные люди.
Утренний ветер лохматит
Мертвых собак груды.
Бросил я лук, подумал:
«Объеду олень пастбище.
Как знать, не убежал ли кто,
Не поздно догнать сейчас еще.
Я двух оленей погнал вперед,
Двух оленей погнал вперед,
На пастбище здешнее.
Вижу, след от нарты идет,
След от нарты идет,
Вижу, рядом идет след пешего.
Остались за пешим огромные ямы.
Значит, большой человек бежал.
«Пусть это даже следы великана,
Я всё равно догонять его стану»,—
Так я себе сказал,
И новые силы
Во мне закипели.
Поскакала упряжка оленья,
Но олени мои притомились,
Олени мои притомились,
Олени мои притомились,
Олени мои притомились!
Оставил оленей,
Схватил я
Свой лук и пошел вперед.
Беглец мой пеший идет,
И я буду пеший тоже.
Так я его постепенно
Нагоняю. И вот, похоже,
Мелькнул вдалеке беглец,—
Я увидел его наконец!
И я побежал быстрее,
Сколько сил мне хватило,
Быстрее,
Как вдали мне мелькнул беглец!

Нагоняю и вижу — по снегу
От меня убегает девушка.
Коса у нее от бега
Быстрого заиндевила.
Бежит, как по воздуху, девушка.
И подумал я:
«Нет, не дело
Снова братья за лук и стрелы.
Зачем убивать? Не лучше ли
Живую ее поймать,
Руками поймать, живую!»
Подбежал к ней вплотную,
Ликую,
Схватил за девичьи косы,
Но они из рук моих просто
Сами собою выпали,—
Так внезапно она исчезла,
Под землю ушла ледяную.
Снова один иду я.

26. ЖИЛ КОГДА-ТО НЕКИЙ СЮДБЕЙ

Жил когда-то некий Сюдбей
С дочкой быстроокой.
Дочь у Сюдбея была,
Словно чум, высокой.
А еще имел хозяин
Тысячу оленей...
Так он жил, тревог не зная.
Проходило время.
Но однажды слышит он —
Близок топот тяжкий.
Из каких чужих сторон
Мчат к нему упряжки?
Семь упряжек едут быстро —
Женихи торопятся
Дочь его выпрашивать,
Дочь его единственную.
Сюдбей говорит своей жене,
Говорит своей жене хозяин,
На улицу выйдя:
«Ох, за дочкой нашей
Гости подъезжают.

Как же быть мне?»
И старуха мужу отвечает:
«Сюдбей, волю мою возьмите,
Волю мою возьмите,
Если силу пробовать решите!»
А упряжки к чуму мчатся,
Только «их-да-их!»
В воздухе разносится.
Вышла дочка Сюдбея встречать их,
Посмотреть на них,
Какие это гости.
И обратно быстро возвратилась,
Спряталась под полог свой,
Под полог скрылась,
Только крикнула: «Отец,
Не нужно, слишком рано!»
Только крикнула: «Не нужно,
Рано, матушка!»
А упряжки, словно ураганом,
К чуму поднесло и закружило.
Сюдбей выхватил из вандея гранату:
«Что ж, померяемся силой,
Что ж, померяемся силой,—
Говорит им Сюдбей грозно.—
Вот ответ мой, а иначе
Не могу я вам ответить.
Так решайте:
Будет поздно,
Если брошу я гранату.
Лучше сразу уезжайте,
Вашей дочь моя не будет!»
Женихи остановились.
Испугал их старый Сюдбей.
Меж собой заговорили.
«Видно,— шепчутся с тревогой,—
Дочь добром он не уступит.
Так в обратную дорогу
Повернем-ка лучше, братья.
Время гнев его остудит,
Выйдет срок, тогда опять мы
Возвратимся за невестой...»
Семь упряжек,
Семь упряжек
Развернулись, полетели,—

Донеслось:
«Ты слышишь, Сюдбей?
Мы еще к тебе приедем!»
Сюдбей только усмехнулся:
«И не слаб я и не беден —
Черта с два вам взять невесту!»
В ваньдей он на то же место
Положил свою гранату...
Но три года промелькнули,
Словно не было их вовсе.
Смотрит дочка в щелку двери —
Перед чумом снова гости,
Семь уже знакомых братьев
Ждут ответа и боятся —
Очень близко не подходят.
К Сюдбею она рванулась:
«Добрый мой отец, прошу я
На три года, на три года
Снова мой отъезд отсрочить!»
Отвечает Сюдбей дочке:
«Будет так, как ты захочешь».
Снова дочь под полог скрылась.
Сюдбей выглянул наружу.
Подтянув ремень потуже,
По-хозяйски важно вышел.
Вкруг оленей ходит-бродит,
Сани яранов обходит.
Гости подойти поближе
Опасаются, лишь смотрят
И с ответом не торопят.
Крикнул Сюдбей: «Подождите
Три еще таких же года!»
И стоит и смотрит гордо,
Как они садятся в сани.
«Их-да-их!» пронзило воздух,
И упряжки развернулись,
Понеслись — из-под полозьев
Лишь пурга взметнулась.
И спокоен старый Сюдбей:
По хозяйству мать хлопочет,
И, под пологом скрываясь,
Всё лежит, как прежде, дочка.
Незаметны дни, как тени,
Только годы, как олени,

Мчат к намеченному сроку.
Стала дочка ненароком
Из бобров готовить шубу.
Говорит ей мать с упреком:
«Доченька, а не спешишь ли?
Еще вьюгой крыты сани,
На которых ты умчишься.
Дочка милая, как рано
Ты готовишься, как рано!»
— «Наступает время, мама,
И нельзя мне больше медлить.
Вот как яраны приедут,
Станут с батюшкою биться.
Силою своей, наверно,
Вынудят его смириться.
Этот день наступит скоро...
Развяжи-ка ваньдей, мама,
Пимы с праздничным узором,
Мама милая, подай мне».
Мать тогда из чума вышла
И для дочери любимой
Принесла с узором пимы,
Те, что были понарядней.
И опять от дочки слышит:
«Развяжи-ка, мама, ваньдей,
Чтобы красным покрывалом
Из сукна я крыла нарту...»
Мать — на улицу, обратно
Возвращается — готово.
Только дочка просит снова:
«Принеси мне, мама, ямдзуу!»
Мать несет из красной кожи
Украшения на упряжь...
Приняла их дочь и тоже
Вышла к батюшке наружу.
Он молчит и только смотрит.
Крикнула: «Отец мой добрый,
Приготовь мне наши нарты
Для пяти оленей белых,
В них приданое сложу я!»
Говорит он: «Что поделать?»
А она ему: «Подумай,
Срок мой близится, семь братьев
Снова взвихрят снег у чума,

И придется нам расстаться,—
Много их, тебя осият!»
— «Что ты, дочка моя милая!
Разве ты им обещала,
Разве слово им давала?»
Притащил отец ей нарты,
Нехотя их снаряжает.
Продевает он саямки,
Упряжные держит лямки,
Кожу мнет и согревает.
Достает он красный ямдзуу,
Красный ямдзуу для оленей...
Но грызут его сомненья,
Всё не верит Сюдбей: «Разве
За шесть лет я стал слабее?»
Отвечает дочка тихо:
«Суждено, отец, расстаться!
Чем поможешь, если братья
К нам упряжки правят лихо?..»
И бобровую, нарядную
Малицу она на нарты
Бросила, свой пряча взгляд...
Снежный заскрипел накат —
Это скачут семь упряжек,
И сидит в упряжке каждой
Терпеливый сват.
Подъезжают братья к чуму,
С нарт своих встают неспешно.
Сюдбей ждет, молчит угрюмо,
Мать застыла безутешно.
Смотрят братья,
Слышат братья —
Дочка к Сюдбею: «Оленей
Не пора ли собирать нам?»
И отец без промедленья
Подозвал к себе собаку...
Братья только наблюдают,
Братья только смотрят, как он
Загоняет в круг оленей.
Мать и дочка помогают.
Вот пятьсот быков согнали
В тесный круг — не разбежаться!
Вот из кож морского зайца
Вожжи дочери подали.

Брат седьмой стоит с улыбкой,
И она как будто рада:
Вожжи подхватила, гибко
Повела рукой вдоль стада
И глазами быстро водит
По высоким пестрым холкам,—
Для упряжки дочь находит
Пять оленей, белых только,
Словно снег. Они по кругу
Бегают, теряясь в стаде.
Мать с отцом, кивнув друг другу,
Ловят их, подходят сзади.
Капюшон жених снимает.
Улыбаясь, наблюдает,
Как ведет его невеста
Пять быков-оленей вместе
На вожже к готовым нартам.
Смотрят братья,
Слышат братья...
«Запрягай!» — отцу велела.
Сюдбей взял тогда салямки.
Вот на пять оленей белых
Надевает Сюдбей лямки.
Видя делу добрый знак,
Брат седьмой к нему подходит,
Разговор и сам заводит:
«Запрягаешь, или как?»
— «Запрягаю,— отвечает
Сюдбей,— коль пора настала.
Запрягаю, будь спокоен!
Только юр дон жду немалый,—
И расстанемся достойно».
Дочка Сюдбея при этом
Губы закусила больно.
В ожидании ответа
Малицы ерошит ворот.
А жених лишь глянул косо:
«Как-нибудь договоримся!
Ну, какой ты юр дон просишь?
Мы тебе доставим быстро».
— «Что ж, пусть будет вам известно.
Сто лисиц — хороший выкуп!»
Братья будущему тестю
Возражают: «Не велик ли

Слишком юр дон за невесту?
Стольких нет у нас лисиц».
Не уступит ли им Сюдбей?
Смотрит дочь из-под ресниц,
Ждет, волнуется, покуда
Братья не договорились,—
Прибеднились, похрабрились,
Но на выкуп согласились.
Мать с отцом глядят на дочку,
А она им слово молвит:
«Вот и кончились отсрочки.
Мать моя, сейчас семь братьев
Увезут меня далеко.
Добрый мой отец, оленей
Собери мне быстроногих,
Собери мне в путь-дорогу!
Ехать мне пора, сам знаешь...»
Причитает мать и плачет:
«Что же, дочка, не иначе,
Насовсем нас покидаешь!
Что теперь с тобою будет?»
В чум девица забегает,
Малицу с собой уносит,
Там ее и надевает.
Смотрят братья в отдаленье,
Как в бобрах выходит дочка —
С новой яркой оторочкой.
На упряжке на оленьей
Брат седьмой к ней подъезжает,
Молчаливый, непреклонный.
Смотрят братья,
Видят братья —
Стала дочь под вевт суконный
Осторожно забираться.
Спряталась под вевт невеста.
А жених схватил скорей
Тонкий струганый харей
С наконечником железным.
Мать стоит в оцепененье,
А отец обходит стадо:
Отпустить с невестой надо
Ей в приданое оленей.
И шесть братьев заспешили,
На упряжках окружили

Нарты Сюдбеевой дочери.
А она сидит, лишь к чуму
Всё оглядываясь молча.
Дал отец пятьсот оленей.
Братья крикнули протяжно,—
И рванулись вдаль упряжки.
Обернулась дочь — за нею
Важенки, как ветер тяжкий,
Мчатся по снегу, темнея.
Покрывало сдвинув робко,
Дочка Сюдбея украдкой
Всё глядит, как рядом сопки
Пролегают в синих складках,
Пролетают сопки мимо,
С ней прощаются, наверно...
Перегон проехав первый,
Братья вдруг остановились.
Говорит жених шутливо:
«Что, не очень было страшно?»
И опять вперед упряжки
Понеслись нетерпеливо.
Перед нею путь неведом,
А за нею — жизнь былая,
И бегут олени следом,
Растянулись, снег взметая.
Перегон еще один
Пролетели вихрем зорким.
Смотрит дочка — впереди
На большой высокой сопке
Чумы темные стоят,
Семь чужих далеких чумов...
Дочка не спускает взгляд
С этих точек, как не думать
Ей о будущем приюте?
Кто живет там, что за люди?
«Мать с отцом когда увижу?» —
Про себя невеста шепчет.
Сопка всё громадней, ближе,
И всё тише ветер встречный.
Чуть пониже, чуть повыше
Разлеглись на сопке чумы.
К ним несутся ее нарты,
К ним стремятся ее думы:
Где здесь чум седьмого брата?

Но, молчание нарушив,
Закричали братья с места:
«Отчего же ты наружу
Не покажешься, невеста?»
И она благоразумно
Отвечает: «Я не смею».
Тут упряжки прямо к чумам
Подъезжают вместе с нею.
Стали, нарты привязали.
А невеста всё таится,
Даже веет не шевелится.
Видит дочь — идут неспешно
К ней семь женщин,
А седьмая
Ростом дочери не меньше.
Смотрит девушка, гадает,
Кто та женщина — золовкой
Или матушкой ей будет?
Женщины идут и судят
Меж собой немногословно:
«Нет, она не бесприданница,
А богатая невеста!
Вон оленей сколько тянется,
Много важенок — не счесть их!»
К ней подходит незнакомка,
Покрывало поднимает, —
Дочь сидит и лишь тихонько
Губы алые кусает,
Думает: «Так значит, вот кто
Будет мне моей свекровью...»
Замерла, взглянула робко.
Мать ей молвила любовно:
«Мейко, встань же, моя милая!»
Медленно невеста встала,
Прочь слетело покрывало,
Малица ее красивая,
Вся расшитая богато,
По снегу подолом длинным
Зазвенела, забренчала.
Вот идет невеста молча.
Мать ее вперед нарочно
Перед всеми пропустила,
В чум высокий проводила.
А жених идет за ними.

Горделиво в чум заходит,
Молвит матери с улыбкой:
«Видишь, я привез сегодня
С пением весенней вьюги
Ту, что я когда-то выбрал
Самому себе в подруги».
Мать за выбор хвалит сына:
«Хороша твоя невеста!»
Девушке гостеприимно
Говорит: «Садись на место,
Мейко, малицу сними, не бойся».
И на латы указала.
Малицу снимает гостя
И садится вглубь на шкуру.
Вышла мать, и развязала
Средний ваньдей, и достала
Тридцать литров самокуру.
Величая, как прежде,
С грузом в чум она вернулась
И одной рукой лишь держит
Тяжесть, даже не согнулась!
Видит девушка: по снегу
К ним подходят те шесть инек.
И она (хоть не до смеху)
Тут едва улыбку скрыла:
Ведь у инек ноги кривы,
Мокрые подола малиц.
Девушка нетерпеливо
Ждет, сидит, кусая палец,
Думает: «Пока готовить
Чай меня не заставляйте!»
А жених спокойно молвит:
«Тридцать литров выпьем, братья,
К Сюдбею поедем снова!»
Чай уселись пить, хлопчут
Косолапые невестки,
И глядит на них невеста,
Их рассматривает молча:
А у матушки-свекрови
Малица чиста, и ноги
Как у Сюдбеевой дочки!
Вот невесте пить подносят,
Но вино ей неугодно:
«Не для этого я в гости

К вам приехала сегодня». Говорит невеста гордо:
«Моя мать ко мне добра,
И пять вандеев огромных,
Полных всякого добра,
У нее остались дома».
Братья выпили немного
И запели — звонко, громко.
А потом бороться стали,
Налетают друг на друга.
Все глядят — глаза устали.
Целый день прошел по кругу,
Тратя время на забаву.
Наблюдает дочь тихонько,
А жених сидит в сторонке,
Не пришлись ему по нраву
Игры братьев. Топот, шум
Сотрясают крепкий чум.
Братья выпили и снова
Увлечлись борьбою шумной.
Брат седьмой нахмурил брови,
Говорит им: «Неразумно
Тратить силы так, впустую.
Что ж вы дома биться стали?
Что ж вы удаль молодую
В сватовстве не показали?
К Сюдбею нам ехать надо,
Юр дои отвезти обещанный».
Вышли яраны на улицу,
А за ними следом — женщины.
Вот оленей быстроногих
Стали братья гнать к загону.
А у них оленей много,
Но у брата у седьмого
Всё ж побольше будет стадо.
Смотрит дочь уже с досадой —
Снова братья биться стали!
Но жених рукой одною
Их к земле пригнул и молвил:
«Братья добрые, со мною
Собирайтесь полюбовно».
Снова вандей развязала
Мать его — второй по счету —
И из вандея достала

Сто лисиц ему в дорогу,
Сто лисиц там было пышных,
Предназначенных на юр дон.
Девушка их ждет, неслышна,
Лишь за всем следит украдкой.
Видит — мать седьмого брата
Не спеша их в путь готовит:
Третий ваньдей развязала —
Из него она достала
Малицу из шкур бобровых.
Как увидела невеста
Эту малицу, то легче
Сразу стало ей на сердце.
Тут опять идут шесть женщин
И поют. Все косолапы,
Пимы стоптаны, подола
Малиц сморщились у них.
«Очень иньки неопрятны,
Грязные уж очень иньки,—
Думает невеста только.—
Рада я, как хорошо, что
Матушка моя нисколько
На невесток не похожа
И совсем как я одета».
Но следит сама при этом:
Друг ее согнал оленей
В кучу, оттеснил к загону.
А быков-оленей много,
И жених ее не медлит,
Вожжевого он оленя
Запрягает, запрягая,
Своих братьев подгоняет.
Крикнул инькам: «Коль собрались,
Едем,— мы вас ждать не будем».
Так седьмой им крикнул брат,
А они шумят-галдят,
А они стоят-поют,
Словно вовсе не хотят
Двигаться с ним вместе в путь.
Брат седьмой к невесте скоро
Подогнал ее упряжку.
Громким голосом в дорогу
Он зовет своих домашних.
Сто песцов в упряжки клали,

Сто больших белейших шкурок,
А еще с собою взяли
Тридцать литров самокура.
И втроем они помчались,
И они помчались вместе;
От полозьев вьется вьюга,
Впереди — упряжка дочери,
И летят вслед за невестой
Нарты матери и друга.
Так проехали,
Промчались
До большой знакомой сопки,
На которой чум высокий
Был. Еще стояла
Там у входа Сюдбеиха
С той поры, как дочку вихрем
Увезли в чужие дали.
А отец пошел к оленям,
Дочь на матушку взглянула —
Неужели еще плачет?
Да, глаза ее опухли
От тяжелых слез горячих.
Сюдбеиха повернулась
К нарте, подошла, а дочка
Говорит: «Не надо плакать,
Мама милая, не надо, —
Было мне у них неплохо, впрочем,
Что потом?! Жених хороший,
По сердцу мне там пришлось».
Сюдбеиха в чум заходит,
Поскорей огонь разводит,
Тридцативедерный чайник
Для гостей она находит,
Вешает. Всё выше пламя.
Дочка всё глядит — у мамы
Так глаза от слез опухли!
Та схватила нож острее,
Нож большой, и менурея
Тушу выбрала старуха,
Чтоб разделывать скорее
Для гостей. А дочка вышла
Вслед за нею, дочка вышла,
Подала лисиц ей пышных,
Привезенный знатный юр дон.

Мать взяла их, тихо молвя:
«Дитяtko мое родное,
Видно, ты давно уж слово
Им дала,— не быть отказу...»
Отвечает дочь: «А разве
Лишь теперь ты догадалась?
Веру я дала им, братьям,
Чтобы ждали, чтоб терпели,
Чтобы шéсть лет целых срока
Словно шéсть дней пролетели.
А из них седьмому брату
Я тогда сама сказала,
Чтоб вернулся он обратно
И с отцом договорился.
Разве ты не догадалась?
Он ведь сильным оказался,
Самым сильным оказался —
Его братья сутки бились
Меж собою безуспешно.
А как начал он бороться,
Всех к земле пригнул, конечно,
Всех пригнул он, всех осилил.
Потому-то, мама милая,
За него я замуж выйду».
— «Что я думаю, не скрою.
Помогу тебе, чем в силах,
Помогу, живи в покое,
Коли счастье такое.
Ты иди — жених хороший,
Но хотя хорош он, всё же
Жаль тебя, дитя родное.
Промысел его богатый,
Сто лисиц — ведь это много.
Замуж за седьмого брата
Выходи...» Так говорили,
Изливали вместе душу,
Пока снова рядом были,
Мать и дочь, взрезая тушу
Менурея.
Сыпались меж фраз
Слезы горькие у матери из глаз.
В чум зашел и Сюдбей вскоре.
Смотрит горестно, не грозно,
А в глазах застыли слезы,

Да печалиться уж поздно.
Говорит жених, нахмурясь,
Ожидая одобренья:
«Посмотри, вот на постели
Вам обещанные шкуры
Лисьи — полный юр дон».
Говорит отец: «Послушай,
Дочка, вправду ль уезжаешь,
Мое дитяtko, неужто
Расставания желаешь?»
Отвечает дочь: «Послушна
Я была тебе полжизни,
А полжизни пробежало.
И пять вандеев с собою
Ты в дорогу мне пожалуй».
Мать вскричала: «Неужели
Я добра-то пожалею
Для своей любимой дочки!
Что ж, отдать тебе придется
Эти вандеи, коль хочешь».
Вновь под чайником невеста
Низовой огонь разводит,
Чай готовит. Мать выходит,
Самокура тридцать литров
В чум несет и слышит, кто-то
Растревожил псов их, лают
На чужих они проезжих.
Слышит, снег полозья режут —
Это едут в гости братья,
Это иньки едут в гости...
Дочка только взгляд свой бросила
На дорогу — сразу к матери:
«Ой-ей, как они грязны-то,
Как грязны они, мамаша».
— «Что же ты теперь сердита,
Нужно было думать раньше».
Дочка не ждала с ответом,
Возразила дочка быстро:
«А свекровь моя одета —
Как и мы с тобою — чисто.
Но вот-вот примчатся братья,
Захотят с отцом бороться,
Только, мама, ты не бойся,
Усмирят их, меня ради,

Брат седьмой, надежный друг мой,
Никому обид не будет». —
Так смотрели, говорили
Мать и дочь, а вот и гости
Прямо к чуму подкатили,
Упряжных остановили,
Приближаются. Мужчины
Впереди, а следом иньки.
Смотрит мать: в подстилках длинных
Кое-кто запутал ноги,
А подола малиц, видно,
Сморщились и заскорузли.
«Впрямь, не обманула ты, —
Мать тогда сказала грустно. —
Впрямь, не обманула ты».
Дочка же глядит украдкой
Всё на мать, ей наглядеться
На прощанье невозможно.
Говорит она: «Отец мой,
Добрый батюшка мой, может,
Ты оленей в кучу сгонишь?
Матушка моя, ты тоже
Ваньдеи готовь, наполнишь
Их добром». Мать отвечает:
«Нет, напьемся прежде чаю,
А потом уж будут сборы».
Стол накрыла, всё готово,
Всё-то есть — вино и мясо.
Братья вокруг стола расселись.
Рукавицы мокры, грязны,
И, похожие на нялуку,
Капюшоны сняли разом.
Мать глядит на них, глядит,
А они уж охмелели,
Охмелели и запели.
Стали петь о славном брате,
О седьмой снохе: «И впрямь ведь,
Хороши они, ой-ей,
Хороши, и очень вкусный
Стол у них хмельной,
Отличное угощенье русское».
А у Сюдбея большого
По хозяйству дочь хлопочет
Бойкая, а дела много, —

Вкруг стола хлопочет дочка.
А сама — красива очень,
Наконец лицо открыла
(А до этого-то было
Всё укутано нарочно).
Да, красива, не ленива.
Захмелел отец, дивится:
«Не для вас растил девицу,
Дитяtko мое, но, видно,
Время обернулось лихо,
Без меня судьба решила».
А жених сидит и тихо,
Тихо слушает, не скажет
Ни словечка, и невеста
Незаметно смотрит: даже
Он вина не пьет со всеми.
И она отцу и матери
Крикнула опять: «Оленей,
Ну-ка, в кучу собирайте!»
Сюдбей взял тогда ремень и
Кликнул всех оленей зычно —
Много у него оленей,
Много их, не меньше тысячи.
Тут-то дочка и всплакнула:
«Скоро уж меня, наверно,
Увезут!» И прикорнула
К матери своей: «Теперь-то
Ваньдеи готовь мне, мама».
Та их складывает рьяно,
И ведь лямки-то оленьи
Хороши! А младший брат
Братьям говорит: «Не пейте,
Ведь пора нам и назад,
Ехать к дому надо». Братья
Вышли вон, быков загнали,
Пуйней крепко привязали
Их к упряжкам. Потянулись
Запряженные цепочкой
Вслед за ваньдеями дочери.
Громко мать запричитала
Тут, у ваньдеев прощаясь.
Дочка только утешала:
«Сюдбей, брат седьмой, имеет
Чум красивый и большой,

И я в нем прожить сумею,
В нем мне будет хорошо.
Матушка, ты не печалься,
Ты не плачь». Старухе стало
Любо слушать уговоры.
А за нартами невесты
Потянулись остальные.
И повеселели люди.
Улыбнулся даже Сюдбей.
Брат седьмой же эти нарты
Привязал к своим саням.
Брат шестой сказал: «А нам
С Сюдбеем ведь биться надо».
Говорит невеста тихо:
«Да к чему же вам бороться,
Если я и так досталась
Брату вашему». Жених-то
Только глянул на невесту,
Только глянул и сказал ей:
«Что ж, покинем это место,
Что ж, поехали отсюда».
Вышла девушка из чума
И пошла к саням, и вслед ей
Смотрят братья.
Повернулся
К ним жених, чтоб образумить:
«Не хозяина ли, часом,
Вы убить задумали?
Ну-ка, едемте все разом,
Я одних вас не оставляю,
Не оставляю, так что, братья,
В путь обратный отправляйтесь!»
Так он крикнул им. Подняли
Капюшоны яраны.
Дочь сидит на нартах тихо,
Поджидает,— Сюдбеиха,
Та в дверях стоит, а Сюдбей
Всё оленей подгоняет.
На отца и мать невеста
Всё глядит. Вот сел на место
Брат седьмой и восклицает:
«Так поехали же, право,
Ехать нам давно пора!»
Тронулись. А с ними славный

Груз — пять ваньдеев добра.
Мать еще в дверях стоит,
А они уже в пути.
Оглянулась дочь назад,
На душе ее тревожно —
Видит, что к крепленьям нарт
Всё привязано надежно,
Ваньдеи набиты с верхом.
Глянула вперед — там первым
Едет брат седьмой.
И на чум родной
Снова дочка оглянулась —
Мать еще стоит, согнулась
Возле входа, словно верит,
Что вот-вот вернется дочка
И сама закроет двери.
А за дочкой братья мчатся
Да оленей погоняют.
Вот и сопка показалась,
Та, что чумы их вздымает.
Брат седьмой поднялся первым.
Дочь сказала: «Уж наверно
Мать с отцом я не увижу
Никогда!» — «Так не грусти же,
Отчего ты так решила?
Как-нибудь мы в гости съездим,
Чтобы путь не запуржило».
Легче стало ей на сердце.
Вот и прибыли на место.
Чум седьмой — большой, просторный.
Как вошли в него, то сразу
Матушка огонь проворно
Стала разводить. Запасы
Достает опять она.
Развязав один из ваньдеев,
Снова принесла вина
Тридцать литров, чтобы свадьбу
Им сыграть, а дочь сидит
Неподвижно в углу чума,
Дочь сидит, всё молча думает.
Видит дочка, у хозяйки
Тридцативедерный чайник
Уж давным-давно кипит.
Матушка хлопочет споро,

Стол она накрыла скоро
И невесте говорит:
«Мейко моя, мейко, мейко,
Что ты думаешь?
Не думай!
Просто ты уразумей-ка,
Что не гостьей в этом чуме
Будешь ты,— моею мейко;
Ни о чем теперь не думай».
Дочка всё вокруг глядит,
Дочка всё вокруг глядит,
На душе ее светлее.
Рядом брат седьмой сидит,
Сбоку он следит за нею,
Они оба слушают
Матушку.
«Что потом-то? — та их спрашивает.—
Что потом-то будет? Лучше,
Если будет всё по-вашему.
Пусть по-вашему всё будет».
И она еще быстрее
Вкруг стола захлопотала.
Видно, на душе ей стало
Тоже легче, тоже легче.
Так на стол она собрала,
Созвала тогда всех братьев
Шестерых к столу на свадьбу.
Созвала. Сама невесту
Рядом с сыном своим младшим
Посадила. Сели дальше
Остальные, стали вместе
Есть и пить. И смотрит молча,
Смотрит Сюдбеева дочка
На веселье их и думает,
Дальше-то что делать будут?
Напились. Блестят глаза.
Брат шестой тогда сказал,
А за ним другие братья:
«Вот, небось тебе досталась!»
Стали хором говорить
Все они седьмому брату:
«Славная хозяйка будет!
Славная хозяйка, брат.
Что ж, она тебе досталась.

Мы ее себе старались
Взять, но было слишком трудно».
— «Впрямь хозяйкой будет славной —
Расторопной, благонравной», —
Продолжают говорить.
Предложил невесте пить
Брат седьмой.
Предложил невесте пить
Брат седьмой.
А она не пьет,
Говорит, пока не будет,
Говорит, пока не будет.
Спихватилась мать: «Ох, люди,
Ведь у нас постели не занесены,
Ведь у нас еще на улице постели».
А у братьев шестерых идет веселье,
Распевают песни, а о чем они,
Ей и неизвестно.
Вот пошла на улицу невеста,
Развязала сябучу,
Сябучу развязала.
А чуть позже встала
И матушка из-за стола,
Вышла вслед за нею.
Вышла матушка и шкуру менурея
В чум занесла.

27. СЕМИЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК

Ведет моя мама
Дела хозяйки.
Ведет моя мама
Дела хозяйки.
Ведет моя мама
Дела хозяина.
Ведет моя мама
Дела хозяина.
А еще я знаю —
У меня есть дядя.
Сам я имею
Десять тысяч оленей,
И мне недавно
Семь лет исполнилось.

Нести исправно
Хозяйский долг мне
Пока что рано,
Пока что рано,
И потому я всё играю,
Я всё играю.
Аркан-нярталу
Я как схвачу —
И нос у нарты
Им охвачу,
Им заарканю.
Когда устану
Играть, то к маме
Я, как олень, лечу.
Наемся масла
И сушеного мяса,
Наемся досыта,
И опять —
Играть.
Опять нарты нос тот
Я арканю.
Слышу, как-то
Говорит моя мама,
Говорит моя мама
Дяде:
«Новое пастбище
Подыскать надо,
У важенок наших
Соски набухли,
Видно, настала
Пора им телиться.
Завтра нам надо
Перегнать наше стадо».
Так слушаю я
Одним ухом
Их разговор,
А сам и не знаю,
Не знаю я, что такое
Означать могло бы
Слово
«Перегнать».
Не могу это слово понять.
Моя мама встала,
Разбирает наш чум,

А я рядом хожу,
А я только гляжу,
Я только гляжу,
Я молчу.
Мой дядя к стаду
Пошел, манит,
Подзывает дядя к себе оленей...
Вот и чум разобрала
Уже моя мама
И ни слова мне не сказала.
И все вещи она
Уложила тем временем.
А дядя харей схватил
И крякнул что было сил
На оленей.
Я как увидел харей,
Скорей
Приготовился, думал,
Он бить меня станет.
Но он не бьет,
Зато возле него
Олени послушно стали.
Наверно, оленей
Там было сто сорок,
Стоят они все,
А я рядом хожу,
Вокруг загона
Кругами кружу,
Нярталу-аркан
Я в руках держу.
Олененок маленький
Вдруг вскочил мне на ноги,
Я кулаком его в бок ударил
Так,
Что он в сторону покатился —
Крепкий, значит, у меня кулак!
Но бранит меня мама,
И дядя бранится:
«Оленя нельзя так бить,
Ведь ты можешь его убить!»
Так меня отругали
И мама, и дядя.
Из глаз моих слезы
Катиться стали.

Смахнул я те слезы
И снова у стада
Начал кружиться...
Запрягает мама,
Запрягает дядя —
Запрягли упряжку.
Мать, снаряжаясь,
Дала мне масла
И сушеного мяса:
«На дядины нарты
Быстрее садись,
Смотри не свалнись».
Я за нарты покрепче
Рукой ухватился.
Так мы едем.
И вижу я,
Сзадн бежит
Кто-то маленький, черный,
Похож на оленя.
«Дядя, кто это черный
За наmn бежит?
Это зверь ли, зверенок,
Кто это, дядя?»
И дядя, не глядя
Назад, мне ответил:
«То за нартою просто
Бежит олененок.
Он когда подрастет,
То окажется ростом
Как н мать-олениха».
— «Я ведь раньше
Не видел его», — тихо
Я дяде сказал,
И мы едем дальше,
Так мы едем н едем.
Дорога длинная.
Олененок черный
Отстал от нас, видно.
Мне дядя велит:
«Ты пойдн назад,
Подгони олененка,
Возле нарт
Пусть бежит,
С матерью рядом».

Побежал я обратно,
Олененка пнул
Так, что он отлетел
От меня далеко,
И к дядиным нартам
Потом повернул.
Стал дядя меня ругать:
«Так нельзя олененка пугать,
Зашнбешь ненароком».
Потом он велел мне
На нарты сесть,
Масло и мясо сухое есть.
Послушался я, наелся,
И мы дальше поехали.
Ехали, ехали
И тем временем
Стали место искать
Для ночевки.
Остановились.
Упряжки мать
Распрягает ловко.
Я среди стада оленей брожу,
К маме своей я подхожу.
Чум она ставит.
Я схватил опять
Нярталу-аркан,
Стал с ним играть.
На передок нарты кндаю,
Маме и дяде не помогаю,
Только играю.
К материнской нарте
Лишь подскочу,
Масла и мяса себе хвачу.
Зовет меня мать:
«Что ж ты в чум не зайдешь,
Что ж ты
А я продолжаю себе играть,
Не слушаю маму.
Пришло время спать.
Под утро я слышу,
Как мама и дядя
Говорят опять:
«Трогаться надо,
Ехать пора».

Слушаю их потихоньку я.
Стали готовиться в путь с утра.
Мама чум разбирает,
А дядя мой пригоняет
К загону оленей наших.
Как загнал он
Оленей в загон,
Запрягла мама упряжки.
В путь мы тронулись снова.
К дяде на нарты
Я уселся проворно.
Вижу, что в стаде
Черных оленей много,
Оленей черных.
Бежали они меж другими
И друг с дружкой говорили.
Только мне никак не понять
Их оленьего разговора.
Вслушался я опять
В крики оленей черных,
Громко кричат оленихи
Черным своим оленятам.
А что они им кричат,
Мне непонятно.
«Ы-ы-ы! — говорят оленихи. —
Ы-ы-ы».
— «А-а-а», — отвечают тихо
Оленята взрослым оленям.
К разговорам их я
Привык,
Но олений не знаю язык.
Так мы едем.
«Племянник мой,
Иди подгони олененка!»
Я направился в их сторонку:
Одного олененка пнул,
Олененка другого толкнул...
Так кое-как мы едем.
Мать поднялась на вереть,
Ищет место удобное,
Распрягает оленей.
«Видно, кончилась наша дорога, —
Говорит мне дядя довольно, —
Видно, прибыли мы на место,

Твоя мать распрягает оленей:
Здесь и будет наше летовье».
К маме я побежал, побежал.
Оленье стадо
Сбоку я обогнул.
Подбежал я и увидел:
Уже ставит
Мама чум.
И дядя ей помогает,
Молча дрова таскает.
А я, мальчонка, хватаю
Нярталу-аркан опять,
С ним начинаю играть,
На нарты его кидаю.
Вот поставили чум,
Вот поставили чум,
Мама зовет меня выпить чаю,
Мама зовет,
А я не отвечаю,
Я знать ни о чем не хочу,
Кроме своей игры с арканом —
Всё на нарты его кидаю,
Всё на нарты его кидаю.
А однажды
Я нарты пустые поймал
И, держа их арканом,
Наш чум обежал,
Нарты дернулись, краем
За чум зацепились.
Мама вышла тогда
И долго бранилась:
«Почему возле самого
Чума играешь?
Почему ты сани
На чум толкаешь?
Видишь, у чума
Порвал ты край,
Отойди подальше
И там играй!»
Перестал я бегать,
Молча стою
И только слушаю
Маму свою.
А мама,

Уже на меня не глядя,
Повернулась к дяде,
Ему говорит:
«Я знаю, здесь рядом,
Близко, лежит
Гусиное озеро,
Богатое птицей.
Давно уже надо
Нам свежего мяса.
А там год от года
Гусей линяющих
Много-много.
Завтра подняться
Нам нужно пораньше,
Для супа себе
Наловить гусей».
Я только слушаю,
Мне непонятно,
Какое озеро,
Какой там лов —
О чем толкуют?
Наступило утро.
Загнал дядя быстро
Оленей в загон.
В том загоне четыреста
Оленей бродит.
Среди них находит
Черных быков четырех
Моя мама,
Готовит упряжку,
Садится. Врасплох
Охваченный страхом,
Я бросился к маме:
«С собою возьми меня
Посмотреть,
Не смогут ли гуси
От вас улететь!»
Не взяла меня мама.
Тогда я упрямо
К дядиным нартам
Бросился: «Дядя!»
А он лишь хареем
Своим замахнулся,
Я думал, ударит меня,

Отвернулся,
И в это же время
Упряжки пошли.
Вскоре скрылись они вдали.
Один я остался
В слезах возле чума.
Обиженный, плакал,
Об озере думал,
В слезах я заснул, и
Сколько спал,
Сам не знаю.
Проснулся от шума,
От собачьего лая.
Вижу — едут обратно
Мама и дядя.
Был так рад я,
Что даже запрыгал,
Заскакал возле чума,—
Мама моя с охоты вернулась!
Вкусное мясо,
Вкусное мясо,
Вкусное мясо
Она везет!
Едут, всё ближе,
Всё ближе, и вот
Внезапно я вижу:
Зачем-то привязана,
Зачем-то привязана
Упряжка мамина
К дядиным нартам.
Смотрю я внимательно;
Мне непонятно,
Зачем это?
Тянутся мамины нарты
За нартами дяди...
Вдруг показалось мне,
Что по земле, по земле
Волочатся мамины косы,
Поникла ее голова...
В испуге
Я к нартам бросился,
А мама моя мертва.
Нет, это, видно, не дядя
Маму мою привез!

И я, не скрывая слез,
Горестно, громко заплакал,
На маму мою глядя.
Долго я, долго плакал,
Но залаяли вдруг собаки,
Тревожно они залаяли,
И в их сторону я взглянул,
Весь в слезах,
Не понимая,
Кто собак наших так испугнул
Увидел я,
Кто-то запряг
Шесть оленних-хапторок.
Приближается к нам, никак,
Он, величаемый Мандо,
Несущий с собою смерть.
Ближе подъехал он, вижу —
Точно, его походка,
И жиром оплыл он весь.
Он упряжку свою привязал,
Он упряжку свою привязал,
Он навстречу мне побежал,
Он навстречу мне побежал.
Громким голосом я закричал.
Вокруг чума, спасаясь, бегаю.
Он не может меня схватить,
Но упорно меня преследует.
Убегаю я что есть сил.
То прошмыгну под упряжкой,
То отскочу, как олень,
А Мандо бежит, тяжкнй,
На полтундры — черная тень.
Вдруг мне голос сказал:
«На нарте,
На нарте твоей матери
Лук и стрелы должны лежать,
Лук и стрелы должны лежать».
К нарте бросился я бежать.
Ножик выхватил я,
Чтоб веревки
На ваньдее перерезать,
Перерезал, схватил ловко
Лук и стрелы,
Стою готовлюсь.

И Мандо к своим нартам
Побежал, чтобы взять лук-стрелы,
И ко мне повернул обратно,
И выстрелил он первым.
Рассеклась моя тетива,
Рассеклась моя тетива,
Я от страха живой едва
Бросил лук
И в тундру помчался.
А в ушах моих всё раздавался
Тот звук
Разрывающейся тетивы.
А Мандо за мною гонится,
Не отстает, через рвы,
Словно тяжелый камень,
Перекачивается, машет руками:
«Далеко, видно, ты бежишь!
Как только тебя догоню,
А я скоро тебя догоню,
Твоим мясом же накормлю
Я тебя, прыгучаямышь!
Досыта я накормлю
Тебя твоим собственным мясом!»
Мы с Мандо неслись так быстро
Что достигли Морского мыса.
Я бегу от врага, озираюсь,
В самом деле, Морского мыса,
В самом деле, Морского мыса
Мы достигли — кругом вода.
Я бегу, а уж Мандо рядом,
Поймает меня — беда.
Я взбежал на самую кручу
Морского мыса и прыгнул,
С разбега, вконец измученный,
Прыгнул я прямо в море.
Опустил меня, к счастью, случай
На льдину,
На место сухое.
А над мысом висит, как туча,
Мандо и вслед кричит мне:
«Оставляю тебя в покое,
Всё равно ты не выдержишь долго
На льдине морской качаться.
От холода

Побелеют твои глаза,
Побелеют твои глаза
И суставы начнут ломаться,
Так ты здесь и подохнешь».
Мандо мне это сказал
И ушел своей страшной походкой
Я не знаю, как долго
Просидел я на льдине
В своей рваной одежде.
Стал я чувствовать холод,
Стал я чувствовать голод.
Меня далеко отнесло от берега
Хорошо еще,
Льдина меня держит,
А то в море ныряют
Со льдиной рядом
Черные звери,
Мне непонятные.
Всё ж одного из них
Я подстерег,
Прижал его к льдине
Своей, как мог,
При мне оказался
Сломанный нож,
Ножом этим зверя
Я убить ухитрился.
Удаче своей я едва поверил.
Когда под моею рукой
Он забился.
Всё ж я убил этого зверя,
А как называют его, не знаю.
Поднял на льдину,
Сижу, отрезаю,
Какие хотелось,
Куски и глотаю —
Хорошее, жирное мясо.
Досыта я наелся.
Так на льдине я
Продержался,
Так не умер тогда
От голода.
Только одежда рваная
Не защищала от холода —
Ветер, лед и вода...

Долго ль я так сидел
На льдине своей — не знаю.
Потом я к туше прильнул
И незаметно уснул.
Слышу, голос ко мне зовет:
«Просыпайся, вставай —
Лодка пристала,
Лодка пристала.
Просыпайся, вставай —
Лодка пристала,
Лодка пристала.
Просыпайся скорей — или
Так и сгниешь на льдине!»
Тут
Я голову приподнял:
Море, море вокруг меня,
Только легкие волны идут,
Только хрупкие льдины плывут.
А лодки —
Нет и в помине,
И какая тут может быть лодка?
Опустил я глаза
И увидел:
Подо мною подтаяла льдина,
Оттого что лежал я долго.
Снова голову я приподнял,
Сплю я, нет ли —
И сам не знаю.
Только слышу,
Опять голос чей-то
Словно свыше
Меня призывает:
«Вставай, вставай,
Иначе погибнешь,
Иначе на льдине морской
Так и сгинешь,
Смотри —
Уже причалила лодка,
Садись в нее
И плыви отсюда!»
Едва на льдине
Опять уснул я,
Всё тот же голос
Меня громкий будит:

«Семилетний мальчонка,
Бедный сиротка,
Так ведь ты здесь
И замерзнешь, сонный.
Видишь, лодка причалила,
Лодка!»
Я
Быстро голову приподнял,
Лодки-то нет нигде,
Но я увидал,
Что плывут по воде
Пни-корневища,
Пни-плавники.
«Лодку зря ты ищешь,—
Сказал я себе,—
Может быть, вместо лодки
Корневища эти сгодятся,
Может, мне попытаться
На плавник перебраться?»
Я вскочил,
А плавник
Уж не близко плывет,
И я прыгнул за ним,
Наклонившись вперед,
Ухватился за дерево
Левой рукой,
Подтянулся
И сел на него с волной.
Как устроился я
Понудобней на нем,
Понесло меня
По теченью верхом.
Быстро по морю
Плавник мой поплыл,
Ветер мне волосы
Рвал и крутил...
Куда же плыву я? —
Не знаю, не знаю.
Ветер, лютуя,
Плавник подгоняет.
Если до суши я доберусь,
Если до суши я доберусь,
Если до суши я доберусь,
Может, вновь человеком стану.

Пока я так думал, гляжу —
И впрямь
Берег морской показался.
Радуюсь я,
И плавник мой сам
Начал к этой земле приближаться.
Вот наконец я земли достигнул,
Стал плавник,
И я сразу на берег
Весело спрыгнул.
А дерево
Тут же
Не задержалось,
Дальше поплыло.
Радуюсь я,
Что уже на суше,
Даже по берегу
Заходил шаловливо.
Вдруг вижу — пеший
Ко мне бежит...
Приблизился,
Слова не говорит,
Сразу
Наземь меня повалил,
Лицо расцарапал:
Все щеки в крови.
Вскоре, однако,
Меня отпустил он,
Вперед побежал.
А я на ноги встал
И к воде умыться
Скорее спустился.
И опять
Я стал замерзать.
Всё брожу
Меж плавников,
Принесенных морем,
И среди них вскоре
Я нахожу
Один огромный плавник:
«Если б я в это дупло проник,
Смог бы согреться своим дыханьем!»
Так я и сделал:
Залез в дупло,

И от дыхания моего
Стало в дупле мне
Совсем тепло.
Не знаю, как долго
В дупле я сидел,
Но я услышал тем временем —
Скачет, скачет близко совсем
Упряжка оленья.
Даже нет, не одна —
Две упряжки скачут,
Колокольца звенят...
Я в дереве прячусь,
Слышу, вблизи
Остановились.
С топорами люди
Какие-то ходят,
Дрова собирают.
Деревьев груды
Они находят,
Стучат топорами они
По бревнам,
Узнают, легко ли
Колоть их будет.
К моему плавнику
Они подступили,
Один из них
Топором как стукнет!
Это бревно подойдет,
Решили,
Легко,
Легко разрубать его будет.
Только нужно его
Покороче сделать.
Стали они подрубать,
Как хотели,
Дуплистый плавник.
Вдруг из дупла
Чей-то голос возник:
«Меня не пугайтесь,
Меня не пугайтесь,
И я человеком
Ведь был когда-то».
— «Если ты человек,
То к нам выходи!»

Тут я вышел в лохмотьях,
Гляжу, впереди
Стоят две девицы,
Стоят две девицы —
Как дорогие куколки,
Девушки эти, сестрицы.
А я уж совсем продрог,
Стою, дрожа, рядом с ними.
«Поехали к нам, дружок,
Чум теплый у нас...»
— «Нет силы...»
Одна из них,
Девушка старшая,
Под своей меня спрятала малицей,
И я как провалился разом
В теплую мягкую шкуру,
Так она меня словно за пазуху
Большою полою заткнула.
Так сделала девушка старшая
И с сестрою стоит,
Говорит она,
И обратно домой не спешат еще
Отправляться они, как видно.
Стояли они, говорили,
Как родители их грустили,
Что нету в чуме сына,
Что вот бы мальчонку взять!
«Нам не нужно теперь искать,—
Говорили девицы довольно,—
Привезем мы мальчонку к родителям,
Как родных он станет любить их».
Подлетели под звон колокольцев
Оленьи упряжки к чуму.
Отправилась девушка младшая
Родителей звать к упряжкам,
Своих родителей звать.
Вышли старик со старухой:
«Где ваш мальчонка,—
Спрашивают,—
Что же его не видать?»
А мне вдруг стало так страшно,
Что не знаю, куда бежать.
«Вот он, вот он, глядите»,—
Сказали девицы родителям,

И малицу девушка старшая
Приподняла немного,
Показала меня. Со страху
Я съежился и молчу.
«Что ж, ведите его, ведите,
Коль привезли,
В теплый чум...»
В чум заводят меня девицы,
А родители всё дивятся,
И впрямь, говорят, мальчонка!
Быстро одел меня батюшка,
Стала кормить меня матушка,
Досыта накормили,
На меня все смотрели, радуясь:
«Теперь есть и мальчик у нас!»
Кто знает, сколько с тех пор
Времени минуло, только
Взяли меня, мальчонку,
Эти добрые люди к себе.
В теплой одежде ходил я
И рос на доброй еде,
Быстро я рос на диво
И однажды подумал: «Видно,
Стал я теперь человеком,
Не найденышем, наконец».
Лишь только я так подумал,
Полюбились, как мать и отец,
Мне мои хозяева добрые.
Стал я звать хозяина батюшкой,
Матушкою — хозяйошку...
Вот однажды
Отца я спрашиваю:
«Батюшка мой, ответь,
Может, где-нибудь лук и стрелы
У тебя припрятаны здесь?..
Батюшка мой,
Дай испробовать
Мне этот лук и стрелы,
Чтобы стрелком умелым
Стал я смолоду».
— «Лук и стрелы держу я хорошие,
Но они тебе не по силам».
— «Ну и пусть не по мне,
А испробовать дай мне их всё же,

Дай испробовать, шутки ради». Уговорил я батюшку. Лук и стрелы он мне принес. Стал я пробовать — Дело ладится.

«Я для лука уже дорос,—
Всё как раз по мне изготовлено,
Всё как раз по мне изготовлено,
Всё как раз по мне изготовлено,—
Довольный,
Я произнес,—
Ты мне, батюшка, лучше поведай,
Где куропатки водятся,
Где олени дикие бегают,
Где скачут белки по веткам,
Где дичь вся лесная таится,
Где они, звери и птицы,
Где они?»

— «Сынок, вон туда посмотри,
В той округе вся дичь прячется». Я тогда на охоту сходил,
И попались мне глухари,
И попались мне куропатки.
Так я взял на себя заботу
За дичью ходить на охоту.
Но однажды глаза мои
Крупных зверей заметили,
Я у батюшки дома спросил:
«Что за звери
Сегодня мне встретились,
Когда я с луком бродил?
Очень ловкие эти звери,
Очень быстро они бегают».

— «Это, сынок, олени,
Это олени дикие.
Ты их поймать не сможешь,
Даже если приблизишься тихо».

— «Отчего не смогу их убить,
Отчего их поймать не смогу?»

— «Лук и стрелы твои невелики,
Коротки они, потому
Не достанешь оленей диких.
Оружие это годится
Только на мелкую птицу

Да еще на пугливых зайцев».
— «Так неужто мне отказаться
От хорошей крупной добычи?..
У тебя, должно быть, хранится
Лук не для мелкой дичи.
Дай мне свой лук большой!
Дай мне свой лук большой!
Дай мне его, батюшка!
Нужен мне лук такой,
Чтоб стрелу отправлял далеко,
Чтоб достать наконец я смог
Тех зверей, быстро бегущих!..»
Так я канючил, канючил,
И батюшке надоело
Уговоры мои слушать.
Достал он большие стрелы
Да едва-едва приволок
Лук большой
И на шкуры прилег.
Легко я поднял этот лук:
«Для кого же,
Как не для меня,
Батюшка, был он сделан?
Посмотри, какой он удобный,
Посмотри, как ложится ладно
Он в руки мои...»
Тут мы оба
С батюшкою рассмеялись:
«Это то, что охотнику надо».
И в тундру
Я снова отправился,
Туда, где увидел когда-то
Зверей тех, быстро бегущих.
И вот вдали показались мне
Оленей диких с десятков.
Паслись они.
Я подкрался,
Как мне батюшка наказал.
Я подкрался к ним
Очень тихо,
Я нацелил прямо в рога,
Я стрелу осторожно выпустил.
Вижу,
Один из оленей упал,

Пронзенный моею стрелою.
А другие олени быстро,
Перепуганные, ускакали,
Ускакали прочь стадом шумным.
Подбежал я к оленю ближе,
Взглянул на добычу большую —
Прежде зверя такого не видывал.
Ну и смешно мне было
Думать, что ускакали
От меня те олени в испуге!
Подбежал я к оленю убитому:
Стрела в его теле упругом
Застряла, глаза пусты...
Я на плечо его вскинул,
Словно ведро воды.
Так я домой вернулся,
Положил его перед батюшкой:
«Вот они — быстро идущие,
Вот они — быстро бегущие!..
До оленей я дотянулся
С помощью доброй стрелы,
С помощью доброго лука.
Одного я оленя убил,
Остальные умчались в испуге».
— «Его мяса надолго хватит,
Это не куропатка»,—
Меня мой батюшка хвалит.
Нет в мясе у нас недостатка —
Мы мясо оленьё едим.
Однажды родным своим
Говорю я: «Матушка, батюшка,
Очень мало у вас в стаде
Оленей — не больше ста ведь.
Отпустите меня,—
Стал упрашивать,—
С верным луком и стрелами.
Где-то стадо моих оленей
Растет без меня, подрастает.
Столько лет уж с тех пор прошло,—
Мне нужно провести его».
— «Чего здесь тебе не хватает? —
Меня батюшка не отпускает.—
Есть у нас сто оленей,—
Бери их, сынок, береги их».

— «Давно ведь хожу я в лес,
Давно ведь на живность дикую
Охочусь я, батюшка, здесь.
Но только другую дичь
Сквозь лесные свисты и крики
Ухо мое различает.
Я должен скорее достичь
Места того, где стадо
Оленье мое пасется».
Так говорю я, так
Объясняю батюшке, матушке:
«Не надолго расстаться придется.
Буду три года ходить я,
Буду три года искать я
Оленей своих забытых —
Да не знаю, в какой земле...»
Старики обратились ко мне:
«Отправляйся, если так смел,
Но зачем ты пешком пойдешь?
Для луков твоих и стрел
Двух оленей себе найдешь
В нашем стаде,
Бери, запрягай».
— «Батюшка, матушка, так,
Без упряжки управлюсь, не надо...»
И не взял я оленей из стада,
Так отправился в дальний путь.
Шел я долго, устал чуть-чуть,
Вдруг набрел на знакомое место,
На большую набрел я вереть,
Которую, как известно,
Моя мама когда-то выбрала,
Когда мы с ней были вместе.
Я поднялся тогда на вереть,
Я гляжу, я ищу, я молчу:
Вот на этом-то месте примерно
Моя мама поставила чум.
Я вокруг огляделся — вблизи
Никого, дальше кинул я взгляд,
Я увидел — вдали
Мне опасность грозит,
Там, где чумы на сопках стоят.
Я направился к ним,
Давней мезью гоним,

К этим чумам семи,
Что виднелись вдали.
Так иду,
Так иду,
Я спокоен совсем,
Не спеша приближаюсь
Я к чумам тем.
Видно, враги мои здесь живут,
Я подумал
И вижу — навстречу идут
Ко мне те двое... Угрюмый
Вышел старик из чума,
И прежний Мандо
Идет с ним рядом,
Который на льдину меня загнал.
Ко мне приближаются,
Встрече не рады.
И я, богатырь,
Так себе сказал:
«Теперь я не мальчик уже семилетний,
Много ведь лет прошло с той поры».
Схватил я Мандо — врага своего,
За мокоту его кинул, как тушу,
И другого врага, размахнувшись,
Вслед за тем я швырнул легко.
Так они там и подошли оба.
Я огляделся —
Народу много,
Много народу вокруг меня.
Только я этих людей не тронул,
Оставил в живых,
Ведь не их вина,
Что маму и дядю убил Мандо.
И я не тронул людей безвинных,
А оленей своих себе отобрал,
Прочих оленей тем людям раздал.
Так обратно я еду,
Так обратно я еду,
Так обратно я еду —
За мною весело
Олени мои бегут следом.
Так возвращаюсь я с ними вместе.
Видно, и правда
Свои олени

Достались мне —
Так бегут они весело
Шумным стадом:
Сразу хозяином
Меня признали.
Так я ехал —
Много ли, мало
Времени минуло,
Я не знаю,
Но всё же прибыл я
К чуму родных.
Вышли батюшка с матушкой.
Посмотрел я на них
И удивился — как постарели!
«Что ж вы, родные мои, поседели,
Плохо ли жили,
Мало ли ели?»
— «Мы от большой тоски постарели,
Без тебя всё тужили,
Без тебя горевали,
Долго тянулись для нас три года».
— «Так не печальтесь,
Теперь я с вами!
Взгляните, теперь и оленей много
Бегают около чума вашего,
А раньше
Вы с сотнею только и жили».
Старики мои очень довольны были,
Вмиг забыли свои печали.
Вот меня батюшка спрашивает:
«А жениться тебе не пора ли?»
Я про себя размышляю,
Я про себя размышляю,
Я про себя размышляю:
Какую из двух сестер
Женой назову милою?
А впрочем, я это знаю,
Наверное, с давних пор.
Ту, которая меня воскресила,
Ту, которая меня воскресила,
Малицей теплой меня укрывала
Тогда, на морском берегу,
Лишь ее я любить могу.

Сядей,
 Охотник старый,
 Со своей старухой женой
 Хорошо живет-поживает.
 Нет заботы у них никакой,
 Кроме той, что они постарели,
 А детей нажить не сумели —
 Одинок стариковский покой,
 Ни дочери нет, ни сына,
 И время бежит уныло.
 Но однажды старик для забавы
 Стал старуху тянуть за косу.
 Закричала она: «Старый дьявол,
 Был молодым — не заигрывал,
 Так теперь-то что пристаешь?
 Если хочешь мне молвить слово,
 Говори, я слушать готова».
 Старик усмехнулся: «Что ж,
 Я думаю, нам не пора ли
 Сына женить нашего,
 Единственного сыночка?»
 Удивляясь, старуха спрашивала:
 «Какого еще сыночка
 Женить ты, старик, хочешь?»
 — «Вон у чума лежит он один,
 Хора яндо-собака, наш сын.
 Не пора ли женить его нам?»
 — «Собака лежит и впрямь,
 Хора яндо-собака проворная,
 Но ведь это не человек».
 — «Отчего ж не признать тебе
 Сына, тобой рожденного,—
 Ведь другого у нас нет.
 Вспомни, на белый свет
 Принесла ты его человеком,
 И лишь потом в собаку
 Превратился сыночек бедный».
 — «Вспомнила я, однако.
 Сказал ты, старик, верно.
 Так куда теперь мы поедем
 Сватать сына, в какую землю?»
 Сядей сказал:

«Старуха моя,
Есть, я знаю, одна земля,
В ней отец невесты живет,
Мамонтовый старик.
Если ехать нам напрямик,
То путь наш продлится год,
Так та земля далека.
Но есть у того старика
Единственная дочка.
В сторону Мамонтовой земли
Завтра утром поедem мы,
Возьмем с собою сыночка.
Эй, хора яндо-собака,
Оленей сгони утром рано!»
Старик со старухой поспали,
Чуть свет поднялись на ноги.
Вышел Сядей-старик поутру
Из жилья и видит, заря
Золотит заснеженный чум:
«Видно, уж ехать пора...» —
Подумал он и стряхнул
Колотушкою снег с нарт,
В дорогу готовить их стал.
Вот уж и чум разобрали.
Пригнала оленей собака.
В круг их старик согнал,
В упряжку свою взял
Добрых быков быстроногих.
Сели старик со старухой
На нарты; упряжка тронулась.
Что говорить?.. На слух-то
Дорога легка и быстра,
А на деле, кто знает, сколько
Им ехать еще. Как заря
Вечерняя вспыхнет-потухнет,
Так Сядей-старик со старухой
Ставят свой чум на ночлег.
А лишь утренний свет на снег
Ляжет — снова вперед
Путники направляются.
Так всё время и ехали. Вот
Сядею как-то понравилась
Сопка одна. «Здесь хочу, —
Сказал он, — поставить чум.

Отсюда поедем сватать
Хора яндо-собаку
К Мамонтовому старику».
И снова они поутру
Встали, оленей согнали
И невесту поехали сватать,
А хора яндо-собаку
В чуме лежать оставили.
Прибыли они к хозяину,
К отцу молодой девицы.
В чум заходит старик Сядей,
Важно за стол садится:
«Здорово, здорово, сват мой,
Мамонтовый мой сват!»
— «Здорово, здорово, я рад
Видеть тебя снова,
Сядей-старик, мой сват!
Давненько ты к нам не навещался,
А ведь прежде мы были соседями,
Прежде, лет тридцать назад.
Да, наверно, прошло с тех пор
Лет тридцать, и вот опять,
Времени наперекор,
Явился ты к нам, сват Сядей».
— «Конечно, явился узнать,
Как мой друг поживает старый».
Для гостя дальнего, свата,
Стол был накрыт богато.
Сели тогда старики
Попробовать белой воды,
Попробовать русской еды,
Угоститься за мирной беседой.
«Мамонтовый старик, мой сват!
А я прибыл к тебе с делом».
— «Что за дело такое, я рад
Помочь тебе добрым советом».
— «В советах нужды нам нет.
Но послушай, мой добрый сосед,
Есть товар у тебя, так я мыслю.
Ну а я сына единственного
Хотел бы женить скорей».
Мамонтовый сват удивился:
«Я не знаю твоих детей.
Разве был у тебя сынок,

Которого ты бы мог
Сватать? Ведь прежде, помню,
У тебя лишь была огромная
Хора яндо-собака — и всё.
Не ее же ты, не ее
Надумал женить, однако?»
— «И впрямь, у меня есть собака,—
Отвечает Сядей-старик,—
Это сынок мой единственный».
Мамонтовый старик поник
Головою, на гостя глядя...
«С этим ехал ты, старый Сядей? —
Удивленно хозяин воскликнул.—
Никогда не имел ты сына,
Хора яндо-собаку ты, видно,
Сыном решил называть?
Только я свою дочь не выдам
Замуж за пса, и обидно
Мне о том разговор продолжать».
Так беседа двух сватов кончилась.
Старик со старухой молча
Упряжку пошли отвязывать,
Отправились восвояси.
К своему чуму оставленному
Вернулись они быстро.
К ним хора яндо-собака
Кинулась, приветствуя визгом
И лаем своих хозяев,
Черным хвостом завиляла.
Сказал ей старик Сядей:
«Мы весть привезли плохую,
Плохую мы весть привезли:
Хозяин этой земли,
Мамонтовый старик,
Не согласен отдать ни в какую
Свою дочь за тебя замуж!»
Хора яндо-собака поджала
Хвост свой и голову низко
Опустила, в чум забежала,
Свернулась в клубок пушистый.
«Спит наш сынок единственный»,—
Сядей сказал старик
И на постель поник.
Затем и старуха уснула.

Полночь настала. Из чума
Тихо выскользнула собака
И, как черная тень легка,
Побежала к оленьему стаду
Мамонтового старика.
Отбила оленей триста
Она от стада и быстро
Погнала их к себе, повела
По снежным ночным холмам.
Так душу себе отвела.
В чум вбежала собака, легла
И уснула уже до утра.
Когда наступила пора
Вставать, то старик Сядей
Сказал: «Хора яндо-собака,
Если пригонишь оленей,
И сегодня мы сватать поедem
Тебе невесту к соседу...»
Хора яндо-собака ловкая
Оленей пригнала снова.
Старик со старухой в загон их
Загнали, в упряжку взяли
Пять оленей черных.
Им надели на черные шеи
Упряжь, лямки богатые, красные,
И упряжку старик оленью
Погнал по пути вчерашнему.
Снова прибыли гости к чуму
Мамонтового старика соседа.
Он за стол посадил их, потчует.
Старик Сядей заводит беседу:
«Мы не просто к тебе приехали,
Приехали мы по делу».
— «Что за дело такое?» — «Имею
Единственного я сыночка.
Женить мне его хочется,
Говорят, у тебя есть товар,
Невеста красивая, дочка».
Хозяин сказал: «Хоть я стар,
Но помню, что не было сына,
Сват, у тебя никогда.
Лишь собака одна-единственная
Твоя обегала стада
И дремала в твоём чуме.

Не ее ли женить ты надумал?
Нет уж, Сядей-старик, сват мой,
Не выдам я дочь за собаку».
Опять сватовство не сладилось.
Старик со старухой обратно
Упряжку свою повернули.
Подъезжают они к чуму.
Хора яндо-собака почуяла
Приближение их издалека.
Громко лает она и скачет,
Виляет хвостом, не иначе
Ждет услышать от старика
Нынче хорошие вести —
О согласие с отцом невесты.
А Сядей-старик не весел,
Голову он повесил,
Говорит он: «Собака моя,
Хора яндо-собака, опять
Мамонтовый старик сосед
За тебя не хочет отдать
Дочь — вот таков ответ».
Хора яндо-собака низко
Голову опустила,
В чум побежала уныло,
Там свернулась в клубок пушистый
И до утра уснула.
В этот раз усталое стадо
Гонять по холмам не стала.
Ночь пришла и ушла. Утром
Вышел Сядей-старик из чума:
«Поедем-ка в третий раз
Добиваться согласия на свадьбу,
Не всегда же нам будет отказ...»
Так молвил старик Сядей.
А собака вертелась рядом,
Как слова его услышала,
Кувыркнулась она и предстала
Перед ним уже человеком.
Старик со старухой застыли,
В удивлении глядя на сына.
А я посмотрел на них
И пошел для себя ловить
Шесть хапторок, шесть оленей.
Как запряг их, отцу и матери

Я сказал: «Вы поезжайте,
Я за вами следом поеду,
Я прибуду за вами следом».
Помчались они к соседу,
А я в чуме остался.
Быстро обулся, оделся.
На земле такого красавца,
Как я,— не сыскать нигде.
Я, сын старика Сядея,
Всегда человеком был,
Лишь собачью шкуру хранил,
И теперь эту шкуру громадную
Под постель свою аккуратно
Я засунул, прежде чем выйти
Из чума. Мои родители
Тем временем снова прибыли
К Мамонтовому старику:
«Сват мой, вчера мы были
У тебя и опять приехали».
— «Так и надо, ведь мы соседи.
Сват мой, садись вот здесь».
Стали пить они, стали есть.
Белой водой русской
Угощаются, пробуют вкусную
Еду. А Сядей-старик
Уже начинать привык
Разговор. «По делу, по делу,—
Говорит он,— ведь мы приехали.
По вчерашнему ехали следу,
Сам знаешь зачем: сына
Собираюсь женить единственного».
— «Сын у тебя какой?
Ведь жил ты всегда один,
Без детей, со своею женой».
— «И впрямь у меня есть сын,
И скоро он сам сюда
Прибудет, коль мне не веришь».
— «Нет, никогда, никогда
Не имел ты сына. Теперь же
Откуда ему взяться?
Лишь хора яндо-собака
Оленей твоих пригоняла».
— «Мы приехали сватать, однако,
Что ты мне говоришь о собаке,

Вправду сын мой прибудет скоро». —
Так вели старики разговор,
И гостю хозяин на слово
Всё не верил, что он сватает
Настоящего сына. Внезапно
Гром где-то рядом раздался.
«Сват, сват, сват мой,
Слышишь, зимой гром грянул! —
Воскликнул старик Мамонтовый. —
Зимой разве гром гремит?»
А Сядей-старик упрямый
Хозяину говорит:
«То не гром гремит,
Нет, не гром.
Это сынок мой, я думаю,
Проскакал-пролетел мимо чума.
Посидим, его подождем».
Тут залаяли псы.
Выскочили
На улицу сваты-соседи.
Видят, упряжка мчится,
Оленья упряжка мчится —
Шесть олених-хапторок,
Шесть олених-хапторок
Быстрых, как вихрь, впряжены.
«Это скачет сюда мой сын,
Это его упряжка, —
Сядей-старик важно
Сказал, — это наш жених!»
Так прибыл я. Сразу стих
За спиною ветер протяжный.
В чум я зашел. Старик,
Отец невесты-девицы,
На меня глядит и дивится:
«Есть сын у тебя, оказывается,
Сват мой, старик Сядей!»
Расселись мы все, расселись
И сговорились о свадьбе —
Слов нам хватило согласных.
И тут же мы начали весело
Свадьбу играть, что напрасно
Нам время терять, если
Обо всем-то мы договорились.
Ведь у Мамонтового старика

И жены его — дочь была,
Дочка одна-единственная,
Да еще у старого Сядея,
У старика со старухой,
Единственный сын был.
Так мы сыграли свадьбу
У Мамонтового свата
Вшестером. Не меньше недели
Продолжалось, наверно, веселье.
Всего-то мы там испробовали —
Всякой еды и питья.
А старикам надо много ли?
Песни пели они... Хотя
Пиршество было в разгаре,
Я сказал отцу, что пора, мол,
Ехать мне, а они пусть сами
Отправляются вслед за мною.
Так один я вышел из чума,
Отобрал олених-хапторок,
Запряг их и ветром шумным
По оленьей помчался воре.
Как только я к чуму прибыл
И своих олених распряг,
То облик людской я отринул
И собачью шкуру накинул
На себя и лег просто так
Возле чума, как будто и не был
Никогда в человеческом виде.
Мать и отец наконец-то
Подъехали к чуму, увидели
Меня и уж не удивились.
А я к ним подбежал, радуюсь,
Лаю, на грудь им скачу.
«Сынок, с нами был ты и знаешь,
Что жена твоя в наш чум
Завтра иль послезавтра
Уже прибудет на аргышах —
Так дела теперь хороши!»
Я доволен таким ответом,
Вокруг чума радостно бегаю.
А родители в чум зашли.
Тут и ночь наступила. Бледный
Свет утренний чуть забрезжил,
Поплыл из-за края земли,

Покинул меня сон прежний,
Еле-еле дождался полудня,
Когда я увидел: по тундре
Продвигается медленно аргыш,
Из пяти состоящий нарт.
Это дочь старика Мамонтового,
Это дочь старика Мамонтового,
Молодушка, к нам едет.
А я не сменил обличия
И всё в шкуре собачьей бегаю,
Невесту приветствую, лаю.
Подъехал обоз. По обычаю,
По яранскому их обычаю,
Этот аргыш наш чум трижды,
Трижды объехал медленно.
А я, хора яндо-собака, всё вижу,
Лаем яростным заливаюсь
И кидаюсь к оленям передним,
Остановить их пытаюсь.
Уперся я лапами в землю,
Глубоко вонзил свои когти.
Хоть собака, а силы много.
Побоялись олени против
Моей воли двигаться дальше,
Остановился аргыш.
От натуги оленье холки
Вздыбились шерстью высокой.
А нигде их красную упряжь
Я не повредил, не испортил.
И сказал я родителям: «Вот как
Поступил я для будущей жизни.
Доброй жизнью мы жить будем,
Все хорошо будем жить».
И родители к аргышу вышли.
Распрягают оленей, как будто
Только слов ожидали моих.
А я бегаю в шкуре собачьей,
Бегаю, как собака,
За собой следы оставляя,—
Ведь я не умею иначе.
Так зажили мы. Неплохо
Вроде живем. Наконец
Прибыли к нам в гости
Жены моей мать и отец,

Мамонтовые старик и старуха,
Приехали нас проведать,
Угощений наших отведают —
Посмотреть, как живет молодуха.
Вот лежу я в собачьей шкуре
На другой стороне чума
И слышу, старик мой Сядей
Угощает на той стороне
Приехавших нынче сватов.
Что-то грустно вдруг стало мне.
Наготовлено русской еды
Да припасено белой воды,
А я как чужой лежу.
Я на улицу вышел, гляжу,
К нам упряжек множество скачет,
Подъезжает со всех сторон.
Уши мои собачьи
Издалека слышали
Слов чужих перезвон.
Говорят недовольно люди,
Со всех сторон говорят они:
«Мы давно, мы давно, мы давно
Взад и вперед по тундре
Ездим к этому Мамонтовому
Старику, его дочь сватаем,
Так он отказал нам. Смешно,
Поглядите, в какую сторону
Он дочку выдал достойную,
Отдал старик ее в жены
Сюда, за собаку черную!..»
Упряжек множество прибыло,
Не счесть их, гостей незваных.
Верчусь, как прогнать их, не знаю,
Бегаю я с громким лаем,
Жду, что выйдет отец им навстречу.
То одни им нарты помечу,
То испорчу другие нарты.
Так туда и обратно
Я бегал, сновал, пока
Не испортил подстилку-амдёр.
Рассердились незваные гости,
Стали звать они старика.
«Эй, Сядей-старик, кругом
Всё собака твоя испортила.

Почему она не привязана?
Привяжи ее поскорей!»
И ответил гостям хозяин:
«Никакая веревка ей
Не годится, собаке моей,
Никакая веревка не выдержит,
Лопнет, как ни вяжи».
Отбежал я в сторону, вижу,
Все приезжие в чум вошли
За стариком Сядеем.
Стали играть свадьбу,
Долго играли, долго.
Ведь гостей как прибыло много,
Пили они все и ели,
Заводили беседы длинные,
Веселились не меньше недели,
А потом наконец-то покинули
Наш чум. Тут старик Мамонтовый
Тоже стал прощаться со сватом:
«И нам ведь пора в путь,—
Сказал он,— пора повернуть
Упряжку к чуму родному».
— «И впрямь пора. Но назад
Ты к нам возвращайся, сват,
Дорога тебе знакома».
И оленей погнал прочь
От нас старик Мамонтовый.
Как наступает ночь,
Я шкуру собачью снимаю,
А утром — опять надеваю.
Однажды Сядей-старик
В путь на восток собрался.
В тот день мне спалось сладко,
Хоть я долго спать не привык.
Заря уже разгоралась.
Жена моя рано встала,
Шкуру собачью схватила
И в жаркий очаг опустила.
Сгорела собачья шкура!..
Запах меха горелый почуя,
Я вскочил со своей постели,
Я за голову схватился,
Но теперь уже всё, навеки
В человека я превратился,

Стал я совсем человеком!
Начал жену я ругать.
«Жена моя,— я сказал,—
Ведь эту шкуру нельзя
Было пока сжигать.
Много мук ты примешь за это,
Много мук ты примешь за это!»
Так я стал человеком.
Говорит мне однажды молодушка:
«Сын старика Сядея,
Лук-стрелы свои отчего же ты
Нынче в чум не занносишь?
Ведь лихого народу стало
В нашей земле немало,
Ведь злые люди, и впрямь,
Могут ночью наехать к нам».
Но слушать ее не стал я.
Когда-нибудь так бывало,
Чтобы слушался муж жены?
Как-то вечером спать легли мы.
Полночью я проснулся
От громких внезапных звуков,
На постели перевернулся,
Стал внимательно слушать,
Откуда пришло пробужденье.
По мокоте стучат вроде,
По мокоте, по дымоходу.
Тут слышались крики гневные:
«Эй, старого Сядея сын,
Проснись,
С дешевою инькой-хранкой,
С дешевой женой довольно
Ты пожил — хватит, вставай!»
Как услышал я эти слова,
Подумал, ведь мог приготовиться
Я к этой встрече получше,
Если б жену послушал.
Вскочил я, оделся, обулся,
Обмотался поясом наскоро,
Смотрю, как мне выйти из чума.
Тут увидел я сумку-падко,
Что лежала у входа самого.
Эту сумку схватил и швырнул я
В дверь изо всей силы.

На улицу сумка вылетела,
Наземь врагов уложила.
Но много людей, много,
Так и лезут они в двери...
Нашел я, чем бросить в них снова —
Огромным котлом медным.
В этот медный котел стрелы
Частым дождем посыпались,
Посыпались, зазвенели.
Тут я сумел протиснуться
Через мокоту, выпрыгнул
Из дымохода на улицу —
В сторону за сто сажений
Упал я от места сраженья.
Громко я крикнул: «Тут я,
Тут я, мой чум не трогайте!»
А народу у чума много,
Много моих врагов;
Побежали они за мною,
Словно туча злых комаров.
Бегу я, бегом бегу,
А стрелы в меня так и сыплются.
Я хватаю их на лету,
Я в сторону их отшвыриваю,
Я отбрасываю пули быстрые.
Никогда не догнать врагу
Меня, сына старого Сядея,
Так стремительно я бегу.
Но об этом лишь скоро сказывать,
А кому известно, как долго
Я бежал по оленьей ворге.
Не догнали меня те люди,
Махнули рукой: «Вернемся,
Ничего из нашей погони
Не вышло, зато возьмем себе
Мы жену его молодую
Да стадо его оленье.
Да скоро он сам без чума
Где-нибудь сгинет от холода,
Околеет и так от голода —
Зачем нам его догонять?..»
С той ночи и стал я блуждать
По тундре. Вперед иду,
Вперед иду — день за днем,

Жизнь кочевую веду
И не знаю, что будет потом.
Жить еще можно летом.
Ходишь-ходишь — и на гнездо
Вдруг набредешь приметное
Или мяса-ханюку кусок
Где-то случайно отыщешь.
А зимою жить тяжело.
Ветер зимний засвищет,
Сгинут и свет и тепло.
Даже мышь, и ту не увидишь,
Если вокруг всё бело.
Да что говорить? Много
Страданий я перенес.
Брел я целых три года,
Прошел сквозь жару и мороз.
Обветшала моя одежда,
Обветшала вся, износилась.
Но всё же я шел, надеясь
На свои молодые силы,
Не горюя, что есть нечего, —
Вдруг кого-нибудь я встречу?
Так вперед иду — день за днем,
День за днем, бродяга бездомный.
Однажды увидел — виднеется
Вдали крайняя вереть.
К этой верети я направился,
С вершины ее огляделся:
По верети путь олений,
Ворга-путь пролегал чуть заметный.
И по ворге этой отправился
Тогда я в том направлении,
Где впереди виднелось
Семивершинное дерево,
А возле дерева лиственничного
Черное что-то чернело.
Пошел я по верети быстро
Узнать, посмотреть, в чем дело.
Подхожу я к дереву ближе,
Подхожу я, удаче радуясь:
Уж за триста шагов я вижу —
К лиственнице этой привязан
Дикий большой сунду-лось,
И крупный олень рядом

На земле лежит освежеванный.
Вот ведь встретить и довелось
Добычу, мне приготовленную
Человеком каким-то добрым.
Сюнду-лось всё ходит по кругу,
Вокруг дерева лось ходит.
А мясо никем не тронут.
На траве расстелены шкуры,
Садись на них, грейся вволю.
Сел я на это место
И до отвала наелся,
Думая: «Добрым словом
Человека того я вспомню!»
Как наелся лосиным мясом,
Снял я свой пояс-тасму —
Был у меня такой
Пояс с семью ножнами.
Семь раз полосую тугой
Я три года назад обвязался,
Когда от погони спасался.
Обмотал я поясом этим
Мяса куски семь раз
И на лиственницу повесил
Этот мешок про запас.
Сам закутался в шкуры,
Сижусь.
На вечернее небо гляжу,
Гляжу, полусплю, полудумаю,
Словно кого-то жду.
Так я всю ночь просидел.
Наконец край земли заалел,
Утренняя заря
Поднималась, лучами скользя.
И слышался где-то вдали
Шум небывалой силы.
Доносился с восточной земли
Этот грохот, и дрожь охватила
Едва освещенную вереть.
На восток я смотрел в нетерпенье.
Лишь солнце скользнуло выше
От края земли безмерной,
Понял я, что за шум я слышал.
Мчится упряжка оленья,
Мчится упряжка, мчится,

Приближается, я уже вижу:
Два оленя нарты влекут,
Два оленя крупные, быстрые.
Скоро уж будет тут
Эта упряжка встречная.
А оленями правит женщина.
Сидит женщина в этих нартах.
Тут на вереть упряжка въехала,
Остановилась рядом.
Я на шкурах сижу,
Думы думаю
Да на женщину эту гляжу:
«Может, она к огню меня
Теплому позовет?»
А женщина уже нарты
Привязала и к лосю идет.
Что она делать станет?
Подошла, надевает лямки
На лося, глядит мрачно,
Говорит она: «Не иначе
Как сын какой-то собачий
Прибыл, собачий сын.
Всё мясо он съел один,
Мясо мое припасенное.
Сидит теперь, в шкуры укутался,
Отдыхает-сидит, греется...
А еще он, собака, додумался
Тасму-пояс длинный на дерево
Повесить,— и взял он откуда,
Бродяга, пояс такой?
Говорили когда-то люди,
Что есть тасма-пояс резной,
Пояс с семью ножнами.
Владел этим поясом, мол,
Парень один пригожий,
Сын старика Сядея.
На свете никто другой
Этот пояс не смог поднять бы.
Говорят, полосую тугой
Мог он один опоясаться.
Так добрые люди сказывают,
Да еще, говорят, сын Сядея
Очень-очень могучий...
Так зачем же ему сюда

Приходить, за му́кой какою,
За какой нуждой, если лучший
Может путь он выбрать всегда?»
Так сама говорила с собою
Эта женщина и на нарты
Грузила мяса остатки.
А потом она потянула
К себе все оленьи шкуры —
Я выпал из шкур на землю,
Так и остался лежать.
Перестала она загружать
Свои нарты, упряжь проверила
И умчалась, а я остался,
Так я лежать и остался.
Полежал — и вскочил на ноги,
И схватил пояс-тасму,
Пояс пустой схватил,
Аккуратно его сложил.
А как пояс сложил семь раз я,
Стал думать, куда податься,
Куда мне теперь направиться.
Может, пойти по следу
Этой женщины неприветливой?
Нет, я ей не понравился,
Нет, она ни за что, как видно,
В чум свой меня не примет.
Я стоял, размышляя недолго.
«Будь что будет,— подумал,—
По ворге, я по этой оленьей ворге,
Прямо по ворге пойду.
Может быть, и набреду
На добычу какую-нибудь».
Долго ли вел меня путь,
Я не знаю, но день минул.
Я только хотел отдохнуть,
Как вдруг вдалеке заметил:
Дерево семивершинное,
Лиственница виднеется,
И снова под деревом этим
Что-то лежит, чернеется.
Пошел я к тому дереву,
Приблизился, вижу — снова
Дикий лось ходит по кругу,
Привязанный к толстому суку,

А рядом лежит освежеванный
Дикий хора-олень. Полно́,
Полно там мяса хорошего,
И шкуры лежат, широко
По земле расстелены. Кто ж это
Обо мне позаботился снова?
Как для меня, приготовлены
Вдоль по верети эти запасы.
Наелся я вдоволь мясом,
А потом размотал пояс-тасму
И широкою полосой
Завязал я кусок большой,
Оставшийся от оленя.
Этот мешок потом я
Повесил рядом на дерево.
Сел отдохнуть и плотно
В теплые шкуры укутался,
Сел, про себя подумав:
«Вот хорошо, и сегодня
Сыт, в тепле эту ночь проведу я».
Утренняя заря
Загоралась, по небу скользя
Бледно-розовыми лучами.
Как вчера, я услышал вначале
Грохот, идущий с востока.
А как солнце встало высоко,
У вершины сопки я снова
Увидел оленью упряжку —
Два оленя в упряжке,
И тяжкий
Их топот подобен грому.
Вот упряжка подъехала эта,
Совсем рядом остановилась.
Женщина с нарт спустилась,
В малнцу разодетая.
Как и та, вчерашняя женщина,
Сюнду-лося она запрягла
И стала мясо, не мешкая,
Класть на нарты. Потом взяла
Шкуры, к себе потянула,
А меня на землю толкнула:
«Прибыл, собачий сын,
Сидел пировал один,
В шкуры мои кутался,

Да еще он, собака, додумался
Тасму-пояс повесить на дерево.
Прежде сказывали, на свете
Таким поясом чудным владел
Только сын старика Сядея.
А этот бродяга посмел
Его поясом распоряжаться.
Не хозяин же настоящий
Тасмы-пояса стал бы таскаться
Вдоль безлюдной верети нашей.
Зачем ему ехать сюда,
Если можно найти путь лучший?
Сын Сядея-старика —
Человек богатый, могучий,
Он — хозяин большой земли.
Так неужто он станет вдали
За нуждою, за мукой рыскать?»
И шкуры она быстро
Из-под меня выдернула,
Убрала их, проверила нарты
И помчалась по верети. Так я
Снова один остался.
Схватил я свой тасму-пояс,
Опоясался семь раз,
Стал думать, куда бы сейчас
Направиться мне, куда?..
Может, пойти по следу
За уехавшей женщиной этой? —
Нет, знаю я: никогда
Она не примет бродягу.
Буду верен я ворге, однако,
Той, что дважды меня вывела
К ночлегу теплomu, сытному.
И по ворге вперед я пошел.
Легко на душе, хорошо,
Как ни долго придется идти,
В третий раз мне должно повезти.
Ворга-путь меня верный вел,
Снова день мой в дороге прошел.
Захотелось мне отдохнуть,
Отдохнуть, посидеть немного.
И увидел я, что чуть-чуть
Если еще по ворге
Мне пройти, то там, впереди,

Лиственница виднеется,
Дерево семивершинное,
А возле дерева этого
Черное что-то чернеется.
Решил подойти я поближе
К месту тому. Что увижу
У дерева — я уже знал.
И действительно, там был привязан
Сюнду-лось, а рядом лежал
Освежеванный хора-олень;
Много оставлено мяса,
И теплые шкуры разложены.
Не зря я шагал целый день,
Теперь отдохнуть можно.
Едва этим мясом мерзлым
Насытился я, тотчас
Широким своим тасма-поясом
Остатки еды семь раз
Обмотал и повесил на дерево
Этот мешок про запас.
Потом я забрался в шкуры,
Сижусь, укутался, греюсь.
Вечер холодный, хмурый,
В черную ночь промелькнул,
А я снова в тепле уснул.
Когда я открыл глаза,
Утренняя заря
Осветила уже край земли.
И я снова услышал — вдали
Гром раскатился внезапный.
А как солнце поплыло ввысь,
На вершине холма показалась
Оленья упряжка. Вниз
Ко мне упряжка помчалась.
Эхо звонкое доносило
Топот копыт сильных,
Хорканье, свист протяжный
Двух оленей, бегущих в упряжке.
И я знал уже, что окажется
Снова женщина ездоком.
Так и было, женщина в малице
Ехала. Быстрым рывком
Оленей она потянула —
Пара сильных быков вздохнула,

Остановилась у дерева.
С нарт женщина встала, оленей
К дереву привязала
И дикого сунду-лося
Упряжью оплела,
Впрягла его и погнала
Дальше, по ворге замерзшей.
Исчезла она, как стрела,
Свист и гром за собой повела.
Женщина эта, оказывается,
Не наполнила нарты мясом,
Видно, мне она всё оставила —
Шкуры свои, запасы.
Как упряжка вдали растаяла,
Я плотнее еще завернулся
В большие оленьи шкуры.
Так сидел я в тепле и думал,
Глядя на рыхлый снег,
Взбитый ее упряжкой:
«Хороший она человек».
Я поднялся потом, сын
Сядея-старика,
И решил: «Побуду один
Здесь, у лиственницы, пока
Мясо еще есть в запасе.
Коль оставлена мне еда,
Я не уйду никуда.
По тундре бродить зачем?
Лучше мяса кусок я съем
И закутаюсь в шкуры снова».
Так и сделал я. Ночь суровую
Опять я провел в тепле.
Проснулся я на заре.
Рассвет еще только забрезжил.
Вдруг я грохот услышал прежний,
Вижу, аргыш едет ко мне.
Тянутся пять нарт
По белой земле промерзшей,
Одна за другой, подряд.
А за аргышем, за обозом,
Оленья стада бежит,
Пятьсот в нем голов на вид.
Я заметил издалека,
О хозяевах стада гадая,

Что одна из тех нарт — пустая,
Пустая, без ездока.
Ко мне подъезжает аргыш,
Приближается. Остановился.
Женщина с нарт сошла и
Стала упряжь с оленей снимать.
Распрягла все упряжки быстро,
Поставила чум у лиственницы,
Подошла, чтоб меня поднять:
«Просыпайся, мой милый мада,
Просыпайся, мой милый мада,
Хватит на улице спать!
Согреться, поесть тебе надо,
Бедный мада. Иди в мой чум,
Помочь я тебе хочу!»
Завела меня в чум женщина,
Подала она мне, всего прежде,
Сшитую ею одежду,
Одежду хорошую, новую.
Посадила меня у стола,
А сама огонь развела,
Стала еду готовить,
Чайник взяла огромный
И воды вскипятила.
А как мясо она сварила,
То стол для меня накрыла,
Налила мне белой воды
И сказала: «Мада, отведай
Этой русской еды,
Попробуй, человек бедный,
Белую воду — и ты
Тогда хоть немного согреешься».
Я отведал воды, и впрямь,
Права была эта женщина:
По рукам моим, по ногам,
По телу — тепло блаженное
Побежало от двух глотков.
Выпил суп я мясной потом,
Съел мясо. Так постепенно
Приходил я в себя. Года три
Ведь не ел я горячей еды,
Горячей воды не пил —
По тундре замерзший ходил.
Что вспоминать? Теперь

Хорошая жизнь настала.
Минула ночь. В тепле
Мы вдвоем часов не считали.
А утром, когда рассвело,
Собаки залиvistым лаем
Нас разбудили. Тепло
Покинул я, вышел из чума.
Вижу я, едет шумный
Аргыш из пяти нарт,
Следом за ним олени
Мчатся, копыта дробят
Застывшую гулкую землю.
Большое стадо бежит —
В нем триста голов на вид.
Я заметил издалека,
О гостях внезапных гадая,
Что одна из тех нарт — пустая,
Пустая, без ездока.
Подъехал к чуму аргыш.
Женщина вышла, упряжки,
Торопясь, она распрягла,
Чум свой тут же поставила.
Так два чума теперь здесь стало.
А потом она позвала
Меня к ней зайти в гости.
«Иди ко мне, мада,— просит
Меня женщина эта,—
Иди ко мне, мада бедный».
— «Хорошо,— отвечаю,— ладно,
Ты иди, я приду следом!»
Так я, сын старого Сядея,
Мужем двух жен сделался.
Зажили мы все вместе.
Ночь прошла.
Вот и полдень скоро.
Но только собачья свора
Нам спокойно сидеть не дала.
Залаяли псы, забегали.
Вижу я, к нам по ворге
Аргыш опять едет,
И стадо бежит олень —
В нем голов будет сто, не меньше.
Прибыла третья женщина,
Тоже свой чум поставила.

Теперь здесь три чума стало.
Зовет и она меня к чаю,
Отведать белой воды,
Отведать русской еды...
Так я живу-поживаю
Со своими женами милыми.
Вот уже год минул,
Как встретились мы вместе.
Здоровых троих сыновей
Мне жены мои подарили.
Стал я растить детей.
Но всё время на прежнем месте
Мы жили, и я вестей
О первой жене своей
Не имел. Одно лишь известно,
Что сильно враги теснят
Старика, моего тестя.
Однажды жене второй
Я сказал: «Хорошо здесь с тобой,
Хорошо мне жить, только надо
Отправиться мне по делу
В свою далекую землю,
Время, жена, настало
Родные края навестить.
Слыхал я, что тестя старого
Решили враги убить,
А также людей его всех
Уничтожить они собираются.
Не помочь старику — грех,
Ведь хороший он человек,
Ехать, спасать его надо...»
И пошел я в оленье стадо,
Поманил к себе олених,
Шесть олених-хапторок,
И упряжь накинул на них.
Вышли жены мои. «Не скоро
Вернусь я обратно, не скоро.
Дожидайтесь меня три года,
Три года я буду в пути.
Где-то есть у меня жена
Моя первая, может, жива?
Надо мне ее навестить».
Так простился с женами я,
Перед тем как в родные края

Оленей своих погнать.
Остались жены стоять
Возле трех чумов, глядя
Мне вслед...
Я, сын старика Сядея,
Так погнал оленей, что и след
За мною не вьется темный,
И самой земли не видать.
Словно вихрь я лечу огромный
По воздуху, словно вихрь,
На хапторок своих, оленей,
Покрикиваю. Ох, долго
Я мчался, конца не видя
Пути своему. Однажды
Шестерную свою упряжку
Еле-еле остановил я
На верети, дальней дороге.
Стою на вершине сопки,
Стою и смотрю вниз.
Справа от сопки взвились
Словно пары водяные.
Это скачут упряжки по ворге,
Много упряжек, много,
И сопки дрожат ледяные
От оленьего гулкового топа.
Я стою наверху. Вижу,
Аргыш-обоз показался,
Ко мне он всё ближе и ближе
Подъезжает. На нем, оказалось,
Была лишь одна женщина,
Оленей своих заезженных,
Усталых она рванула,
На меня с испугом взглянула.
Остановился обоз.
Я сказал ей: «Здорово, сватья,
Вот и встретиться нам довелось».
— «Надо мною вы что, издеваетесь?
За что вы меня мучаете?
Убейте меня лучше,
Ведь шесть лет вы меня терзаете,
Шесть лет,
С той ночи, как мужа нет
Моего, мужа-хозяина,
Сына старика Сядея!»

— «Над тобой я не издеваюсь,
Посмотри на меня внимательно.
Ведь ты, дочь старика Мамонтового,
Женой была мне когда-то!»
Вскочила она радостно,
Глаза подняла, опухшие
От слез, и сказала: «Оказывается,
Ты за мною вернулся, муж мой,
И впрямь это ты, сын
Сядея-старика».

— «Я приехал издалека,
А назад только путь один.
Ты следом за мной поезжай
По ворге оленьей. В тот край,
Куда мы с тобой прибудем,
Привезешь ты свой чум уютный».
Повернул я свою упряжку
И повел за собою аргыш.
Так я вернулся домой,
К трем чумам, с первой женой
И сразу велел своим женщинам
Помочь поставить приезжей
Четвертый чум на холме.
«Отправиться надо мне
Снова в родные земли,
Никак мне нельзя медлить,
Надо спешить, пока
Не убили враги бедного
Мамонтового старика.
А у вас, дорогие, будет
Теперь здесь четыре чума» —
Так сказал я и в путь известный
Упряжку погнал резвую —
Помогать своему тестю,
Поехал по ворге оленьей.
Наконец я подъехал к земле той,
Где Мамонтовый жил старик.
Вижу, его преследуют
Многочисленные враги.
Закричал я им: «Злой народ,
Посмотрите, на вас идет
Сын старика Сядея!»
Комариная дрогнула стая,
Задрожала толпа злая.

Словно вьющихся мошек черных,
Раздавил я народ негодный.
Так тестя я спас от гибели,
Мамонтового тестя.
А потом захотел увидеть,
На свете еще есть ли
Старые мои родители.
Объехал я всю землю
И нигде-то своих родных
Не нашел. Наверное, их
Давно уже нет в живых,
Злой народ их убил-погубил,
За меня старикам отомстил.
Взял я тогда тестя
В землю свою благодатную.
Со стариком вместе
Еду я к женам обратно,
Остаток его стада
Оленьего я гоню.
Наконец к четвертому дню
Пути мы увидели чумы...
Пятый чум сам старик поставил,
Мамонтовый мой тесть.
Большое стойбище славное
Поднялось на глазах моих здесь.
Стали мы жить-поживать
В стойбище нашем дружном.
Мне лишь время одио непослушно —
Так бежало оно, что стать
Мне самому приспело
Старым Сядеем, умным и смелым,
Хранителем этой земли.
Народ предо мною трепещет,
Ведь убил всех врагов я злых,
А добрых оставил в живых.
Всегда — и теперь, и прежде —
Был к людям я справедлив.
Так я в земного бога
Превратился любовью народа.
Люди ко мне охотно
Идут на любую работу —
Все подчиняются мне.
Раньше в чужой стороне
Жили три айки-тестя,

А теперь поближе ко мне
Поставили чумы, чтоб вместе
Чай могли бы мы пить почаще,
Почаще друг с другом встречаться.
У всех стариков седовласых
Имена свои, прозвища разные.
Взял себе имя первый
Мой тесть — Тёньдер айка медный.
Второй —
Тёньдер айка железный.
И Тёньдер айка стальной —
Кличка тестя моего третьего.
А имя четвертого тестя —
Мамонтовый старик.
Давно уже я привык,
Что они собираются вместе
У меня и сидят, говорят:
«Эх, видел бы старый сват
Сядей, каким ты стал.
Ведь теперь ты земной бог.
На свете нет никого,
Кто осилить тебя бы смог.
Не боимся мы ничего
С тобою, наш добрый зять».
У меня четыре жены,
У меня сыновей четверо,
Сколько будет еще — как знать?
Людам долгие дни суждены,
Будем жить, как отцами завещано.

29. ТРИ ТЫНГОСА

В этом краю
Мы, три брата, живем,
На берегу
Керча-ю,
На берегу
Реки нашей.
Одна у нас
Любимая матушка,
Одна сотня оленей

Вокруг нашего стойбища
Бродит-гуляет,
Сотня оленей,
Доброе стадо.
Хорошо живем, ладно,
Есть у нас всё что надо.
А живем мы охотой
На диких оленей,
Что во всех направленьях
Бродят-кочуют.
Два моих брата —
Уже взрослые люди,
А я — младший,
Сижу возле чума,
Возле чума играю,
Не отлучаюсь
От жилища нашего
Далеко от матушки.
Помню, вечер один наступает,
Два моих брата
Меж собой говорят:
«В землях близких
Все олени пропали
Дикие, так в отдаленье,
Видно, пасутся эти олени.
Придется теперь нам добычу разыскивать,
Придется наведаться
В дальние земли.
На няпой-оленях
На охоту поедем!
А пока мы будем
Вдали пропадать,
Мать с братом
Могут здесь подождать,
Сотни оленей —
На еду хватит
И брату и матери.
Ведь мы обратно
Вернемся не скоро —
Пройдут три года,
Пройдут три года.
А если настанет
Нужда крайняя,
У них ведь в запасе

Стадо есть.
Да и важенку старую,
Что уж очень состарилась,
Тоже они могут съесть.
Ведь рога ее стали
Толщиною с палец.
А еще на пастбище
В общем стаде
Есть олень старый
С рогами медными —
И его съесть могут,
Чтобы жить, не бедствуя,
Пока три года
Без нас пройдут». —
Так братья мои
Меж собою ведут
Разговор о поездке:
«Завтра утром сборы.
Няпой-олений
Мы приготовим,
В путь, на охоту,
Упряжку тронем». —
Слышит матушка
Сыновей своих старших
И не соглашается,
Не соглашается:
«Олениху-важенку
Убивать не надо,
Хоть и старая стала,
Ведь она — мать
Оленьего стада.
И еще убивать
Оленя не надо
С рогами медными;
Ведь он отец
Стада оленьего!»
Настояла мать наконец
На своем и успокоилась.
А я на улице бегаю,
Я всё на улице бегаю:
«Конечно, еда найдется
В стоголовом стаде оленьем
И без этих двух старых оленей!»
Утром два старших брата

Отличных оленей-няпой
Взяли себе в упряжку.
Нагрузили они на нарты
Луки-стрелы свои тяжкие.
По земле волочатся луки,
Луки длиной в пять саженой,
Спаянные сталью белой.
Выточены узкие стрелы
Из кости крепкой,
Из мамонтовой.
Положили пищали в нарты —
Для охоты на диких оленей.
А я рядом,
Я рядом бегаю,
Смотрю, что два брата делают.
Были лыжи у них — загляденье!
В обе стороны их от крепленья —
По семь саженой, наверно,
По семь саженой, не меньше,
Таковы они будут в длину.
Если ж мерить их в ширину,
То не меньше семи пядей
Вширь лыжи моих братьев.
Наконец, всё в дорогу собрали.
Подозвали меня и сказали:
«Мада-братишка, будем
Три года в Большой тундре
Мы диких оленей искать.
А если через три года
Мы назад не вернемся,
Можете нас и не ждать,
Значит, нас нет в живых!»
Братья лыжи свои двинули,
А следом тяжелый вихрь
Взметнулся, и ветер вьюжный
Меня и матушку кинул
Прямо к дверям чума.
Так умчались два брата Тынгоса,
Умчались в пурге и ветре
Диких оленей отыскивать.
И остались мы с матушкой бедной
Вдвоем, поджидая их.
След простыл, да и ветер стих.
Время шло. Свою мать однажды

Я упрашиваю:
«Моя матушка,
Дай мне лук и стрелы сегодня,
Хочу на оленей охотиться».
Отвечает она:
«Ведь старшие
Братья твои сказывали,
Что вблизи все олени дикие
Почему-то исчезли разом,
Наши места покинули».
— «Но, может быть, я натолкнусь
На одного оленя?»
Мать меня пожалела,
Дала мне и лук и стрелы:
«Для тебя это тяжкий груз.
Удержишь ли ты, не бросишь ли
Этот лук и стрелы, ведь кости
Твои совсем еще хрупкие —
Десять лет тебе лишь исполнилось!»
А я уж занялся с луком,
Тетиву тугую потрогал,
Стрелу послать я попробовал
И сказал: «Вроде подходит».
Стал с тех пор я бродить поблизости,
Добычу себе приискивать.
Иногда подстрелю лося,
Домой его приволоку,
И матушку накормлю,
И, бывает, спрошу ее после:
«А когда мы съедим наше стадо,
Что тогда? Ведь есть-то нам надо!»
Отвечает: «И впрямь, сынок».
Сказывать — дело скорое,
Но и время идет всё быстрее.
Подходит трехлетний срок
К концу, а братьев всё нет.
Однажды сказал я матушке:
«Не вернулись два брата старших,
Не вернулись...
Может быть, мне
Отправиться вслед на поиски?»
Матушка забеспокоилась,
Хочет меня задержать:
«Надо еще подождать,

Может, и явятся сами?»
Прошло еще несколько дней,
А братьев всё нет и нет.
«Не держи ты меня, как малого,
Не держи ты меня, не удерживай.
Собери мне еду и одежду,
А нет, так и сам поеду...»
— «Знаю ведь, мада мой бедный,
Зачем ты теперь отправляешься.
Ты не братьев искать собираешься,
Ты свой путь решил до конца
Пройти, чтоб найти несчастную
Голову своего отца.
Всё мне известно, мада».
— «Так и есть, матушка, дай мне,
Дай мне благословение,
И в путь я отправлюсь немедленно».
— «Тебе ведь всего тринадцать
Исполнилось лет недавно,
Еще твои косточки хрупкие».
— «Всё равно надо мне отправляться
В путь, всё равно уйду я».
Матушка благословение
Дала мне. Тогда лук и стрелы,
Радостный, взял я в руки.
Собираясь, я вспомнил: лыжи
Мне казались огромными раньше.
Оказалось, мои — такие же,
Как у братьев моих старших.
Каждая лыжа в длину —
Четырнадцати сажений.
Если ж мерить ее в ширину —
Семи пядей, никак не меньше.
Взял я лыжи эти железные
И стал на них, в белизну
Пути далекого вглядываясь.
Стала матушка рядом,
Говорит мне: «Поедешь, мада,
Ты мимо своих двоих братьев,
И после них — трижды семеро
Суток еще проедешь.
Как от чума братьев отъедешь,
Взберешься на крайнюю вереть,
И оттуда потянется долгий

Путь олений, утоптаный ворга.
След олений идет лишь в ту сторону,
А обратного следа нет.
Приведет тебя этот след
В крепость-землю. Немного
Пройдешь ты еще по ворге —
Налево оборотись.
Там стоит, на юг обращенный,
Холм, на него взберись,
Взберись и присядь, утомленный.
Неприменно надо тебе
Посидеть на этом холме —
Он тебе сам дальше
Путь-направление подскажет.
А я дальше пути не знаю». —
Так мать на прощанье сказала.
Оглядел я наши луга,
Что белели под колким снегом,
Тронул железные лыжи
И поехал. Еду и слышу,
Как сзади метет пурга.
Это за мною следом
Разыгрался тяжелый вихрь,
Из-под лыж он взметнулся моих
И закружил мою матушку,
Прижал ее к двери чума...
А я в это время бесстрашно
По ворге оленьей мчусь.
Подъезжаю к Керча-ю.
С того берега, я вдруг вижу,
Скользит человек на лыжах.
На стреле его длинной нанизано
Десять диких хора-олений.
Я вперед проскочил — нет, близко
Незнакомец за мною следует.
Взял я лук и стрелу, и выстрелил,
И помчался вперед, дела нет мне
До того, кто за мною едет.
Тот, несущий десять оленей,
Остановился на миг:
«Сам похожей стрелять я привык —
Ведь такая была у отца,
Ведь такая была у матери!
Что случилось?» И он помчался

За стрелой, чтоб узнать беглеца,
Чтобы выяснить всё до конца.
У подножия сопки близкой
Опять он остановился:
«Это нами стрела сделана,
Наши стрелы так звонко поют.
Значит, наш младший брат был тут
В поисках диких оленей».
Тем временем я проехал
Рощицу и ручей
Вброд перешел, гляжу,
На сопке виднеется чум.
Подъезжаю к нему — чей,
Думаю, он, не иначе
Как братьев моих удачливых,
Вон как много хорошего мяса
Вокруг их чума припасено!
Лыжи я спрятал в снег
И в чум полез на ночлег.
Костным оленьим мозгом
Вволю я там полакомился!
Ел и готовое варево,
Ел и сырое мясо,
Ел я и мясо мерзлое.
Всё-то попробовал я,
Всё, что нашел, всё понравилось.
Стало смеркаться. Слышу,
Идет-приближается лыжник.
«Хо-хо-хо, и устал же я
Нынче в конце дня.
Притащил я сегодня целый
Воз диких крупных оленей».
А я тетиву натянул,
Жду, когда дверь откроется.
Отворилась дверь — я стрелу
Боком пустил в входящего.
Стрелу поймал брат старший,
Он от радости так и пляшет,
Никак ему не успокоиться:
«Это стрела отца,
Это стрела материнская,
Эта стрела нами сделана!
Значит, ты наш единственный
Брат, что был с матерью дома.

Зачем ты меня пугал?
Ведь мог ты нарваться на злого
Человека, тебя б наповал
Уложил он ответной стрелою.
Не забава — стрелять из лука».
— «Просто так, я играю с тобою!»
А старший брат продолжает:
«Зачем ты приехал, мы знаем
И знаем, что скоро дальше
Ты по ворге оленьей отправишься.
Путь твой еще далек,
И конца ему не видать.
Верно ли это, браток?»
— «Обо мне ты всё знаешь верно».
Стали мы поджидать
Брата Тынгоса среднего.
Вот прибыл он, в чум зашел,
Увидел меня... Говорит:
«Брат, бродишь ты нехорошо,
Зачем ты недавно выстрелил?
Вот стрела твоя, посмотри,
Я на сопке ее нашел,
Воткнулась она в землю.
Моими руками сделанную
Стрелу я сразу узнал.
Здесь брат мой, себе я сказал.
Но если б ты так нарвался
На человека злого,
Не пришлось бы нам здесь собраться,
Не видать бы тебя живого!»
— «Хотелось мне баловаться,—
Я ответил,— что ж тут плохого».
Средний Тынгос мне говорит:
«Но не к нам же ты ехал в гости,
Путь твой лежит вдали,
Прочь ветер стрелу относит.
Этот путь нам совсем незнаком,
И наставить тебя в том,
Как дальше идти-добираться,
Мы не можем, ведь мы, твои братья,
Силою лишь сильны.
Мы на плечи легко вскинем
Двадцать оленей диких,
Но и всё, братец наш, мы

Не шаманы, не ведуны,
Колдовским мастерством не владеем
И помочь тебе не сумеем».
Тут втроем мы за стол сели,
Крепко пили мы, крепко ели.
Наконец говорят мне братья:
«Долго ль будешь ты, брат, в пути,
Долго ль бродить собираешься?»
— «Сколько лет нужно мне провести
Вне дома — не знаю, не знаю.
Может, пройдет лет семь?..
Если я не вернусь назад,
Не ищите меня совсем,
Братья мои, не ищите,
Сами спокойно живите
Да старуху-мать берегите.
Знать не дано мне
Своего возвращения срок.
А смерти своей и во сне
Я увидеть еще не мог».
Утром раненько я собрался,
Стал на лыжи,
Простился с братьями,
Взял стрелы свои да лук,
По оленьей ворге отправился...
Так иду я, иду, иду,
Не считая ночей и дней.
Небо то светлей, то темней,
Не короче мой путь, не длинней,
Без отдыха вдаль гляжу.
С той минуты как я на лыжах
От чума братьев скольжу,
Наверно, уж сутки седьмые,
Сутки седьмые кончаются.
Иду я, иду по ворге,
На пути мне сопка встречается,
Словно льдина, та сопка голая
Предо мною стоит, возвышается.
Я на сопку эту взобрался,
На вершине остановился.
От сопки ворга оленья
Незаметная продолжается.
Пошел я тогда, младший Тынгос,
Пошел я в том направлении,

Но вора вдруг обрывается...
Постоял я здесь в удивлении,
Постоял и назад шагнул:
Вижу, слева — лорцовка-холм,
Не замеченный раньше мною.
Тогда я к нему повернул.
На холм невысокий взобравшись,
Лыжи снял я, брожу кругом,
Смотрю, что здесь есть такое,
Что дорогу укажет мне дальше.
Нет, ничего, всё молчит.
Вдруг мне в глаза бросилось:
Камень пятнистый стоит,
Камень пятнистый стоит
И мне улыбается, словно
Доброго ждет он слова
И жертвы какой-нибудь просит.
«Ой, беда, ведь я не приготовил
Для тебя никакого подарка!»
Тут я вытащил нож свой старый,
Рукой ухватился за бок
И высек разом кусок
И мазнул я пятнистый камень
Кровью своей жаркой,
Утолил я его жажду.
Зацвели губы камня ярко,
Шевельнулись — едва, чуть-чуть.
«Камень пятнистый, бог наш,
Если ты на земле могуч,
Поклонись в мою сторону трижды», —
Я камню сказал. Вижу —
Кланяется он мне.
«Если я тоже воистину
Могуч на этой земле,
Трижды мне опять поклонись ты!»
Поклонился камень пятнистый,
Поклонился, повел разговор:
«Как бог, почитался я, Тынгос,
Отцом твоим с давних пор.
Скоро ты на земле станешь
Большим хозяином, сын
Отца своего, Тынгос младший.
Послушай, что было раньше,
До того, как сюда один

Наведаться ты решил.
Когда твоего отца
Здесь саю-войско убило,
В материнской утробе ты был.
Мать твоя всё же спасла
Двух братьев твоих старших,
А четвертый, наверно, погиб...»
Так о прошлом сказывать начал
Камень пятнистый бог:
«Воинам многим, сынок,
Пришел на холме конец.
В изголовье моем глубоко
Их смертных сабель не счесть.
Но моей головы никто
Из людей приподнять бы не смог». —
И велел мне идти камень-бог
Совсем в другом направлении,
По новой ворге оленьей,
Что меж сопок легла незаметно:
«Тебе, младший Тынгос, в дороге
Деревянные встретятся боги,
Боги, что были сделаны
Злым народом из ста деревьев.
Там же, как мне известно,
Одного человека повесили.
Младший Тынгос, к этому месту
Ты торопись, торопись.
Может, еще жизнь
В жилах жертвы несчастной теплится,
Человека того хоть на миг,
Может быть, ты заставишь в живых». —
Согласился я с камнем тогда:
«Нужно и впрямь торопиться!»
Мне вдогонку камень пятнистый
Закричал: «Коль застанет нужда,
Коль наступят тяжелые дни,
Младший Тынгос, меня помяни!»
— «Помяну, помяну непременно...»
Чем силы мои измерить?
Лишь стоит в удачу поверить —
И положе лягут снега...
Я смело на лыжах двинулся,
Позади — бушует пурга,
А впереди раскинулось

Небо чистое-чистое.
Долго ли я на лыжах
Шел-спешил, младший Тынгос,
Не знаю —
Лишь скоро сказывать.
Но вот уж вдали показались
Боги, что были сделаны
Когда-то из ста деревьев.
Оборвалась ворга оленья.
Снял я свои лыжи
И подошел поближе
К этим богам, добиться
Хочу ответного слова
Из губ их, поджатых сурово,
На привет мой: «А-нин, здорово».
Но боги молчат, их лица
Оскалены деревянные,
Смотрят глаза упрямые
Мимо меня неподвижно.
Посмотрел я в сторону, вижу,
На суку близрастущей лиственницы
Висит человек незнакомый.
Стал я думы думать-гадать:
«Нет, он еще не помер,
Хоть трижды семь суток, видать,
Со дня исполняется жертвенного,
А душа в нем еще теплится,
Теплится силой последней».
Стал я сделанных из деревьев
Неподвижных богов просить:
«Опустите ко мне вниз
Этого человека.
Я вам свою мать
В жертву дать обещаю за это!»
Идолы головами
Лиственничными закачали,
Зашевелили губами
И отвечали глухо
Деревянными голосами:
«Нет, не нужна нам старуха,
Не нужна нам старая кровь!»
Обратился я к ним вновь:
«Есть у меня в стаде
Олениха, старая важенка,

Утолите ею вы жажду!»
— «Нет, нам крови старой не надо!»
— «Есть еще у меня в стаде
Один олень меднорогий,
Я его вам обещаю!»
— «Нет, кровь молодую даром
Мы не даем, не меняем,
А олень этот твой — тоже старый».
— «Отдайте мне человека!»
— «Не дадим принесенного в жертву».
— «Тогда вместо него возьмите
Меня, а его отпустите!»
— «Нет, ты ведь здесь не останешься,
Как-нибудь нас да обманешь».
Тогда я направился быстро
К суку той высокой лиственницы,
Сам думаю: «Если я прав,
Если слаб предо мною Сѣ Тав,
Если этих богов грозней
Камень-бог, а я всех сильней,
Пусть порвется петля мертвая!»
Вижу, пустая петля
В воздухе ловит снег.
Удачу благодаря,
Подошел я к богам хмурым:
«Где же ваш человек?..»
А они головы все понурили,
Неподвижные, безответные.
Вдруг стали боги похожи
На халимеров трехлетних
От горя, что их человек
Куда-то пропал, исчез.
Свои лыжи засунул я в снег,
Закопал я и лук и стрелы
И вдаль поглядел смело:
Три дороги идут-разветвляются,
Три дороги прочь удаляются —
По какой я пойти захочу?
На правой дороге — сто чумов,
Сто чумов больших виднеются.
По средней дороге — сто чумов,
Опять же сто чумов виднеются,
И на дороге левой
Тоже стоят сто чумов.

В трех сторонах я вижу
Три сотни, три сотни жилищ.
Справа — Хозяин Сё Тав,
В середине — Хозяин Сё Яринь,
Слева — Хозяин Сё Сюдбей.
Пешком я, Тынгос, отправился.
Ступил на дорогу правую,
Ступил на дорогу левую,
Пошел, побрел наугад...
Казалось, до чумов рукой подать,
А пришлось день целый до них шагать.
Иду по стойбищу, что делать, думаю.
Смотрю, вокруг главного чума
Собралась большая толпа.
Толпа качается, полным-полна,
Полным-полна, как туча черна
Комаров гудящих.
Лежит — лежащий,
Сидит — сидящий,
Играет — играющий.
Стал я пытаться к чуму пробраться
Через сотни черных голов,
Через спящих и через резвящихся,
Чтоб посмотреть, каков
Хозяин здесь настоящий.
Огромный, огромный на вид,
Тав-хозяин в центре сидит,
Сидит средь толпы и глядит,
Что людей его веселит.
Сам ноздрями он шевелит.
Я сквозь толпу пробираюсь,
Кто-то «ой-ой» кричит,
А я пробираюсь, ругаюсь,
Сам кричу я: «Ну-ка, с дороги!»
Спотыкаюсь о чьи-то ноги,
Чьи-то руки меня назад
Тянут, но всё ж пробился
Я к Сё Таву. Не удивился
Он мне и сказал: «Сват,
Здорово, здорово!»
Я ответил приветственным словом.
Протянули мы руки друг другу.
Спросил хозяин: «Откуда
Прибыл ты, кто ты такой,

Я тебя не могу узнать,
 Слишком ты еще молодой!»
 — «Разве можно людей всех знать?»
 — «Как зовут тебя, человек,
 Растущий пока снизу вверх?»
 — «Доброго имени нет
 У меня, как у вас всех».
 — «Но человек всегда
 Хоть какое-то имя носит!»
 — «Ладно, скажу, коли просишь.
 Называли меня иногда
 Выросшим в няртцо-чуме».
 Наклонил Сё Тав низко голову,
 Наклонил и сказал, подумав:
 «Я глазами не видел такого,
 Правда, ушами слыхивал.
 Верно слыхивал, всякий народ
 На свете живет».
 — «Сват, а тебя как зовут,—
 Спросил я,— ведь я не знаю...»
 — «Все люди зовут меня тут
 Сё Тав Хозяином».
 — «А я к вам по делу прибыл.
 Узнал я, что года три уж
 Одного человека догнать,
 Обогнать вы никак не можете.
 Широкоплеч, коренаст,
 Бежит он быстрее вас».
 — «И впрямь так — давай
 В чум зайдем!»
 В чум хозяин меня завел,
 Приготовил богатый стол,
 Горячий налил мне чай,
 Мясо-еду принес он
 Да мирный повел разговор.
 Сразу видно, Сё Тав — добр,
 Знает, что я с мороза
 Пришел усталый, голодный.
 «Сё Тав, хозяин, добрый
 Ты человек!»
 — «Ведь на помощь пришел ты,
 Иль нет?»
 — «На помощь пришел я, верно».
 Так сидели мы, тихо беседуя,

За русской едою и чаем.
Вдруг собаки Сё Тава залаяли.
Народ говорит: «Какая-то
Упряжка к нам приближается,
Шесть оленей-хапторок
В этой бегут упряжке».
И действительно, в чум скоро
Сюдбей ввалился младший.
«Что за весть ты сегодня к вечеру
Принес нам?» — хозяин спросил.
«Добрую весть я мчался принести:
Мы поймали широкоплечего
Коренастого человека!»
— «Вот еще, из другой земли,
Человек добрый один
К нам нынче на помощь прибыл.
Так завтра же мы поедem,
Принесем нашу жертву богам,
Сделанным из ста деревьев.
Все жители наши там,
На жертвенном месте, вместе
Утром пускай соберутся,
Все из чумов трехста!»
Так велел Хозяин Сё Тав
И добавил Сюдбею младшему:
«По пути заедешь к Сё Яриню
И ему непременно скажешь,
Чтоб народ его завтра вышел
К нашим богам деревянным».
Как стало светать, я услышал,
Оленей к чуму пригнали.
Выбрался я из чума,
Стою на площадке и вижу:
Запрягают хозяину лучших
Шестерых оленей могучих.
А мне, младшему Тынгосу,
Запрягают оленей пятнистых.
Кто-то мимо меня быстро
Ходит туда-обратно,
То ли девушка, то ли женщина.
Вижу я, в нарты трети
Тав-народ запрягает
Белых четырех оленей.
А хозяин мне говорит:

«В няртцо-чуме выросший,
Вот упряжка тебе, бери
И за мною скачи быстро.
Все люди — за нами следом,
Пастухи сами приедут...»
Погнал я пятнистых оленей.
Назад обернулся: едет,
Едет за мной незнакомка,
То ли девушка, то ли женщина.
Морды оленей — красносуконные
Ямдзуу несут украшения.
Лицо незнакомки румянцем пылает.
И подумал я: «Девушка, верно,
Следом за мною едет».
Вот упряжки уже подъезжают
К скрещению трех дорог,
Туда, где стояли боги,
Сделанные из ста деревьев,
Туда, где помочь я смог
Повешенному человеку.
Отовсюду, по трем дорогам,
Подъезжали упряжки. Так много
Собралось, скопилось народу,
Что в глазах моих стало черно.
Кому сосчитать дано
Людей приехавших толпы?
Одних лишь мужчин — три сотни,
А женщин, детей — набирается,
Наверное, тысяча целая.
Ждет, застыла толпа.
Приближается,
Погоняет своих оленей
Сюдбей младший, знакомый вчерашний.
Вижу, лежит на нартах
Один человек коренастый.
Связан он толстой веревкой.
Еле-еле его тянут
Шесть олених-хапторок,
Языки от натуги из пасти
У олених вывалились —
Так тяжел этот груз,
Им доставшийся.
«Богатыря осилить
Такого, нет, никому невозможно!

А поди ж ты — поймали, связали
И убьют его в самом деле!» —
Так подумал я. Тут тревожно
Толпы людей загудели:
«Тот человек, которого
Мы в прошлый раз повесили,
Еще должен был бы висеть здесь,
Ведь не мог он истлеть так скоро,
Остался б его скелет,
А его почему-то нет.
Человек, принесенный в жертву,
Почему-то исчез. Пропал он!
Боги, сделанные из сотни деревьев,
Что на пастбище были оленьем,
Не стоят, а лежат вповалку,
Валяются как попало.
Что-то случилось страшное
Здесь, на оленьем пастбище...»
Тут подъехал и Сюдбей младший,
Кричит он хозяину нашему:
«Видно, гость незнакомый твой —
Плохой человек, злой!»
— «Нет, он не злой человек,
Он на помощь спешил к нам,
А не просто зашел на ночлег,
Шел пешком через дальний снег.
В няртцо-чуме вырос он сам,
Он не из враждебного рода!»
Младший Сюдбей стоит, размышляя,
И качаются толпы народа:
«Почему человек пропал?
Ведь должен висеть он, вроде,
Не взяла ли его сила злая?...»
Сюдбей тогда продолжил:
«Твой гость подозрительный должен
Доказать, что к нам шел на помощь.
Мы устроим ему потеху —
Связанного человека
Мы развяжем, пускай с соперником
Наперегонки он бежит.
Если ж твой гость до межи
Не добежит первым,
Мы его самого на дереве
Вздернем, так будет верно».

Сѣ Тав подтвердил: «Правильно,
Это по справедливости».
Тут с ними и я согласился:
«Правильно, правильно, сам я
Суну в петлю свою голову,
Если первым прийти не смогу.
Ведь и впрямь к вам я прибыл на помощь,
И того человека готов я
Догнать, одолеть на бегу».
Развязали того коренастого,
В направлении бега знак-пас
Выставили для нас —
До него бежать полверсты.
Началось состязание. Рядом
Пока с коренастым бежим.
Я сказал на бегу: «Ты
На братьев моих похож,
Обернись, посмотри назад,
Ведь я тебе — младший брат!
Твою голову я везде
Искал, вот, нашел теперь!
Не спеши, своих сил пожалей —
Я быстрее тебя бегу,
Я в другом тебе помогу!»
Как обратно от пас-знака
Мы с братом моим побежали,
Приближаться к упряжкам стали,
Я поймал его, коренастого,
Я поймал его, широкоплечего.
Закричал Тав-хозяин: «Знал я,
Что гость — человек честный.
Добрый, скорый помощник, впрямь,
Из чужбины явился к нам!»
— «Петлю я накину сам», —
Я людям сказал, не признавшись,
Что встретился с братом старшим.
И накинул я на коренастого
Широкоплечего брата
Петлю, а как только накинул,
Люди стали удавку затягивать
Семью веревками дружно.
Я так и эдак прикинул,
Что делать, — и вот подумал:
«Если их бог послушен

Моему богу могучему,
Если сам я сильнее их,
То пусть их веревки лучшие
Ослабнут в движениях злых,
Пусть жертву упустит петля,
Та, что накидывал я!»
Люди с криком веревки рванули
И в страхе назад качнулись:
Пустые петли болтаются,
А человек исчез.
«Обе жертвы наши пропали! —
Разводят люди руками
В удивлении.— Как же здесь
Такое могло случиться?
Не к добру это всё, не к добру».
Тав-народ на упряжках
К чумам своим повернул,
Олени с хорканьем тяжким
Помчались по трем дорогам,
Поволокли нарты.
И хозяин мой тоже в тревоге
Погнал упряжку обратно.
Так все люди поспешно
Покинули страшное место.
Осталась одна только девушка,
Та, за мною сегодня ехавшая,
Та, что моей невестой
Стать бы могла, наверно.
Я сказал ей: «Ты возвращайся,
За тобой я прибуду следом».
Как отправил ее на оленях,
Сам решил добираться пешком.
На прощанье ей наказал:
«Когда ты приедешь домой,
Подруг собери и укрой.
Коль скоро прибуду я сам
К вашим чумам тремстам,
Всех перебую, не оставляю
В живых ни одной собаки!»
Уехала моя девушка.
А я возле голодных идолов
Сижу, дожидаясь вечера.
Пытаюсь я с ними беседовать,
Но молчат болваны унылые.

По носам деревянным стучу я:
«В прошлый раз,— говорю,— вам жертву
Я обещал большую,
А не взяли вы кровь мою.
Так теперь где у вас кровь?..»
Так я перед богами стою,
Смеюсь, повторяя вновь:
«Вы болваны и есть деревянные,
С деревяшкою бездыханной
Разве много поговоришь?»
Вечер настал лишь,
Я вытащил из-под снега
Лук свой высокий и стрелы
И не спеша на лыжах
В путь недалекий вышел.
Погасла заря вечерняя.
Когда я к чумам приблизился,
Вижу, какие-то девушки
К яме направились быстро.
За ними я побежал,
В одной из них я узнал
Невесту свою, остальные
Были ее подруги,
Тоже девушки добрые.
Отцов их убили злые
Сё Тав, Сё Яринь, Сё Сюдбей,
А самих их взяли в полон.
К девушкам этим быстрым
Подбегаю я, младший Тынгос,
Говорю им: «Мои милые,
Мады мои, не бойтесь,
Я не убью вас». Приблизились,
Ко мне приблизились девушки.
Я сказал им: «Сегодня крошечная
Тьма падет на стойбища эти.
Я на битву пойду по велению
Крови своей горячей.
А зовут меня — Тынгос младший.
Триста чумов хочу я разрушить,
В живых ни одну душу
Я не могу оставить.
Вы же, мады мои, не бойтесь,
В сторонке тихой укройтесь...
Когда ночь опустит покров свой,

Я саблю большую возьму,
Ту, что дал мне камень отцовский.
Эту саблю на всю длину
Я выставлю. Составная
Она и силу волшебную
В битве явит. Не оставит
Она никого в живых,
Пощады она не ведает,
Там, у врагов моих,
У Сё Тава, сто чумов стоит,
И столько ж — у Яра-народа.
Эти чумы разрушу сегодня.
А вы какого рода?» —
Спросил я подруг невесты.
Ответили девушки: «Здесь мы
Живем с тех пор, как враги
Наших отцов убили.
Люди Яриня их погубили
И нас сюда привезли.
А у родителей наших
Много оленей было.
Поэтому, Тынгос младший,
Враги нам жизнь сохранили,
На счастье оленьего стада.
Хоть мы из дальнего рода,
Но неплохо живем тут, вроде,
Дают нам всё, что нам надо».
— «Ну, прячьтесь, милые мады,
Иду я, иду на битву,
Никого не оставляю в живых я,
Ни собаки, ни человека —
Так будет!»
Махнул я рукой и по снегу
На лыжах к чумам помчался.
Поднял саблю свою волшебную,—
Ни одного не осталось
Жилища у Сё Тава.
Все чумы я снес саблей.
Не слышно живого звука,
Лишь только я вскинул руку,
Так все люди и повалились.
Всех у Сё Тава побил я
И пошел, не теряя времени,
К Сё Яриню, стойбищу среднему.

С помощью сабли своей
Я чумы наземь поверг
И убил всех встречных людей,
Их кровью окрасив снег.
Вернувшись туда, где в яме
Невеста с подругами пряталась,
Сказал я: «Милые мады,
Не выходите сами
Без моего призыва
Из своего укрытия.
А пока мне готовьте пищу,
Чтоб силы свои укрепил я.
Завтра снова пойду на битву,
Сабля моя разыщет
Уцелевших последних врагов.
Пойду я теперь на Сюдбея,
Опустошу его кров.
Вот куда завтра пойду я.
Девушки-мады, слушайте,
Завтра последние чумы
Я в этом краю разрушу!»
Утром я бился снова.
Ни одной души, как сказал я,
В живых не осталось —
Ни человека хромого,
Ни скулящей собаки.
Как взмахнул я волшебной саблей,
Так все мертвыми и упали.
Но тандару-площадку трижды
Всё же я обежал на лыжах,
По следам уходящим, вижу,
Скрылись три человека.
Видно, ночью ушли эти люди
Незаметно, пешком по снегу.
Один из них — брат Сё Тава,
Второй — Сё Яриня брат,
А третий — родственник Сюдбея.
Сам себе я сказал: «Сват,
Враги мои — не друзья
Ушли. Отпускать их нельзя.
Разве следы разгадать
На белом снегу не смогу я?»
И услышал я камня пятнистого,
Бога отцовского, голос:

«Приготовь лук и стрелы, а после
Посмотри на следы, младший Тынгос!»
Взял я тяжелый лук и
Достал точеные стрелы.
Поднял свои руки —
И в синее небо взлетел я.
Как птица легко я понесся
В ветренном свежем просторе,
Пока, наконец, не пришлось мне
Под собою увидеть море.
Тогда я спустился на берег,
Тогда я спустился на берег,
Там, где в море большой виднелся
Мыс, поросший деревьями.
Этот мыс еще разделялся
На три небольших мыса.
По сто чумов стоит-возвышается
На каждом из этих выступов.
Но я к жилью не приблизился,
Я поодаль остановился.
Темноты дожидаясь, сижу
И на улицы тихо гляжу:
Там в разные игры играют...
Поперек свои нарты поставят
И через них стреляют:
Первый выстрелит, а второй
Эту стрелу поймает;
Первый выстрелит, а второй
Пулю его поймает,
А потом — наоборот.
Так играет этот народ.
А в другой стороне — пытаются
Силы свои. Длиннорукие
Там тянут к себе палку,
Перетягивают друг друга.
Рядом борцы борются
Опытные, а возле
Мальчишки играют-возятся.
Так люди живут у моря,
Хорошо живут, забавляются.
А я в стороне укрываюсь,
Мне нельзя на глаза им показываться.
Темноты я вечерней жду,

На стойбище всё гляжу
И о жителях здешних думаю:
«На трех мысах, в трехстах чумах,
Добрые люди, смелые,
Видно, живут, не иначе.
Как молодые белки,
Весело они скачут —
Мастера они прыгать легко,
Легко, далеко, высоко...»
Так думая, я вздохнул
И незаметно уснул.
И снился мне долгий сон:
На меня будто с трех сторон
Наступают веселые люди
И от сна глубокого будят,
Тормошат. Ко мне собираются
На помощь Тынгосы-братья.
Своими руками могучими
Братья поймать хотят
Этих людей, но тут же
Те, как вода, пробегают
Сквозь пальцы, к земле скользят.
Вдруг один охотник высокий
Схватил молодых семь елок,
Семь елочек, семь людей,
И сватье сказал своей:
«Всё ты знаешь, любого птенца
По голосу ты узнаешь,
Оттого что в лесу живешь.
Острроверхие деревца
Растут в глухом этом месте.
Как девушки молодые
Они, как невесты.
Моя добрая сватья, ты их
Тоже, наверно, встречала?»
Но сватья не отвечала...
А я стал в этом месте жить,
Жить, на охоту ходить,
Пить чай со своею старухой.
Немного у нас песцов,
И лишь сотня оленей глухо
Хоркает рядом на пастбище.
Когда же, в конце концов,

Единственному сыну нашему
Суждено очнуться от снов
Удивительных, десятилетних?
Когда же наступит тот час,
Что откроет глаза он и нас
Увидит, родителей бедных?
Одинокый наш чум в тундре
Стоит, а сын непробудный
Десять лет в постели лежит.
Мы с женою состарились оба.
Как посмотрим на спящего — вот бы
Нам при жизни сына женить.
Только как его разбудить?
Спит он — ни слова в ответ.
Пока глаза наши свет
Видят еще, нужно,
Чтоб нашел он жену послушную,
Лучше которой и нет.
На краю темной тундры, возле
Светлого Яр-озера,
Мы живем, и всё старикам
Нам известно — к каким берегам
Прибывает осенние листья.
Спит пока наш сыночек единственный.
Вырастет хвоинка маленькая,
Упадет в воды широкие,
В грешное море канет,
Не догонишь, не схватишь руками —
Унесет ее быстрым потоком.
Только мы не хотим одиноко
Усталый наш век доживать.
Красиво лежит блестящее
Яринь-озеро в чаще глубокой!..
Человека здесь приходящего
Не видел я, не встречал.
Берег выслан зеленой осокой,
И стоят, качаются лиственницы,
И спит наш сынок единственный,
Ждать я его устал.
Говорю я своей старухе:
«Состарились мы и впрямь.
Скоро и слепы и глухи
Станем с тобой. Кто нам
В немощи нашей поможет?

Спит наш сынок, не сможет
Он заботиться о стариках».
Видно, настал срок
Сына будить. Тогда
Я руку под одеяло
Тихо просунул: «Сынок,
Десять лет безмятежно спал ты,
Сам пробудиться не мог —
Очнись, пора просыпаться!»
Вздрыгнул мой сын, вздохнул,
Потянулся, неспешно сел
И с удивленьем взглянул
На прожжеиную, в дырах, постель.
Ведь в чуме огонь яркий
Всегда горит-разгорается,
Высоко пламя вздымается,
Искры летят красные,
Искры взлетают, гаснут.
Видно, долго те искры падали
На постель его, на одеяло.
Десять лет сынок мой проспал,
Теперь наконец-то встал.
Как и раньше, у нас пасется
Оленей одна лишь сотня,
Да песцов немного совсем,
А сын мой в постели сел
И поел и попил плотно,
И сидит и смотрит на нас.
Мать-старуха сказала: «Сейчас
Пора, может быть, отправиться
В путь. Какая понравится
Невеста тебе, ту и сватай
Здесь, на ближней земле.
Ведь жениться надо тебе.
Поедешь — вернешься обратно,
Заживешь с женою богато!»
— «У меня в этой земле,
В этой глухой стороне,
На примете девушки нет!»
Услышав его ответ,
Мать продолжала: «Мой мада,
Сам ты знаешь, куда тебе надо
За невестою направляться!»

— «Нет, я не знаю, нет!»
 Тут я сыну подсказывать начал:
 «Рядом живет сосед,
 Добрый сосед по имени
 Пьяловый остяк.
 Есть у него, видел я,
 Единственная сестра.
 Чем она тебе не жена?»
 — «Нет, такая мне не нужна,
 Нет, не жена мне она».
 — «Можно дальше пойти поискать,—
 Заговорил я опять,—
 Дальше остяк Рябой
 С единственной сестрой,
 Красавицей, в чуме живет.
 Неужели не подойдет
 Тебе и эта невеста?»
 — «И эту я знаю с детства,
 И эта мне — не жена,
 Мне другая девица нужна».
 Так мне и моей старухе
 Единственный сын отвечает.
 Встал я, вышел печальный,
 По нарте вожжой постукиваю,
 Стою один и не знаю,
 Где для сына найти в нашем крае
 Невесту, ему подходящую,
 Таковую, чтоб нам упрашивать
 Не пришлось его, как о милости.
 Сказал я жене: «Единственного,
 Единственного сына нашего
 Всё равно мы женим с тобой.
 Неужель не найдется такой
 Девушки, чтоб понравился
 Ему самый слух о ней,
 Чтоб искать он ее отправился
 И вернуться спешил скорей?..»
 Вышел сын и сказал: «Вдали,
 Есть вдали для меня невеста.
 А женщина нашей земли
 Как сестра, знакомая с детства,
 С ней ели мы хлеб вместе,
 С ней ели мы мясо вместе,
 С ее братьями мы друзья.

Потому ее брать нельзя
В жены, ведь с давней поры
Мне была она вроде сестры».
Так ответил нам сын непреклонный.
Таковы были прежде законы.

30. О ВАВЛЕ

Живет-поживает Вавлѣ,
Живет хорошо, завидно,
А с ним и племянник его
С молодою женой-инькой
Живет-поживает ладно,
Рядом, двумя чумами
Мы стоим, с общей площадкой.
Позвали меня однажды:
«Иди-ка сюда, племянник,
Иди-ка, иди, иди,
Разговор у нас будет важный!»
Пришел я. Сказал дядя:
«Десять лет мы уже не бывали
По нашим делам в Обдорске.
Жены-то наши бранятся,
Что, мол, носят одни обноски,
Потому что иглодок не стало,
Потому что истерлись наперстки;
И хлеб-то наш, мой племянник,
Давно весь покрылся плесенью,
Кусочки со дна ваньдея
Последние мы подбираем...
Так что, племянник, вместе
Ехать с тобой нам пора
В Большой Обдорск за товаром.
Привезем для хозяйства всякого
Нужного нам добра,
И еды привезем немало!»
Я готовлю упряжки в дорогу,
А запасов у нас много:
Добрые шкуры песцовые
На нарту одну я кладу,
Добрые лисьи шкуры
Кладу я на нарту другую...

Так стоят уже на поводу
Девять нарт,
Девять полных ваньдеев,
Набитых мехами отменными.
Но, тем не менее,
Недоволен я; хмурится дядя:
«Эх, на десятую нарту
Нам добра не хватило!..
Мало мы напромышляли,
Мало лис и песцов набили,
Нашей добычи мало —
Нет шкур для нарты десятой!»
Встали мы утром ранним,
Встали, оленей маним;
Пятьсот оленей у нас.
Подманили. Веревкой прочной
Я нарты связал, и тотчас
Мы с дядею в путь тронулись.
Неплохо мы едем, неплохо.
Спокойная нынче дорога.
Мы слышали, что неподалеку
Где-то озеро есть — Ларъяха.
Это озеро исстари славится
Широким своим размахом.
Так мы едем, племянник и дядя,
С мехами ведем девять ваньдеев.
Вот и озеро нам показалось
Вдали, и оно приближалось,
Незнакомое озеро, глядя
На него, мы не удержались
От слов восхищения с дядей:
«Большое оно, это озеро,
Ларъяха, и впрямь большое,
Это оно и есть».
Постоять мы решили здесь,
На льду, занесенном снегом.
Решил я все аргыши счесть,
Сколько обозов наехало
Сегодня на озеро это.
Стали мы посреди озера.
Я считаю, считаю приезжих,—
Насчитал наконец сто обозов.
Сто аргышей, сто обозов
Ларъяха-озеро держит.

В зимнюю пору лед
Злится, трещит от мороза.
Колкий стон ледяной идет
От глади Большой Ларяхи.
Так молчим мы, а лед трещит.
Вдруг слышим, кто-то летит,
Словно воздух тяжелыми взмахами
Колеблют мощные птицы.
Посмотрели мы и удивились:
Семь гусей летят, семь гусей.
Странен для этих дней
Над озером птичий полет!
Зимнего неба синей
Падают тени на лед.
«Дядя!» — воскликнул я горестно.
«Дядя! — воскликнул я. — Как?
Ведь гуси в зимнюю пору
Не летают!.. Должно быть, знак
Дурной нам с тобой подали,
Знак нам дурной подали,
Не вернуться ли нам назад?..»
(Действительно, это так,
Не летают зимою гуси.)
Вдруг увидели мы, что вожак
Крыло свое левое грустно
Опускает всё ниже и ниже.
Закричал я тогда: «Ты видишь,
Вожак-то крыло опускает!
Дядя, это дурной знак,
Видно, гусь этот что-то знает
И недоброе нам предвещает».
— «Пустое, что может знать
Эта обычная птица?
Разве может нам гусь предсказать,
Что с человеком случится?
Везде он, крылатый, бывает,
Везде он, крылатый, летает,—
Почему бы ему не летать
И над Большой Ларяхой?
К чему поддаваться страхам,
Всяким пустым приметам,
Что старики древние
Распустили когда-то по свету?
Ведь и птичью примету эту

Придумали для малодушных». Но я продолжал непослушно:
«Дядя, дядя мой, дядя, послушай,
Дай мне амдёр-подстилку,
Дай мне амдёр-подстилку.
Хочу ее отнести я
На тот берег Большой Ларъяхи,
Положить вместо пас-знака.
Эта шкура сухая, должно быть,
Успокоит нас иль растревожит
Еще больше, но всё же подскажет,
Продолжать ли дорогу нашу.
Дай мне, дядя, подстилку для знака!»
И на берег Ларъяхи тогда
Я шкуру отнес: «Стреляй-ка,
Дядя, в нее, стреляй-ка!»
Пустил он стрелу и попал,
Видно, в цель, потому что сразу
На шкуре сухой размазалось
Пятнышко яркое крови.
Следом за ним я стрелял —
По цели и я не промазал:
В середину шкуры попал.
Обратно подстилку принес я.
Подошли к нам люди с обозов,
На подстилку глядят, говорят...
Рассмотрели шкуру шершавую;
На ней, на амдёр-подстилке,
Пятно расплылось кровавое
После дядиного-то выстрела.
А от стрелы племянника
Никаких не нашли пятен,
На шкуре кровавый след
Другой не заметен, нет.
И я дяде сказал в тревоге:
«Нет, не будет нам доброй дороги,
Это пятно кровн —
Видно, дурной знак.
Отчего же оно появилось?
Ведь не бывает так,
Чтоб на сухой шкуре
Живая кровь выступала.
Но от стрелы твоей
Случилось вдруг небывалое,

Выступило пятно!
Дядя милый, и впрямь,
Знак это нам дурной!»
— «Пустое всё, перестань,
Видно, какая-то жилка
На шкуре этой не высохла,
В нее и вонзилась стрела;
Оттого-то пятно на подстилке
Кровавое-то и выступило.
Пустая примета — стрельба
По оленьим шкурам из лука.
То забава для бедных старцев,
Что в старину придумали
Когда-то в стрельбе состязаться.
Это всё пустое, племянник,
А нам ехать быстрее надо,
Ехать надо —
В Большой Обдорск.
Ведь туда мы свой путь держим,
Так продолжим его, как прежде,
И всякий забудем вздор».
Так двинулись мы вперед
По Большой Ларъяхе замерзшей,—
От езды загудел весь лед,
Лед затрещал тревожно.
Выехали мы на берег,
А в ушах еще треск стоит.
Вдруг вдали упряжка оленья
Показалась. Она летит
Прямо к нам, навстречу, всё ближе,
Всё ближе она, всё ясней,
Так что уже я вижу
Человека в нартах за ней.
Наконец она прискакала
И перед нами стала.
Поздоровались мы со встречным.
Спросил он: «Что вы за люди?»
— «Как Вавлë я везде известен,
А парень — племянник мне будет».
— «Забыл ты Большой Обдорск!
Давно же ты нас не проводывал.
Хорошо, что теперь сам едешь
И племянника даже везешь.
Ведь хотят тебя нынче князем,

Князем хантыйским избрать,
И послали меня с наказом
Всюду тебя искать.
Хорошо, что ты едешь сам.
Ну что еще нужно нам?..
Теперь мы поедem вместе,
К Большому Обдорску, дальше!»
Упряжки оленьи весело
Одна за другой скачут —
Так мы едем.
Вижу, вдали
Наконец заблестели огни.
То Большой Обдорск показался.
Нарядный,
Он так и сверкал,
Так и сиял огнями.
Это нас, должно быть, заметили,
Городскими огнями встретили.
Пошли мы пешком,
А за нами
Наш провожатый идет.
Вот и нашли мы тот дом,
Где Мохнатый Арсень живет,
А изб так много кругом,
Что, казалось, и не найдем.
Нам навстречу вышел хозяин:
«Парки-шубы свои снимайте,
Парки-шубы свои снимайте,
Снег отряхните
И в избу проходите».
Мохнатый Арсень, друг старый,
Сам снимает уже с нас парки,
Снимает,
В дом приглашает.
«Прибыли гости большие,
Прибыли гости большие», —
Мохнатый Арсень повторяет.
Вот в избу и вошли мы,
Вошли и сразу заметили:
Изба зеркалами сверкает,
Вся зеркалами сверкает,
И мы взгляды свои встретили
На ходу, с отражающих стен.
Пошли за Арсением по комнатам,

Прошли наконец комнат семь,
А в восьмой —
Стоит стол с едой
И много питья разного.
Это друг Мохнатый Арсень
Приготовил для нас.
В угол красный
Посадили дядю тотчас.
И меня усадить хотели
Возле дяди,
Но я отказался,
Просто так отказался, без цели,
В углу сидеть этом красном.
Вот все за стол сели.
Хорошо дяде, удобно.
А сам я с краю сижу.
Поднесли нам по кружке доброй.
Пригубил я лишь и гляжу,
Дядя пьет;
Вот одну уже кружку
Быстро он выпил и вот
Кружку вторую, как первую,
Опрокинул он залпом в рот.
Я подумал: «Ведь это скверно,
Так ведь он опьянеет совсем,
Опьянеет, что ж друг Арсень
Всё вино ему подает?..»
Жадно мой дядя пьет,
Будто вина не видывал,
Ничего не оставил —
Всё выпил.
Вдруг свет погас,
Вдруг погас
Свет в комнате разукрашенной.
Стало мне страшно,
Беспокойно тогда.
Подстерегает нас,
Понял я,
В этом доме беда.
Как свет зажегся, тотчас
Дядю схватили, прижали
К столу,
Он лишь смотрит пьяно,
Понял ли,

Что случилось с нами?
В красном углу
Дядю связывать стали,
Связывать, скручивать руки цепями.
На меня накинулись,
На меня накинулись,
А я в сторону прыгнул,
Я в сторону прыгнул,
Я махнул в сторону,
В сторону, вбок,
Перелетел я наискосок
Всю комнату,
Хочу на улицу
Выскочить-выбежать,
А двери закрыты,
Заперты двери.
Дело скверно,
Не знаю, как быть-то?
Хочу на улицу
Выскочить-выбежать,
Да только окошечко
Всё заколочено,
К нему прибита
Решетка железная.
Значит, два пути к спасению
Для меня закрыты,
А третий, другой путь есть ли?
Сел на шесток я в недоумении,
Думать стал,
Стал размышлять.
Всю избу оглядел опять,
Посмотрел вверх —
Небеса видны.
Тут я вдребезги
Печь разнес,
На крышу дома мне удалось
Прыгнуть.
Так я очутился
Сразу на воле.
Громко я крикнул:
«Надо мною струится
Неба свет!..
Гостем незванным
К вам буду стремиться,

Навсегда я запомнил путь,
Явлюсь к вам когда-нибудь,
Дядю своего навещу,
Дядю милого я навещу
Или череп его отыщу...
Ждите, приеду в гости,
Буду в Большом Обдорске,
Еще буду в Большом Обдорске
И за дядю вам отомщу!»
И побежал я туда,
Где остались наши олени...
Тем временем
Очнулся пьяный Вавлѣ,
Пришел в себя,
Глядит кругом
И думает он, отчего
Связали его,
Связали его,
Руки связали,
Скрутили цепями?
Думает бедный Вавлѣ:
«Что я сделал плохого,
Что плохого — кому?..
Нет, никогда не вредил никому,
Ничего я не сделал такого,
Чтоб связали меня,
Чтоб скрутили меня,
Чтобы воли лишили меня.
Это, видно, буржуи
Меня схватили,
Это, видно, буржуи
Меня скрутили —
Оттого здесь, плененный,
Лежу я».
Вавлѣ из избы выволокли,
На сани швырнули.
А Мохнатый Арсень —
Тут же,
А Мохнатый Арсень —
Тут же,
Рядом, следит за тем он,
Чтобы всё шло по порядку.
Сел на повозку он рядом
С Вавлѣ...

В путь тронулись медленно,
Повозок больших семь
Тронулись, семь повозок —
Прочь от ловушки-избы.
По льду по Оби
Ехали,
По льду по Оби
Ехали;
То рассветет,
То стемнеет...
Так и время двуцветной поступью
Скачет по льду Оби.
Наконец впереди наметились,
Разгорелись огни Мыжи-волости.
И пленник связанный также
Знает — это огни,
Огни Мыжи-волости.
Едут они
К тем огням, приближаются,
И вот уже вскорости
На пригорок въезжают.
На душе Вавлѣ
Сразу легче стало.
Быть может, усталого
Его и замерзшего
Сведут с повозки
В избу жаркую...
А они на пригорок
Уже въехали!
Заторопились,
Посреди волости
Остановились,
Семь больших повозок
Остановились
За большой оградой.
Люди в избу зашли,
Зашли ямщики и стража,
Устроились на ночлег,
А Вавлѣ с собой не увели.
Лежит он, лежит на спине:
Душит его кашель,
Слезятся его глаза,
А руки Вавлѣ связаны,
Самому их распутать нельзя.

Так мучительно время шло.
Совсем он застыл от холода.
Утро морозным облаком
На застывшую грудь легло.
Вышли сонные ямщики,
За ограду повозки вывели,
Из волости этой выехали.
Едут к берегу ближней реки,
Едут мимо камня Мыжи.
А там крест стоял,
Темный крест.
Издалека окрест
И теперь он виден еще.
А как мимо везли Вавлѣ,
То кресту он этому низко,
Как связанный мог, поклонился.
Долго ль везли его,
Теперь нам не скажет никто.
Только чувствовал он — река
Рядом застыла льдистая,
Только видел он — облака
По небу ползли слоистые.
Ко льду замерзшей реки
Выправили ямщики,
Остановили оленей
На берегу ветреном.
Стал их Вавлѣ умолять:
«Убейте меня теперь,
Здесь я приму смерть».
— «Зачем нам тебя убивать?» —
Говорили стражники важно.
«Нет, не верю словам я вашим,
Вы другое скрываете слово!»
— «Мы и впрямь не убьем, не можем
Тебя погубить живого».
Начал Вавлѣ опять
Их просить-умолять:
«Не могу я больше терпеть,
Пусть скорей придет моя смерть.
Всегда Катша Ваньки народ
Меня поминать будет.
Пусть скорей моя смерть придет!..
А еще меня не забудет
Инька Юра большой род.

Поминать меня станут их внуки,
Поминать меня станут их внучки.
Убейте меня вы лучше
Здесь же, теперь, без муки
Пусть на этом речном берегу
Я, Вавлѣ, сегодня умру».
Недолго его слушали.
В снег свалили его ямщики
И убили Вавлѣ, погубили
На берегу реки.

31. ЖИЛИ КОГДА-ТО ЯРАН И ЯРАНКА

Жили когда-то яран и яранка,
И было у них три дочери.
Однажды красавец один разудалый
Пробрался к ним в чум ночью.
Вот разбудил он старшую дочку...
«Что тебе, молодец, надо?»
— «Подари мне, девушка, свой платочек».
И вторую, спавшую сладко,
Разбудил он. «Чего ты хочешь?»
— «Дай мне колечко свое в подарок».
И уж будит он третью дочку.
«Что тебе, молодец, нужно?»
— «Ты сама мне нужна, красавица!
Выйдем из чума — послушная
Упряжка нас ждет шестерная.
На нартах — красивая малица,
Верх ее — желтый бархат,
Капюшон с черной опушкой
И ленточка голубая».
Сели они на нарты.
Тут крикнул проснувшийся яран:
«Куда, молодец, ты направляешься,
Дочку зачем увозишь?..»
— «Кольцо у нее обручальное!»
Взметнулся снег под полозьями,
Исчезла упряжка вдали.
А отец закричал в отчаянии:
«Дочку мою увезли!»

Старший Марка
 И младший Марка
 На улицу вышли как-то.
 Сидя вдвоем на нартах,
 Так они говорили:
 «Давно никого мы не жертвовали,
 Давно никого не душили.
 Пора уж пришла, наверно.
 Пожертвуем чем попроще,
 Задушим-ка мальчика тощего».
 В чум зашел тогда
 Марка младший
 И спрашивает,
 Насмехаясь:
 «Нашего мальчика тощего
 Вы обули, одели?..»
 — «Не сдурел ли ты
 В самом деле?
 Не сошел ли с ума, младший Марка?
 Иль пустое болтать не лень?
 Лучше духам другой подарок
 Сделай — дочку обуи, одень
 И, если хочешь, жертвуй.
 Ведь мальчоночка этот бедный
 Подрастает у вас не напрасно —
 Дрова бы возил он и пас бы
 Стадо ваше оленье...»
 Старший Марка вошел тоже,
 Отряхивается,
 Насмехается,
 Говорит: «Мальчика тощего
 Вы обули, одели?..»
 — «Не сдурел ли ты
 В самом деле?
 Свою дочь одевай,
 Обувай
 И жертвуй, коли охота.
 Ведь тощий мальчик дрова
 Мог бы носить, да пас
 Он бы оленей ваших,
 Он бы на вас работал!»
 Но вышел опять

Марка старший,
Чтоб оленей в загон загнать,
И младший пошел помогать.
Сто быков они отделили,
Поймали сто менуреев
И сто важенок заманили.
А потом пошли, поскорее
Схватили тощего мальчика
И обули его, и одели,
И повытянули нещадно,
Так что стал он не толще пальчика.
Прпадали три дня подряд,
И как медведи назад
Вернулись они, кровожадные...

33. ТРИ ВАЙ-БРАТА

Жили когда-то
Три Вай-брата,
Жили они бедно.
Ничего-то у них не было.
Сто оленей только,
Сто оленей
Братья имели,
Да что толку!
Жили они,
Промышляя охотой,
Но вот беда-то —
Им день-деньской
Ни зверь большой,
Ни малый зверь
Не попадается.
И говорят они меж собой:
«Что же нам делать теперь?
Всё напрасно ходим-стараемся!»
Старший брат тогда предложил
Среднему:
«Давай вдвоем
Младшего брата мы принесем
Духам в жертву».
Схватили они младшего брата
И положили его на нарты,

На большую сопку его повезли,
Что темною кручей виднелась вдали.
Говорит младший брат:
«Нет, я сейчас
Подожду умирать,
Ведь не будет удачи у вас».
А старший всё спрашивает:
«Может, мы все-таки
Брата младшего
Пожертвуем духам?»
А тот возражает ему: «Не только
Не будет у вас на охоте удачи,
Но станет совсем худо».
А старший всё спрашивает:
«Тогда, может, пожертвуем
Среднего брата?»
— «И то правда»,—
Согласился младший.
Согнали они
Оленей в кучу,
Поймали они
Одного менурея
И среднего брата
Повезли скорее
На дальнюю кручу.
Смотрит младший брат
На большую Халимер-сопку,
А у среднего брата ручьем
Слезы льются.
Наконец приехали,
Сошли с нарт,
Огляделись кругом
И говорят
Жертве своей брата оба:
«Вставай, пора».
И задушили они брата среднего
На высокой Халимер-сопке.
Тут старший брат
И сказал младшему:
«А ты и не вздрогнул,
Ты даже не вздрогнул,
Мой брат».
И ответил тот:
«Мне не было страшно!»

Потом менурея пришел черед —
Братья его задушили
И кровь оленью пустили.
Зовет старший брат
Ехать назад.
Тронулись в путь,
Покинули мрачное место.
Приехали в чум,
А ведь нечего есть-то.
Так прошел целый год,
И его не вернуть,
Незаметно время идет.
Старший брат говорит:
«Невозможно так жить,
Не сходить ли куда-нибудь?»
Младший брат отвечает:
«Поди-сходи,
Коль тебе охота,
Всё вокруг обойди».
Старший брат ушел на охоту.
Бродил он сутки целые
И не поймал ничего-то,
Ничьего-то следа не встретил
И явился к младшему брату:
«Ни с чем я пришел обратно,
Ничего не попало снова!»
И младший ему ответил,
Ответил ему: «Ну что же,
Тогда приготовься к смерти,
Принесу тебя в жертву тоже».
Старший брат лишь голову
Уронил низко.
А младший брат продолжает:
«Что ты голову опускаешь?
Не в Хосейду ли ты замышляешь
Бежать от меня? Нет, близко
От нас Халимер-сопка,
И мясо того менурея
Жертвенного
Еще свежо!»
Оленей запряг порезвее
И брата садиться торопит
В нарты.
У старшего брата

Льются слезы ручьем.
«Что же ты плачешь,
О чем?»
— «Не плакать мне, брат, как же,
Этой Халимер-сопки дальше
Ведь пути моего не продлить!
Пойду я за братом средним.
Даже мясо оленя первого,
Жертвенного менурея,
Еще не успело сгнить».
Младший брат задушил старшего,
Землю кровью оленьей измазал.
И назад повернул упряжку,
И не оглянулся ни разу.
Собака к нему навстречу
Из чума рванулась клубком,
Ей он крикнул еще издали:
«Мы с тобой остались вдвоем,
Яндо-собака!» Легче,
Легче стало ему на сердце.
Ведь всё, что у братьев имелось,
Принадлежит лишь ему.
Сутки прошли. Есть нечего.
Собака скулит. Потому
Отправился я на охоту,
Отправился я на охоту,
Отправился я на охоту
И принес домой сто песцов,
Положил возле нарт заботливо:
«Повезло ведь в конце концов!»
И собаке своей велел я:
«В кучу сгони оленей,
Свататься я поеду
За семь земель.
Буду ездить я семь дней».
Яндо-собака
Стрелой метнулась
И обежала малое стадо,
Погнала оленей,
С ними вернулась.
Кружат олени вокруг чума.
Я схватил аркан,
Аркан стосаженный,
И, не долго думая,

Сразу поймал четырех оленей —
Я четырех хапторок поймал.
И опять своей собаке сказал:
«Еду я,
Еду за семь земель.
Посватать мне девушку надо.
Дочкой единственную она
Приходится старому Ламдо.
Ты смотри карауль оленей,
Вот забота твоя одна!»
На оленей лямки надел я,
Шкуру белого менурея,
Шкуру белого менурея
На амдёре я разостлал.
Дорогих песцов своих после
Сзади к нартам я привязал,
А потом собаке сказал:
«Наверное, так просто
Не отдадут мне невесту».
И поехал, и крикнул весело:
«Семь суток я буду ездить,
Ведь нам мастерица нужна
Чай варить!» Яндо-собака
Осталась у чума одна.
Я вдаль помчался
Неутомимо,
Не задерживаясь ни на минуту,
Много сопкок проехал мимо,
А на седьмые сутки
Мне показалась
Большая-большая сопка.
Ой-ой, ну и чум огромный,
Как гора на горе торчит,
А возле него стоит
Старуха, сама ростом с чум.
Я только смотрю и мчусь
Вперед, про себя думаю:
«Старого Ламдо чум это,
Старого Ламдо».
И еще быстрее
К той сопке лечу:
«Не откажут мне пусть —
Всё равно я женюсь».
Наконец я к чуму приблизился.

Ламдо-старик глядит,
Слышно, как он говорит:
«Это младший Вай к нам приехал»
Кто-то в чум зашел,
Кто-то вышел,
Наверное, дочь его — вижу,
Тоже ростом она высока.
Вот и всё, что я понял пока лишь.
Остановился тогда
И привязал свой аргыш.
Суетится, снует невеста,
Переходит с места на место.
Я думаю:
«Нет, не напрасно,
Нет, не напрасно сюда
Я приехал издалека».
Так я думаю радостно.
Подошел я к чуму поближе.
Мне навстречу старик вышел.
За руку мы поздоровались,
Говорит мне тот Ламдо старый:
«Рад тебя видеть снова,
Добрый сын ярана.
Давненько мы не видались,
Откуда свалился ты, парень?»
Отвечаю:
«Я ехал семь суток».
А Ламдо меня привечает:
«Гостем в чуме моем будь ты,
Входи!» Я вошел, осмотрелся:
Там старуха сидит на месте
Своем, в углу, но одна она
Словно весь чум заполонила.
И крикнул старик Ламдо:
«Вы что, ничего не поняли?
Не без дела, видно,
К нам гость прибыл,
Молодой Вай.
Ставьте скорее чай!»
Чайник взяла молча
Тогда хозяйская дочка
И над огнем повесила,
Украшенья-то в косах весело
Побрякивают, позвякивают.

Старик указал мне место:
«Садись, ты, верно, по делу
За семь земель приехал?»
Тут рядом присел я
Со старухою-великаншей.
Молча сидит старуха,
Ничего у меня не спрашивает.
А дочка всё ходит, ходит,
И косы ее то глухо,
То звонко ведут свою песню.
Не выдержала хозяйка:
«С чем прибыл ты, Вай младший?»
Я сказал ей тогда: «Известно,
Что в чуме вашем невеста,
И вот я приехал сватать».
Ответила мне великанша:
«Ничего, ничего я не знаю...»
И я повторил просьбу,
К хозяину обращаясь.
Подсел он ко мне просто:
«Что отвечу младшему Ваю?..
Ведь ты прибыл издалека,
Дать тебе, что ли, холст?»
А дочка его тогда
Стала еще быстрее
По чуму сновать, суетиться.
Волненье мое улеглось.
Понял: договоримся.
Стали готовить чай.
Говорит мне старик: «Ты знай,
Что я дочь не отдам даром».
Успокоил я старого Ламдо:
«Я здесь не с пустыми руками,
Сто песцов я с собой привез,
В самом деле, беру не холст».
Я вышел из чума, принес
Белых песцов роскошных.
И молвил довольный Ламдо:
«Ну и ладно, ладно,
Дочка, выкуп хороший».
А потом прикрикнул
На свою старуху:
«И чего это ты
Не развяжешь ваньдей,

Не видишь разве —
Дело к свадьбе?»
Еле-еле встала
Со своего места
Старуха Ламдо.
Ей и в дверь не пролезть-то.
Кое-как она
Протиснулась всё же,
Вышла на улицу и развязала
Средний ваньдей, один из шести.
Тридцать литров вина
Нужно ей занести
В чум осторожно.
Вот заносит старуха
Самокур молча.
Всё вертится дочка,
И косы ее то звонко,
И косы ее то глухо
Переговариваются друг с другом.
А я и Ламдо за самокуром
Стали сидеть.
Старик захмелевший мне говорит:
«Что же ты здесь
Упряжку свою еще не распряг?»
— «Пусть постоит,—
Отвечаю,—так,
Не распрягаю ее нарочно,
Не для того она
Запряжена».
И хозяева стали свою дочку
Собирать в дорогу.
У них одна
Собака была
По кличке Белёо,
Как снег бела.
Ламдо-старик ей крикнул строго:
«Белько, ну-ка оленей сгони
В кучу —
Все тридцать тысяч!»
Та метнулась привычно
Клубком прыгучим,
Отбежала за стадо,
Оленей согнала
В кучу, стоят, теснятся они.

Ламдо-старик мне говорит:
«Младший Вай,
Аркан бери,
Невесте оленей в упряжку поймай,
Какие понравятся — выбирай!»
Так я и сделал.
Смотрю, выбираю.
А старик за мною ходит по кругу,
Держит в руках вожжи из шкуры
Зайца морского.
Как я оленя найду-поймаю,
Сразу его он к вожже привяжет.
Так понемногу
Мы с ним набрали четверную упряжку.
Но старик глянул
И говорит:
«Нет, четыре оленя,
Нет, четыре оленя, видать, не потянут,
Оленя пятого ты присмотри».
Поймали и пятого.
Олени, к вожже привязанные,
Стоят ждут.
«Вай младший,
Ты найди еще тут
Хороших оленей на пять упряжек!»
Поймал я оленей-быков десять.
А мать собирает свое детище,
В дорогу далекую собирает.
А девушка упряжь уже надевает
На выбранных мною оленей,
И от ее движений
Лишь позвякиванье-побрякиванье
Доносится частое.
Наконец, запрягают аргыш.
А запрягая, печально
Мать у нее спрашивает:
«Дочка моя единственная,
Может, когда-то раньше,
Раньше ты с ним встречалась,
С Ваем младшим,
Впервые его увидела не сейчас?»
Дочь отвечает: «Маменька,
Я видалась с ним тогда же,
Когда и вы в прошлый раз.

Я была совсем еще маленькой,
Когда они приезжали».
Приготовила ей мать
В дорогу ваньдеев пять,
Набитых с верхом, огромных.
А у дочери-то постромки
Только снег,
Только снег бороздят.
Всё уж к отъезду готово,
Но в чум мы зашли снова,
Стали вино допивать.
Сама Ламдо-старуха
Развеселилась, запела,
Начал старик подпевать.
А я их слушал вполуха,
А я не хотел медлить
И прервал их пенье, сказав,
Что ехать уже нам надо.
Мы распрощались с хозяевами,
И вышла со мной дочка Ламдо,
Побрякивая, позвякивая.
Тронулся в путь аргыш.
Я помчался первым —
Вай младший,
Невеста — за мною следом.
Немного отъехали,
Оглянулись назад —
Пятьсот оленей
За нами летят.
Крикнула дочка Ламдо:
«Остановись, посмотри!»
Я послушался. Говорит
Мне она: «Приданое
Вот у меня какое!»
Я ответил: «Стадо большое,
Пусть подтянется, подождем».
Подтянулись олени отставшие,
И невеста сказала потом:
«Ты вперед поезжай,
Вай младший,
А я сзади их буду гнать».
Так мы сделали.
Первым я поехал опять,
Показывая дорогу,

А невеста моя умело
Пред собою оленей гонит,
Гонит оленей...
Долго,
Семь суток мы ехали с нею,
Пока мой маленький чум
Наконец-то не показался.
Остановились. Спешу
О делах ей своих рассказать:
«Видно, собаке Бельке
Надоело меня в чуме ждать».
— «Отчего же ей надоело?» —
Невеста меня спрашивает.
И снова я дернул,
Вай младший,
Своего вожжевого оленя.
И упряжки помчались быстрее,
Предчувствуя скорый отдых.
Так мы подъехали с нею
Прямо к чуму. Сходим
Мы с нарт и
Думаем: «Кончился путь».
Тут из чума ко мне навстречу
Собака моя вылетает
И громко и радостно лает,
И прыгает мне на грудь,
Кидается мне на плечи,
Вокруг меня так и кружит,
Довольна, что я приехал...
«Ламдо-дочь, распрягай оленей,
Оленей сама распрягай».
Ведь сегодня я, младший Вай,
В чум свой привез хозяйку,
Мастерицу варить чай.
Побрякивая, позвякивая,
Распрягла их и в самом деле,
И потом мы зашли в чум мой.
Ламдо-дочка в дверь еле-еле,
В дверь еле-еле пролезла,
О чем-то своим думая
И осматриваясь с интересом.
Оглядела всё,
Взяла чайник
И начала хозяйничать.

Может, день прошел,
Может, нет,
Сказал молодой муж:
«Я на охоту схожу,
Надо всё вокруг осмотреть».
И он обошел всё окрест,
И снова ему повезло.
Перед тем как в свой чум пролезть,
Он на нарты швырнул сто песцов.
Дочка Ламдо и та изумилась.
«Ну и добрый же ты охотник»,—
Сказала она довольно.
И стали они жить в мире.

34. О ВЭЛИ

Живут-поживают люди
Из Вэли старого рода.
Всех их немного будет —
Отец и сынов его девять,
Но живут они счастливо вроде.
Люди Вэли владеют
Сотнею добрых оленей,
Сыновья сами дичь добывают,
Добычу домой приносят.
Удачно всё промышляют:
Часто в море они выезжают,
Зверя оттуда привозят:
Нерпу, морского зайца.
И на суше глаза разбегаются
От обилия разной дичи,
Куропаток и уток ищут,
Всякой хватает добычи —
Много и шкур и пищи.
Так мы живем,
Так живем
Удачливо вдесятером.
Имела земля наша
Границу-межу с харачеями.
Вот охотился сын младший
Вдоль межи и видит — за нею,
Вдали пролетает гагара.

Он прицелился, не удержался.
Младший сын подстрелил эту птицу,
Младший сын подстрелил эту птицу
И увидел, она упала
За харачейской границей.
«Ох, и скверно же получилось,—
Он подумал,— ведь я не смею
Пересечь межу харачеев,
За подбитой сходить птицей.
Ведь там, за чужою границей
Упала она, как мне быть?»
Не посмел он переступить
Харачейской границы-межи.
Так несколько дней он прожил
В предчувствии скорых бедствий.
Наконец харачеи пришли,
Упрекая нас в злом соседстве,
И гагару ту принесли,
Положили перед отцом:
«Что ж на земле чужой
Охотитесь вы тайком
За нашей границей-межой?
Зачем вы подбили нынче
Гагару на нашей земле,
И у вас ведь полно дичи,
Так зачем вам добыча извне?»
Так корили нас харачеи.
Младший сын возразить не смел,
Ответил отец сам:
«Что ж вы спорите, словно старухи,
Из-за этой гагары тухлой
И зачем принесли ее нам?
Не нужна никому эта птица».
— «А если она не годится,
Так нечего было стрелять,
Незачем было дурачиться,
Ведь ходим и мы промыслять,
Но обходим границу подальше,
Межу мы не переходим
И дичь твою не переводим,
Да еще для забавы глупой.
Ладно, теперь мы уходим,
Но как-нибудь в гости прибудем,
И не рады вы будете нам».

Дни прошли, и явились впрямь
К нам нежеланные гости.
Много у них народа,
Людей враждебного рода.
Со стрелами смертоносными
Комариною тучей чернели
Прибывшие харачеи.
У меня-то всего девять
Сыновей, а сам я — десятый.
Думаю, что же делать,
А враги говорят: «Давайте
Воевать, воевать давайте!»
Они изготовились. Встали
На границе-меже харачеи
И осыпали нас стрелами.
Сам я думаю:
«Как нас мало,
Только девять моих сыновей и
Сам десятый я, как нас мало!
Если солнце увидеть красное
Суждено еще нам, не напрасно
Будем биться мы, не напрасно!
Если небо увидеть ясное
Суждено еще нам, то бояться
Нам не стоит, сильными сразу
Пусть мы станем, врагов побьем!»
И еще я подумал о том,
Что коль мы еще пройдем
По сырой земле по родимой,
Пусть наполнимся новою силой
И всех саю своих разметим.
Тут я начал пускать подряд
Стрелы свои в харачеев.
И в меня их стрелы летят,
Но пока что все невпопад.
Так мы стрелы с обеих сторон
Пускали друг в друга долго.
Стрелы кончились у врагов,
А у нас еще стрел много.
Я гляжу:
Вот мой младший сын
Стрелы пускать начал.
Полетели они на межу,
Принося роду Вэли удачу.

Вижу, в толпе саю
Стрелы воргу-путь пробивают,
Там, где оземь стрела ударится,
Народ толпами так и валится...

35. ЕВИЛЁ-БРАТ

Известно, что в старину
Яран и яранка жили.
Добрую дочь одну
Взрастили да доброго сына.
Жили они, поживали,
Никакой тревоги не знали.
Но вышла однажды дочка
На улицу поздней ночью
И слышит, что вдалеке
Трещат на большой тропе,
Ломаются сучья крупные,
И малые сучья хрустят
На малой тропе.
К себе
Сразу в чум она повернула,
Закричала: «Евилё-брат,
Евилё-брат, ты послушай,
На большой тропе —
Крупные сучья
Ломаются и трещат,
И на малой тропе
Ломаются и трещат
Сучья мелкие!»
Евилё-брат немедля
Лыжи, обитые шкурой выдры,
Надел и к лесной избе
Помчался, и только видно,
Как метет из-под лыж пурга.
Вскочил и отец тогда,
Большой тревогой гоним,
На лыжах, обитых шкурой бобра,
Побежал — лишь пурга за ним.
Ждали женщины до утра,
Дочь огонь развела,
Но пришел только брат один:

«Скорее, скорее, скорее, сестра,
Спрячь в ваньдей ты нашу мать.
Не смог я отца уберечь от врага,
И пришлось самому мне бежать».
Матушку спрятала дочь тогда.
Снова умчался в лес Евилё.
Времени мало совсем прошло,
Как врагов иалетела туча.
И говорят семь саю:
«Евилё-сестра молодая,
Ну-ка, чум свой скорей разбирай,
Собери всех оленей в кучу,
По узкой ворге вперед поезжай!»
Чум сестра разбирает,
Видит, с малой тропы выбегает
Пелей ее брата,
Олень с белой меткой на лбу.
Обежал он большую нарту
Своего хозяина трижды
И потом на большую тропу
Повернул, и сестра услышала,
Трижды хоркнул он на скаку.
Чум сложила тогда сестра.
Оленей согнала она
В послушное ей стадо,
Запрягла
И села сама на нарты,
Спрятав голову под сукно,
И поехала, как велели
Враги ей,—
По узкой ворге.
Упряжные ее олени
Вбок вдруг метнулись в тревоге.
Высунулась тогда
Девушка из-под сукна,
Осмотрелась.
Видит она,
Перед ней — Евилё-брат.
Всё снаряжение военное,
Что от отца осталось,
Велел ей достать немедленно
Из ваньдеев, дать ему.
«А сама поезжай,
Ставь чум!»

И снова они расстались.
Сестра немного отъехала
И распрягла оленей.
Чум начала ставить.
На упряжках семи показались
Семь саю.
Внезапно ездок
Первой упряжки вынул
И кинул у ее самых ног
Отца несчастную голову,
Отрубленную в бою:
«Ну-ка, сделай похлебку свою
Или айбарч приготовь —
Мне не нужна она больше!»
Но дочка
Ему отбросила
Голову прямо на иарты.
Он снова ее швырнул,
И она отшвырнула обратно,
Говоря им такие слова:
«Вам нужна была,
Вы и ешьте —
Зачем мне его голова!»
— «А брат твой уехал куда?»
— «По дороге старой валежной...»
Помчались враги в погоню.
Евилё притаился в ложбине.
Саблей взмахнул он только —
Семь голов отлетели от туловищ.
Так семь саю убил он
И к чуму скорей повернул.
И сказал он своей матери:
«Завтра надо пораньше встать мне,
Прокачусь-ка я ненадолго,
Ждите и плакать не смейте!»
Собрал он оленей утром,
Лямки надел им на шеи
И поскакал по дороге,
Что его привела к трем чумам.
Как залаяли там собаки,
Женщины сразу выбежали,
Закричали они: «Однако
Семь упряжек ведь мы проводили,
Чтоб Евилё убили,

А он, поглядите, жив еще!»
Евилё разгневался, вытащил
Людей, что в чумах попрятались,
И со всеми своими врагами
Без сожаленья расправился
И в путь обратный отправился.
Вернулся, сказал: «Надо
Теперь нам двигаться вместе!»
Помчались. Удобное место
Себе нашли для стоянки,
А потом, как утро настало,
Мать достала богатые лямки
И сама запрягла упряжку —
Всё свое дорогое приданое.
И на этой упряжке дальше
Брат Евилё ускакал.
Три чума на дальней равнине
Ему показались вскоре.
Из среднего чума один
Человек вышел, сказал:
«Этого вожжевого
Я помню, ведь он из приданого
Моей сестры, ее сын,
Значит, на этих нартах!»
В средний чум зашел Евилё.
Накормили его с дороги,
Напоили вином его,
Так что он захмелел немного,
Стало ему веселее.
А у дяди дочка была,
Она Евилё приглянулась.
Видит, она пошла
На улицу — он за нею,
Схватил, посадил на нарты
И умчал — лишь пурга взметнулась.
И скоро уже он был
В чуме своем с невестой.
Назавтра к нему дядя вместе
Со всей родней прикатил:
«Коль сумел ты ее увезти,
Твоя она, Евилё!
А догнали б вас на полпути,
Не видать бы тебе ее!»
Сыграли они свадьбу —

Пировали и веселились,
А потом отправились к дяде.
Дал он дочери семь вандеев,
Что приданым ее были.
А к нартам безрогую важенку
Он привязал. За упряжкой
Побежала она, и другие
Олени за нею следом.
Стаду конец еле виден:
Все важенки этой дети —
И малые, и большие.
Вернулись в чум Евилё,
Стали снова есть-пировать,
Стали дружно жить-поживать,
И теперь живут хорошо.

36. ГОРНОСТАЕВЫЙ СОВИК

Горностаевый совик
До предела заношен,
Ссохся весь до пупка,
И поэтому он хозяином брошен
Для батрака.
Вот и прозвище новое
Для слуги готово:
Все зовут его —
Горностаевый Совик,
И сам он к нему привык.
Пока хозяева чум разбирали,
Горностаевый Совик
Пошел к стаду,
Горностаевый Совик
Подогнал оленей.
А хозяева взяли
Гибкие ремни,
Заарканивать стали
Оленей своих.
«Горностаевый Совик,
Горностаевый Совик,
Загон распусти!»
А оленей ему не дали.
Как упряжки себе приготовили,

Двинулись в путь,
А батрак
Пешим остался, так
Пошел он в конце стада,
За ними погнался следом,
А стадо было немалое —
Десять тысяч оленей.
Шел он, его подгоняя,
И посмотрел назад.
Глядит, по дороге льдистой
За ним упряжки летят,
Нагоняют его, скрипят
Полозья — олени быстрые.
Упряжка одна медная,
А другая упряжка серебряная —
На солнце так и блестят.
Развернулась упряжка первая
И перед ним прямо
Остановилась. Упрямо
Он прошагал по постромкам,
Про себя думая только:
«Спросили б меня о чем-нибудь,
Да язык ведь не поворачивается».
И серебряная упряжка
Тут перед ним разворачивается.
Но он поступил так же,
Как с первой упряжкой, медной,
По постромкам прошел снова
Совик Горностаевый бедный:
«Если ждут от меня ответа,
Что ж язык-то не поворачивается?»
— «Совик Горностаевый,
Совик Горностаевый,
Кто хозяин твой,
Кто хозяйка?..»
И тогда он в ответ молвил,
На упряжки взглянув угрюмо:
«Надо мною здесь все и всякие
В десяти чумах
И хозяева и хозяйки!»
— «Совик Горностаевый,
Совик Горностаевый,
Ты не знаешь разве —
Над тобою хозяин

Белый Совик,
И его жена —
Хозяйка твоя?»
Горностаевый Совик
Подошел к их чуму,
Горностаевый Совик
На утицу сел, и
Грузовые нарты
Под ним заскрипели.
Вышла жена Совика Белого,
Говорит:
«Всё, что надо,
Уже ты сделал?
Ты проверил оленей?
Ты воды натаскал,
Наносил ли дров ты,
Чтоб сидеть без дела?»
Совик Горностаевый
Дров полный воз
Натаскал и воды
К их чуму принес,
И проверил оленей,
И сел словно тень он
На утицу снова, усталый.
Сидит Совик Горностаевый
И с удивлением думает:
«Куда же все подевались?
Что такое случилось в чуме? —
Не видеть никакого движения,
Не слышать никакого звука».
Рукавицами друг о дружку,
Согреваясь, батрак стукнул
И почувствовал вдруг скольжение
Удивительное, воздушное —
Это он полетел в самом деле.
Чуть выше его — облака,
Чуть ниже его — деревья...
Так летел и летел он, пока
Не опустился на землю,
Где у Пыю, у старика,
Находился большой чум.
Сел у чума батрак и услышал
Непонятный тяжелый шум.
Вот наконец вышел

И сам Пыно-старик
И говорит ему:
«Горностаевый Совик,
Горностаевый Совик,
Что ж ты в чум не заходишь,
Что ж ты в чум не заходишь?»
Горностаевый Совик
Ему отвечает:
«Для чего залучаешь?
Для чего привечаешь?»
Пыно-старик
Объясняет охотно:
«Полный чум у меня народу,
Полный чум,
Но всё никому
Не удастся лук-стрелу
Сдвинуть мою ни на сколько».
Вошел Горностаевый Совик,
Вдвое согнувшись при входе.
Действительно, чум полон
Сидящего в нем народу.
Не напрягая сил,
Стрелу он у Пыно взял,
И лук спокойно поднял,
И в мокоту их запустил.

37. ДЕВУШКА МЯГКИЕ ВОЛОСЫ

В старину
Яран и яранка жили.
Четверых сыновей взрастили
И добрую дочь одну.
Звали ее —
Мягкие волосы.
Отец с матерью померли,
Дети осиротели.
И сыновья добрые
И добрая дочь захотели
Отправиться в страны дальние,
Отправиться к синему морю.
Самый младший брат погоняет
Оленей,

Самый младший брат поднялся
На холм, и воткнул в землю
Харей четырехсаженный,
И подскочил высоко,
Через харей перепрыгнул
Большим прыжком,
Приземлился так далеко,
Что его и не видно.
Сел на нарты, вперед помчался,
Оглянулся назад — за ним
Три упряжки бегут-стремятся...
Положил он харей и вожжи
На нарты, стал дожидаться
Догонявших его: «Давайте
Прыгать и состязаться!»
Воткнули в землю харей.
Но преграду никто не смог
Перепрыгнуть, лишь младший сынок
Легко ее преодолел.
Он снова у братьев требует:
«Теперь бороться давайте!»
Стали они состязаться...
Он о землю хватил одного из них —
Изо рта у брата кровь брызнула.
Второго на землю бросил —
У того сразу кровь из носу.
Ударил об землю третьего —
У того изо рта и из носа
Хлынула кровь. «Теперь-то
Ты, брат, всех нас сильнее,
Но мы это тебе припомним».
Схватили они харей,
Сели на нарты, уехали.
Младший брат, не думая долго,
Пошел по оленьему следу.
Взглянул он — ведут к морю
Медведя следы белого.
«Ну-ка, Мягкие волосы, — скоро
Догнал он сестру, — медный
Аркан мне достань немедля,
Что от отца-покойника
Остался. Пойду на медведя!»
Сестрица взмолилась: «Братец,
Брось думы свои беспокойные,

Ведь нам от отца досталось
Много добра, полнятся
Вещами, едою разною
Ваньдеи, что нашей матерью-
Покойницей были припасены.
Зачем подвергаться опасности?»
Но ее не послушался братец,
Взял себе всё, что надо,
В середину оленьего стада
С медным арканом забрался.
Выбрал в конце концов
Четырех оленей яловых.
Точно острые морды песцов,
Оленьи морды торчали.
Сел на нарты он и помчался
На оленях песцовомордых.
Ведет след медведя белого
К самому морю.
Младший брат поехал по льду.
Полыньи шириной с оленью
Вожжу перескакивает на лету,
Полыньи шириной с аркан
Перепрыгивает он, едет.
Крайний пелей упал наземь,
Спрыгнул юноша с нарт,
Перерезал одним ударом
Ножа и ремень и узду.
Помчался опять младший брат
За медведем по льду.
Вот свалился пелей второй.
Узду перерезав и ремни,
Мчится ездок вперед.
Обессилел и третий пелей,
Остался один вожжевой.
А юноша едет, не медлит,
Но пал и олень последний.
Бросил нарты свои младший брат,
На шею аркан медный
Повесил, пошел пешком.
Широкие полыньи
Перепрыгивает, перескакивает.
Долго ли он шел —
Прибыл к устью реки.
Слышно, лес рубят, стучат,

Значит, где-то жилье рядом.
По речному берегу брат
Направился, местность оглядывая.
Видит, лодка стоит медная.
Сел он в нее, от берега
Отъехал, веслом толкает.
Вверх поплыл по теченью медленно.
Вдруг из бора к нему выбегает
Сюдбей. «Отдай мою лодку,—
Говорит он,— куда уводишь?»
А тот его словно не слышит.
Сюдбей спустился в воду,
За край медной лодки схватился,
Тянет к себе ее. Вытащил
Юноша нож, ударил
По пальцам Сюдбея, только
Пальцы со звоном упали,
Покатились по дну лодки.
Дальше поплыл он. Вскоре
Посмотрел в сторону бора.
Показались холмы знакомые.
Чуть проплыл — и причалил к берегу.
На вершину холма высокого
Взобрался, глядит, наверно,
Те три чума, что средь равнины
Одиноко стоят,— чужие.
«Ведь не будут же наши мужчины,
Три брата, жилища отдельные
Ставить. Дождусь-ка вечера» —
Так младший брат подумал.
Вечер пришел. Стемнело.
Незаметно подкрался он к чуму,
И собаки-то не залаяли.
В окошечко голову сунул,
Видит, жена брата среднего
В чуме сидит нахохлившись.
Муж ей велит разуть его,
А ей этого делать не хочется.
«Что упрямство свое неразумное
Выказываешь, иль не терпится
Судьбу младшего деверя
Тебе испытать? За медведем
Белым погнался он сдуру,
Так и сгинул, где — неизвестно».

Жена бросилась к мужу, разула
Его и обувь швырнула
В разные стороны. Юноша
К чуму второму направился.
Там тоже сноха упрямится,
Своего мужа не слушается,
Не желает постель стелить.
«Уж не хочешь ли ты повторить
Младшего деверя долю,
Что сгинул где-то один,
Или долю ваших мужчин,
Что вместо машила вволю
Торчат на вершине холма?»
Вскочила стелить она.
Направился юноша после
К третьему чуму, глядит,
Сестра его, Мягкие волосы,
К мужу спиной сидит.
Муж велит ей выловить мясо
Из супа, а та не слушается.
Говорит муж: «Не хочешь ли уж
Испытать судьбу брата, Хозяина
Четырех песцовомордых оленей?
Делай то, что тебе велено,
Или ждет тебя доля деверей,
Судьба твоих братьев злая!»
Сестрица Мягкие волосы
Стала мясо ловить из супа,
Кусочки получше нащупав,
В симарузь незаметно бросила.
Подобрал их и съел брат голодный.
Воцарился в чумах покой.
Выдалась ночь холодной.
А у яранов обычай такой:
Выходят на улицу женщины
По своей нужде — далеко,
На полверсты, не меньше,
Уходят они от жилища.
Притаился там младший брат.
Вот первая женщина вышла
И потом вернулась назад,
Вышла сноха вторая
И тоже домой ушла.
Младший брат сидит, поджидая.

Наконец и сестра пришла.
Прикрыл он ей рот ладонью:
«Не кричи, говорит, не кричи,
Я не дух, что бродит в ночи,
Я — Хозяин песцовомордых
Четырех оленей, твой брат,
Веди, говорит, сестра,
Меня к чуму и в ваньдей спрячь,
Посижу я в нем до утра.
А утром, когда запрячь
Быстроногих наших те выйдут,
Ты так скажи, мол, не вами
Эти олени выхожены,
Не для вас быстроногие выращены.
Пусть бить муж тебя станет —
Я тогда из ваньдея выскочу».
Всё так и случилось после.
Как стали готовить упряжки,
Сказала Мягкие волосы:
«Не для вас быстроногих выращивали,
Не холили вы их сами,
А теперь запрягать стали!»
Бросился муж к ней с бранью,
Избивать ее начал нещадно.
Тут младший брат выскочил,
Так что ремни порвались на ваньдее,
Накинулся на обидчика,
Убил его. Все остальные
Побежали. Успел он нагнать их
И в отместку так сделать решил:
«За все дела ваши злые
Стойте мертвые вместо машила
На холме, где стояли братья!»
Уничтожив своих врагов,
Сделал из чумов трех
Себе он одно жилище.
Стали жить-поживать с сестрой.
Сидят они как-то раз,
Говорит он: «Может, разыщем
Последнего нашего брата?»
— «Не знаю, где он сейчас,
Убежал с семьею куда-то».
Младший брат посреди стада
Улегся, закрыл глаза,

И вдруг слышит он, совсем рядом
Раздались голоса.
Люди оленя ялового
Схватили, в жилье утащили.
Оказалось, они землянку
Неподалеку отрыли.
Подошел брат вплотную к ней,
Стал кричать: «Ну-ка, брат мой, открой!»
А тот шепчет жене: «Не смей,
Приготовлю сначала топор!»
— «Не доводи до греха,
Это я ведь, твой брат родной!»
И сказала тогда сноха:
«Это голос твоего брата,
Муж мой, топор брось».
Впустили его, рады,
Что свидеться им довелось.
Вывел их брат наверх
К своему чуму просторному.
Уничтожив врагов своих всех,
Стали жить-поживать спокойно.

38. ЖИЛИ ЧУЖЕЗЕМЦЫ КОГДА-ТО

Жили чужеземцы когда-то,
Люди богатые.
У чужеземцев парень,
Парень один батрачил.
Работать у них он начал
С юных лет.
Жилось батраку тяжело:
Голоден, плохо одет,
Малица у него, бедняжки,
Из шкуры весенней оленьей,
Ветер холодный гуляет
В дырах ее угреватых.
А хозяйская дочь, как известно,
Хитрой и злой была.
Однажды богач-чужеземец
Их вместе послал по дрова.
Парень дрова колет,
Парень дрова колет,

А девица сняла вскоре
Пояс свой, побежала одна
К родителям в чум она.
Яран-парень
Дров наколол
И тоже пошел обратно,
Потянул тяжелые нарты.
Вышли к нему навстречу
Мать и отец девицы,
Хозяева, с гневной речью:
«Ты зачем
Нашу дочь единственную,
Единственную нашу дочь
Зло обидел?»
В чум его не впустили,
А утром поехали прочь,
Откочевали куда-то
Чужеземцы, люди богатые.
Яран-парень
Один остался
На месте бывшего чума:
«Что мне делать,
Куда мне податься?
Никакого жнлья нет в тундре».
Так бродил он,
Бродил один,
Одежонка совсем обносилась,
Развалились обутки стоптанные.
Парень совсем продрог,
Так что ноги его подкосились.
«Прнлягу на этой сопке,
Пусть смерть меня сторожит»,—
Подумал он так и прилег.
И теперь еще там лежит.

39. СВАТ И СВАТЬЯ

Когда-то один яран
Жил-поживал.
Вот однажды к себе пастухов
Он подозвал
И сказал:
«Мои пастухи, собирайте
Рано утром

В кучу оленей!
Завтра буду
Я сватать сватью!»
Наутро его работники
Согнали пятьсот оленей,
Окружили четыре сотни.
Вышел из чума яран,
Взял сыромятные вожжи,
Пристегнул четырех оленей,
Белою мастью схожих.
Четырем этим белым оленям
Он лямки надел на шею.
Из-под ямдзуу
Их морд не видно,
Из-под лямок —
Их шей не видно,
А когда он надел ремни —
Скрылись сразу
Спины оленьи.
И запряг он
Пятнкопыльную
Нарту себе в дорогу.
Белый амдёр в ноги
Он себе постелил,
На нарты он положил
Из неблюя белую парку,
К теньдеру привязал.
В чум свой зашел.
Там он взял
Белые пимы с узорами,
Праздничные.
Нарядился, оделся яран,
Поездке радуясь скорой.
Надел он красивую малицу,
Панды малицы —
Десять полос,
Капюшон черный-пречерный
С темной широкой опушкой.
Оглядел себя:
«Нет, теперь-то
Ни за что не узнает сватья,
Чей сын к ней свататься едет!»
Схватил он пятнсаженный
Харей, развязал вожжи,

На нарты сел и оленей
Погнал по знакомой дорожке.
Из-под нарт его — высока —
Метет белоснежным хвостом пурга.
Недалеко и отъехал,
Как чум сватын уже увндал.
Услышав его оленей,
Собаки подняли лай.
Смотрят из чума сватья:
«Кто ж это там едет,
Чей это сын,
Как узнать мне?
Может, он едет мимо?»
И двери
Сватья тогда прикрыла,
Снова она уселась
Вышивать нарядные пимы.
А сват не проехал мимо,
Он привязал упряжку,
Бодро ступает, весело,
Направляется в чум к невесте.
Около чума отца
Он не задерживается.
Сватья шитье бросила,
Кинулась чай готовить.
Сват молвит:
«Я не в гости,
Не чай пить к тебе прибыл». —
«А зачем же, коли не просто?»
— «Сватать тебя я приехал». —
«Но я за тебя не выйду». —
«Почему?.. Тогда дай брякалу
Одну из твоих четырех!»
— «Дам одну — и не будет пары». —
«Если не дашь мне брякалу,
Дай колечко, одно из сотни!»
— «Дам одно — и пары не будет». —
— «Если так...» — и вскочил сват,
К выходу подошел.
«Ладно, сватья, —
Он молвил всего лишь, —
Этот день ты когда-нибудь вспомнишь!»
Вышел вон и помчался назад.
Из-под полозьев взвилась — резка —

Пурга, словно гнев его и тоска.
Вот за холмом уже скрылся сват —
Сватья на море кинула взгляд,
Видит, большой корабль к берегам
Плывет, плывет по белым волнам.
Сватья к работе своей вернулась,
А корабль незнакомый уже пристает
Как раз напротив соседских чумов.
Стал из него выходить народ.
Много людей на берег вышло —
Словно черный лес на сопке колышется.
Сидит сватья за своей работой,
А отец у чума мастерит что-то.
Видит, к отцу эти люди подходят,
Ее, девицу, сватают вроде.
Не соглашается с ними отец,
Стали грозить они наконец:
«Дочку свою нам отдай добром,
Или мы силой ее увезем».
Тут ее батюшка и согласился.
Отворила двери тогда девица:
«Отец-кормилец,
Скажу тебе вот что:
Не пойду я к ним замуж,
Ты иди сам уж,
Если хочешь».
Отец не слушает своей дочери,
Замуж ее отдает.
Велел пастухам он оленей согнать.
Девушка вышла тогда помогать.
Окружили они ездовых быков,
Отобрал отец из них самых лучших
Оленей, согнали их в кучу...
Тут дочь не сдержала слов:
«Отец мой, кормилец,
Выдаешь меня — выдавай,
Но оленей моих не трогай!
Иль не видишь,
Что слезы у них льются,
Слезы у них, у оленей, льются,
Капают до земли.
Выдавай меня замуж,
Но оленей не трогай,
Но оленей моих отпусти!»

Отец ее и не слушает.
В руки он взял вожжи,
Этих оленей лучших
Стал привязывать,
А затем он погнал их к морю,
Связанных друг с другом.
Ноги оленям стреножили,
На корабль загнали испуганных.
Последней девица взошла.
Поплыли они по волнам.
Вдруг страшный ветер
Волны взметнул,
Мачты сломал,
Паруса порвал,
А потом и корабль перевернул.
А сватья была смелой.
Удалось ей забраться на днище.
Все погибли: люди, олени,
Только ветер морской свищет.
И носило ее, носило
Долго в открытом море.
Пока наконец не прибило
К земле ее тяжкие волны.
На берег девица сошла,
Проголодалась она,
Замерзла она и устала,
По берегу бегать стала,
Чтобы согреться немного.
«Куда поведут меня ноги,
Туда и пойду» — так решила
И от берега прочь пошла.
Шла она, долго шла,
К жилищам людским спеша.
Одежда ее порвалась,
Голод ее замучил.
Наконец добрела до чума.
Тут и сил последних лишилась.
На утицу она присела,
Отдохнуть немного решила.
Посидела и в чум смело
Направилась, но туда
Ее не пустили люди.
Оказалось, то был чум свата.
«Я никогда не забуду,—

Сказал он,—
Не забуду я, как когда-то
Приходил я к тебе свататься
И с отказом вернулся обратно.
Ты словом одним отрезала,
«Нет»,— сказала,— «не пойду за тебя».
А когда попросил я брякалу,
«Пары не будет!»— ты крикнула.
А когда я из ста колечек
Попросил одно-единственное,
«Пары не будет»,— ответила
И не дала ничего.
Всё-то есть у тебя,
Всё-то есть,
Все-то пары твои целехоньки,—
Только места тебе нет здесь».
Не пустил он ее в жилье,
Сам к оленям своим ушел.
А женщины, только он скрылся,
Ввели ее в чум, тепло
Напоили ее, накормили,
Одели ее и обули,
И на сердце ее отлегло.
Сказали они ей: «Будешь
Всё идти ты вон в ту сторону,
Добредешь до чума родного».
Как сказали ей, так и пошла,
И наконец добрела
Она до чума. Узнала,
Что мать ее умерла
Давно, наверно, от горя,
Что пропала дочь ее в море,
И отец одряхлел, плох глазами.
Так работник ей рассказал,
Старый работник, оставшийся
Помогать ее бедному батюшке.
Сказала тогда девушка:
«Добрый верный работник,
Хочу я с тобой поделиться,
Дам половину стада —
И себе половинку возьму.
Буду жить я сама по себе,
Ведь живою в родной чум
После стольких я бедствий вернулась!»

Сказала эти слова
И свое обещанье сдержала.
Стала жить-поживать незаметно.
Добрая девушка эта
И сейчас, наверно, жива.

40. О ВЕДЭ

По лесу ходил Ведэ мой.
Удачной охота была.
Наконец вернулся домой,
А старуха-то умерла.
Сел дед у кровати
И причитать начал:
«Продольный шов ушивавшая,
Заплату по кругу латавшая,
Варившая суп да кашу,
Куда ты ушла?..
Мне ведь нельзя без тебя,
Как я буду один в чуме?!»
И так мой Ведэ подумал,
И этак мой Ведэ подумал:
«А ведь дочка моя где-то есть,
Пошлю ей печальную весть,
Пошлю ей печальную весть,
Пусть попрощается с мамой».
Так он и сделал. Дочка
Являлась еще до ночи,
Начала оплакивать мать:
«Умерла моя вкусномолочная
Матушка, а я не была
С ней, как стала она умирать.
Как же она померла?..
Мое ячменное зернышко,
Матушка, может, болела,
Золотое ее сердечушко,
Может быть, тихо сгорело.
Или ей в срок не подали
До краев тарелочку полную?
Ведь никто, никто не видал
Кончины моей матушки!»
Так я плакала, плакала,
А потом мы тело на кладбище
Снесли и закопали

В землю сырую, холодную.
И стали тогда мы с батюшкой
Жить вдвоем в нашем чуме.
Отец промышляет охотой,
А я обеды готовлю.
Так сидим мы однажды,
Горе деля пополам.
Всё причитает отец мой.
«Что причитаешь, батюшка?»
— «Ох, старуха моя умерла,
Никак без нее не согреться,
Ведь одна у меня была».
Тут мое не стерпело сердце,
И я зарыдала тогда.
С отцом причитаем вместе,
Уж и вся-то прогоркла еда.
Я кричу, восхваляю
Свою родимую матушку,
А старик стоит и качает
Головою, тяжелой от дум.
Прежняя жизнь мнлая,
Видно, пришла на ум.
Еще громче я завопила,
Вспоминая, как раньше было.
А была я одна у матери —
Малая дочка мада.
Но мне не явилось счастье,
Неудачлива я — так рыдаю,—
И о смерти-то матушки бедной
Ведь я не знала, не ведала.
Сердце — зерно ячменное,
Сердечушко золотое
Вот-вот разорвется от горя.
Отец говорит: «Мы долго
Причитаем с тобой, однако,
Всё равно ведь не встанет бедняга».
И отправились мы домой.
Когда на день девятый
Пришли на помин соседи,
Стал пенять им отец мой:
«Почему вы к моей старухе
Не пришли, с ней не посидели?»
Отвечают люди: «Мы утром
Зашли, дверь была заперта,

Мы стучали — никто не откликнулся». А старик о своем: «Вы тогда В дом должны были проникнуть-то». Отвечают те в оправдание: «Ведь мы друзья ваши давние, Каждый день мы ее навещали, Сидели с ней, тихо беседуя, О болезнях ее не ведали, Ни на что старуха не жаловалась». Стали всё припоминать, Заговорили соседи О последних днях моей матери. Долго мы с ними сидели. Трудной была жизнь ее. Сколько себя я помню, Нам всегда жилось тяжело, А ведь кое-кому и привольно. «Я тоже когда-нибудь Умру. Моя дочка, доченька, К концу мой подходит путь, Становится шаг мой короче. Не оставляй отца, Мада, моя голубка. Ведь работа моя — не шутка, Надо лес исходить до конца. Летают птицы крылатые, Белки прыгают быстролапые, Скачут с ветки на ветку, А мне их поймать хочется. Нужно мне путик проверить, Силки ведь расставлены, доченька. По лесу хожу я как-то — Вот в силок попалась глухарка, А в другой силок — глухарек. Смотрю я в третий силок, А в нем горноста́й поник. К избушке лесной повернул я, Да груз мой уж больно велик, Хоть к тяжестим я и привык. «Кто мне поможет?» — я думаю. Один я живу трудом. Еле-еле избушки достичь Удалось мне, зато потом Ощипал я свою дичь,

Самый жирный кусок сварил.
Как поел — вся прошла усталость» —
Так мне старик говорил.
Минуло несколько суток.
В лес мы с отцом собрались.
Обошли мы, проверили путик
И вдруг набрали чуть подальше
На медведя. Я стала кричать,
А отец обернулся и дважды
Из винтовки своей выстрелил.
Кинулся зверь бежать,
А собаки за ним — быстрые,
Да не смогли догнать.
По лесу идем — весело
Птицы щебечут, песни
Выводят свои, все-то
Пташки живут парами.
И сказал мой отец старый:
«Только я один без жены».
Дальше пошел он один.
Видит, озеро белое блещет,
А рядом бежит река.
Там поставлена у старика
Большая верша.
Осмотрел он ее: крупная
Попалась рыба сегодня.
Сложил он улов в лузан
И пошел осмотреть продольники.
Видит, там рыбы столько,
Что с собою не унести.
Но, что делать, старик придумал:
Снял с березы он бересты,
В бересте засолил часть рыбы
И всё сложил под сосной,
А потом, сколько смог, взвалил он
На себя и к избушке лесной
Побрел. Как пришел в избу,
От усталости сразу заснул.
Только спал он всего два часа
И опять пошел к тому месту,
Где стояла у речки сосна.
Посмотрел он — а рыбы нету.
Видно, звери всё съели тут,
Растащили проворные птахи.

Даром пропал его труд.
Головой лишь старик потрянул
И обратно к избе повернул.
А навстречу ему — росомаха.
Притаился он, поберегся,
Чтоб на него не набросилась.
А как в избушку вернулся,
Чай вскипятил вкусный,
Рыбы себе нажарил,
Сел есть — тут и дочка явилась.
Спросил: «Что ж так долго шла ты?
Рыба, остаток, хранилась
У реки под сосной, но пока
Ходил я сюда и обратно,
Звери ее растащили».
А дочка зовет старика:
«Пойдем, мой отец, домой!»
Взяли они с собой
Набитые туго мешки.
Много дичи несут, много рыбы.
Не нарадуется старик,
Что сегодня груз так велик.
С добычей домой прибыли
И позвали соседей в гости.
Напоили всех, накормили,
А собакам бросили кости.
Открыл старик няр керка,
Уселся выделявать замшу —
Очень долгое это дело.
Давно у него раньше
Накопились олени шкуры —
Не меньше семнадцати тысяч.
Предстоит занятие трудное,
Надо все намочить их,
Надо всё обработать.
Но начал старик с охотой
В своей мастерской возиться.
Шкуры держал в водиче,
А когда хорошо намокли,
Обрил их лезвием острым
И в известку затем положил.
Лежали они в известке
Не меньше недели, после
Старик сидел, их скоблил,

Обрабатывал их щелоком.
Выбрал потом, отложил
Шкур этих двести с лишком
И с ними на улицу вышел.
Там он запряг степенных
Сильных троих мерин.
Стали вращать они ворот,
Ходить, до утра шкуры мять.
Утром пришел старик
Шкуры свои взять,
Повесить на колосник.
А потом он их снял опять,
Дал их в работу меринам.
После шкуры старик разложил
И смазал их жиром тюленьим.
Как обработал жиром,
В мялку опять положил их.
Крутят-вертят лошади мялку,
Ходят по кругу быстро.
Высушил шкуры отец
И натянул на пялы.
Снова их тщательно выскоблил
И разложил — наглядеться
Не может на шкуры готовые.
Стала замша товаром.
Тут приспела и ярмарка новая,
А на ярмарке —
Товары все дорогие,
Вкусные сладкие вина.
Потом за работы другие
Взялся старик, коли мог.
Начал сплавлять лес он.
Какой в этом прок —
Известно,
Лес — это лучший товар.
Работают там на сплаве
Обычно девчонки да парни.
Но взялся и он, хоть и стар,—
Ведь там хорошо зарабатывают.
А как зима наступила,
Мы на рубке работать стали.
Это лучшие годы были —
Молодые мои года.
Крепко я потрудилась тогда,

А раньше-то и не знала —
До двадцати двух лет,
Что вкусная значит еда,
Что такое питье вкусное.
А теперь-то чего только нет!
Раньше в одежде заношенной
Ходила, в обутках стоптанных —
Да на старость себе заработала
Жизнь хорошую.
Долго еще жить буду.
Сердце мое радуется,
Душа милая тешится:
Что захочешь теперь —
Обуешь,
Что понравится —
То и наденешь.
Нынче садимся за стол,
Из еды всё что надо — есть.
А ведь видеть нам довелось
Всякую жизнь здесь.
Счастливая молодость наша
Прошла, позади осталась.
Как же так,
Я себя спрашиваю,
Вся прошла она, словно малость,
В необъятную даль спеша?
Да, зимою она прошла,
Занесло ее снегом глубоким,
Затянуло в осенней грязи,
Под порывами ветров жестоких
Осталась она позади,
Тучной травкою летней
Заросла.
Так она и прошла...
Была я тогда и петь-то,
И сказывать сказки талантлива.
Гулять мы пойдем, бывало,
По дороге укатанной.
Идем и поем песни —
Людам на зависть,
На поученье.
Всё позади осталось,
Всё пропало,
Исчезло...

ПРИМЕЧАНИЯ

Первые записи коми эпической поэзии датируются серединой XIX века и принадлежат известному петербургскому ученому финно-угроведу, коми-зырянину по происхождению, Г. С. Лыткину и усть-сысольскому энтузиасту-краеведу С. Мельникову, записывавшему фольклор по заданию Русского Географического общества. В 1889 году ее отдельные образцы были опубликованы Г. С. Лыткиным в книге «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык». В начале нынешнего столетия во время фольклорных экспедиций финна Ю. Вихмана и венгра Д. Фокоша-Фукса также было выявлено от южных коми несколько эпических песен и впоследствии опубликовано в переводе на немецкий и венгерский языки. Одновременно с Д. Фокошем-Фуксом в 1910-х годах на севере Коми края и на Канинском полуострове среди северных коми побывал венгерский путешественник Баратоши Болог Бенэдэк. С помощью коми учителя П. И. Киселева им была впервые зафиксирована и переведена на венгерский язык ижмо-колвинская эпическая песня о трех братьях-охотниках, исполнителем которой был ижемский оленевод из села Колвы И. П. Хатанзейский. К сожалению, до последнего времени запись эта не введена в научный оборот, хранится в этнологическом архиве Будапештского национального музея. О ней нам любезно сообщил венгерский фольклорист Мартон Иштванович.

В советское время отдельные образцы эпической поэзии южных и западных коми-зырян появлялись в фольклорных сборниках П. Доронина, И. Осипова, Ф. Плесовского, А. Микушева, П. Чисталева, Ю. Рочева, М. и С. Кондратьевых. Эдиционно-собираТЕЛЬская традиция получила значительное развитие в 1950 — 70-х годах в связи с образованием сначала Коми филиала АН СССР, а позднее и Сыктывкарского государственного университета имени 50-летия СССР.

Что касается произведений ижмо-колвинского эпоса, бытующего на северном ижемском диалекте коми-зырянского языка, то первые их публикации относятся ко второй половине 1960-х годов, когда появились сборники А. К. Микушева и П. И. Чисталева «Коми йӧзкостса сыланкывъяс» (Коми народные песни. Т. 2. Сыктывкар, 1968) и А. К. Микушева «Коми эпические песни и баллады» (Л., 1969). Тогда же в венгерском журнале «Этиография» Э. Вассон напечатал три ижмо-колвинские эпические песни в переводе на венгерский язык. В 1987 году в издательстве «Наука» во всесоюзной серии «Эпос народов СССР» вышел том «Коми народный эпос». Таким образом, можно сказать, что история открытия и изучения

ижмо-колвинского эпоса насчитывает немногим более двух десятилетий. По инициативе А. М. Астаховой в конце 1950-х годов в Коми филиале АН СССР была создана творческая фольклорная группа (А. К. Микушев — научный руководитель, П. И. Чисталев, Ю. Г. Рочев, В. М. Кудряшова, Е. А. Игушев, В. В. Тимии, Н. Д. Бараксанова, впоследствии группа пополнилась студентами Сыктывкарского государственного университета). Задачей группы было фронтальное изучение коми эпических форм, соседствующих и контактирующих с русским былевым эпосом Печоры. В ходе многолетних фольклорных экспедиций, в которых в разное время приняли участие венгерские ученые Э. Вассои и К. Редэи, было записано свыше ста пятидесяти эпических песен и сказаний на огромной территории, охватывающей помимо Ижмо-Печорского бассейна Коми АССР также ижмо-колвинские поселения в Мурманской, Архангельской и Тюменской областях. Предварительные итоги изучения этого огромного и уникального фактического материала изложены в книге А. К. Микушева «Эпические формы коми фольклора» (Л., 1973), а также в цикле его статей, опубликованных в научном журнале «Финно-угорского общества» в Хельсинки.

Опыт работы над указанными выше изданиями коми народной поэзии, исследовательские результаты использованы при подготовке данного собрания. Соблюдая преемственность, составитель счел необходимым выделить в настоящем издании новые аспекты. Если в предыдущих фольклорных сборниках коми народная поэзия была представлена или только на языке оригинала, или в научных подстрочных переводах, то в предлагаемой книге впервые даются литературные переводы, выполненные В. С. Шалытом и Н. А. Десницкой.

Состав антологии в основном сохранен прежним, но с определенными коррективами. Объясняется это следующими соображениями. По фактическому содержанию коми эпическая поэзия строго делится на две главные части: коми-зырянские эпические песни и ижмо-колвинский эпос. Этот принцип всегда лежал в основе научных публикаций, на нем же основывается и настоящая антология. Коррективам подвергалась структура этих частей, с тем чтобы читателю стал понятнее генезис и эволюция коми эпических форм — протоэпических, классических и постэпических. В связи с этим в разделе «Коми-зырянские эпические песни» на первый план выдвинуто уникальное песенное сказание о поединке юноши-мстителя с тотемным медведем, а уже затем даны героические песенные повествования о подвигах богатырей Педора Кирона и Кирьяна-Варьяна. Так как в формировании классических эпических форм значительная роль принадлежала русскому былевому эпосу и духовным стихам, для антологии отобраны и коми эпические песни об Илье Муромце, об Алексее человеке божьем. В заключение раздела помещены образцы коми баллад о Горностай-девице, о деве, проглоченной «большой шукой», о полонянках, невыкупленных девах.

Второй раздел выдержан в несколько ином ключе. Так как протоэпические формы ижмо-колвинского эпоса встречаются предпочтительно в прозаических жанрах, которые отсутствуют в антологии, а имеющиеся в нашем распоряжении протоэпические песенно-прозаические сказания представляют более научный, нежели поэтический интерес, раздел открывают, да и составляют его основу, богатырские песни о героическом сватовстве, кровной мести, межплеменных конфликтах. Раздел заканчивается песнями балладного типа.

Трудные для понимания, устаревшие слова или специфические

коми и немецкие слова, использованные переводчиками в текстах, поясняются в «Словаре».

Антология стала возможной благодаря многолетию и многотрудным усилиям упомянутой выше творческой фольклорной группы ученых Коми филиала АН СССР и студентов коми отделения Сыктывкарского государственного университета имени 50-летия СССР, за что составитель выражает им свою признательность.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. *Емва и Весыва* — реки в Вымско-Вычегодском бассейне; их русские названия — Вымь и Весляна. *Коли Ен судил — проглотишь*. По коми мифологическим представлениям, Ен, верховный бог, сотворив землю, жил на небе в большой избе, не вмешиваясь без необходимости в земные дела; являлся символом доброго начала, противостоящего злу.

3. *Воронко мой вещей, Сивка-бурка, явись!* Для коми эпической поэзии типично включение в повествование персонажей русских сказок, сказочных образов и выражений.

5. *Стоял там на достойне*. Достойной, достоянием называется небольшой благодарственный молебен в середине обедни, начинающийся словами «Благослови, Господи, достояние твое...».

6. *Тьма татар поганных*. В церковнославянском языке «тьма» обозначала «десять тысяч». Условные подсчеты, принятые в исторической литературе, показывают, что каждый из девяти чингизидов командовал «тьмой, туменом».

8. *Костра* — внутренняя часть стебля волокнистых растений, раздробляемая и отделяемая от волокна при мятье, трепании.

11. *Вывела ее к широкой Каме*. Обычно в коми фольклоре Кама, Комму — предполагаемая прародина финно-пермских народов.

12. *Чтобы масло русское в нем растапливать*. В коми фольклоре определение «русский» является постоянным оценочным эпитетом для обозначения превосходной степени, высшего качества.

15. *Уведут тебя отсюда немцы-татары*. Выражение «немцы-татары» является обобщенным фольклорным символом иноземных противников, хотя коми-зыряне не пережили ни татарского, ни немецкого нашествия.

18. *Во полон ее уведат в край чужой, Где грохочут, где трубят трубы медные*. Устойчивая образная формула — символ войны, кровавого побоища; встречается помимо баллад и в лиро-эпических обрядовых причитаниях. *Тьма татар* — см. примеч. № 6.

22. *По травинкам оказалось: Десять лет в постели спал я.* Устойчивая метафорическая формула для передачи эпического времени — быстротекущей смены времен года: богатырь спит глубоким сном десять лет, и на лежащих рядом с ним досках-латах скопилось десять травинок разного срока произрастания.

23. *На паршивую нялуку-шкуру Уселся я.* Устойчивая образная формула, призванная подчеркнуть униженное положение героя, оттенить социальное бесправие оленевода-пастуха. *Нялука* — самая некачественная оленья шкура, не пригодная для покрытия чумов или шитья совика. В ряде песен униженный всеми герой вынужден садиться на грузовую иарту-утицу: образ выполняет ту же функцию. В противоположность работнику-оленеводу, хозяин оленьего стада садится на самое почетное место — на прочные мамонтовые нарты. *Обдорск* — см. вступ. статью: с. 34.

24. *Был у меня там упрятан тулуп русский.* Здесь определение «русский» указывает не на происхождение вещи, а на высшее качество ее — см. примеч. № 12. *И блесит единственным глазом.* Имеется в виду антропоморфное чудовище-великан, именуемое то Сюдбеем, то Сюдбеем-Гуидыром, то Варуучичором.

25. *Спряталась под полог свой.* Молодые яранки, героини эпоса, никогда, без крайней на то надобности, не должны были встречать посторонних мужчин вне чума. Сваты или жеинхи всегда застают невесту в чуме под пологом, занимающейся рукоделием или шитьем пим. *Будет поздно, если брошу я гранату.* Упоминание гранаты, как и, например, исполинского чайника, пришедшего на смену традиционному медному котлу с семью ушками, навеяно новой действительностью, является более поздней интерполяцией. Богатыри сражаются друг с другом обычно при помощи луков и стрел, хорea, иожей, рогатин, ольховой дубины, нередко используют сказочную «семисоставную саблю», а также ружье-пищаль.

27. *А сам и не знаю, Не знаю я, что такое Означать могло бы Слово «Перегнать».* В экспозиции большинства песен малыш — будущий богатырь — предстает полным неумехой, несмышлеышем, не понимающим самых простых слов, не умеющим исполнить простейшую работу. Вместе с тем он моментально осваивает навыки оленеводческого мастерства, как только отец, дядя по матери или мать объяснят ему, как следует поступать в том или ином случае.

28. *Мамонтовый* — устойчивый эпитет в ижмо-колвинском эпосе, служащий для обозначения могущественности, прочности, добротности. *К лиственнице этой привязан Дикий большой сунду-лось, И крупный олень рядом На земле лежит освежеванный.* Лиственница почиталась северными народами как священное дерево. Возле нее устраивались жертвоприношения оленями. Он — хозяин большой земли. Устойчивая образная формула для обозначения главного богатыря. *Мой тесть — Тёньдер айка медный. Второй — Тёньдер айка железный. И Тёньдер айка стальной* — кличка тестя моего третьего. Здесь клички героев даны по деталям принадлежащих им нарт.

30. *Мохнатый Арсень* — родовое прозвище богатого салехардского купца. Дядю связывать стали, Связывать, скручивать руки цепями. Ссылаясь на официальную версию поимки Ваули, изложенную в «Деле Главного Управления Западной Сибири о возмущении остяков Березовского края самоединым Ваули Пиеттомином», Ю. Рочев пишет: «28 августа 1839 года Пиеттомин и его товарищ Вайтин бежали из Сургутской ссылки и вернулись на лодке в Обдорскую тундру. Здесь Ваули собрал поддерживавших его ненцев и хантов, и с отрядом в 400 человек двинулись к Обдорску. В верстах 25 от Обдорска отряд остановился на пересечении путей перекочевков, чтобы тем самым воспрепятствовать преждевременной сдаче ясака в казну. На следующий день 14 января 1841 года Ваули с группой наиболее близких ему людей (40 человек), введенный в заблуждение местным торговцем Нечаевским, который уверял, что в городе нет ни казаков, ни чиновного люда, въехал в Обдорск и по приглашению остяцкого князька И. Тайшина зашел к нему в избу в гости. С Ваули подобострастно сняли верхнюю одежду, угостили его вином, мерзлой осетриной. Ваули, видя такую покорность, наивно полагал, что он легко сместит опостылевшего всем князька и заменит его другим хантом Яптой Мурзиным, кроме того, он хотел пересмотреть и значительно снизить размеры ясака. Однако вокруг дома уже заранее была устроена засада из казаков, местных обывателей, торговцев. Исправнику Скорнякову удалось выманить Ваули на улицу, оторвав его на какой-то миг от товарищей. Этого оказалось достаточным, чтобы разобщить силы ничего не подозревавших восставших, схватить Пиеттомина и обезглавить движение» (Рочев Ю. Коми варианты ненецких преданий о Ваули Пиеттомине // Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1979. № 21. С. 17.). *Катша Ваньки народ... Инька Юра большой род* — названия родовых групп колвинских яранов, кочевавших как раз по местам гибели Вавлѣ.

33. *Большая сопка* — традиционное название места жертвоприношений. *Украшенья-то в косах весело Побрякивают, позвякивают.* Колвинские иньки, молодые женщины, имели обыкновение вплетать в косы разные металлические побрякушки. *Я была совсем еще маленькой, Когда они приезжали.* Среди предков колвинцев существовал обычай женить детей до совершеннолетия: отец невесты и отец жениха сговаривались заранее между собой о женитьбе детей и о размере выкупа за невесту.

34. *Имела земля наша Границу-межу с харачеями.* В произведениях эпоса действие всегда происходит в пространстве между двумя землями: «своей» и «чужой». Граница-межа, разделявшая их, считалась священной и неприкосновенной, за ее нарушение следовала расплата — возникал конфликт.

35. *Трещат на большой тропе, Ломаются сучья крупные, И малые сучья хрустят На малой тропе.* Устойчивый поэтический оборот для обозначения надвигающейся грозной опасности, а также для указания на большое оленье стадо. *Большой тропой* оленеводы называли пастбище, на котором пасется большое стадо длительное время, а *малой тропой* — такое, на котором пасется малое стадо короткое время. *На лыжах, обитых шкурой бобра.* Образ чудесных лыж, с помощью которых герой в один миг покрывает огромное расстояние, относится во

всем коми фольклоре к самым популярным (лыжи Йиркапа, Перы-богатыря). *А догнали б вас на полпути, Не видать бы тебе ее!* По местному обычаю, сохранившемуся в памяти старожилов, родственники похищенной невесты могли возвратить ее в том случае, если настигали ее не далее чем на полпути к чуму жениха.

36. *Все зовут его — Горностаевый Совик.* Имена большинства ижмо-колвинских героев даются по их внешнему виду, положению в обществе и семье, по принадлежащим им оленям, например: Хозяин четырех черномастных оленей, Хозяин Морского мыса. Кличка батрака *Горностаевый Совик* здесь имеет иронический смысл, призвана подчеркнуть нищенское, бесправное положение пастуха-оленовода, который вынужден бдваться в лохмотья, выброшенные хозяевами за ненужность.

39. *Завтра буду Я сватать сватью.* У коми-зырян, как и у русских, «сватом», «сватей» называют родителей или родственников другого супруга. Однако у колвинцев эти слова означают также двоюродных брата и сестру. Следовательно, в балладе нашли отражение мотивы кросскузенного брака, тема сватовства кузена к кузине.

СЛОВАРЬ

Авко — олень, вскормленный в чуме; ручной олень.

Айбарч — струганая мерзлая оленина или рыба.

Айка — тесть.

Амдёр — мягкая подстилка из оленьей шкуры на нартах.

Аргыш — караван грузовых нарт, где упряжные олени привязаны за шею к задку впереди идущей нарты.

Ас му — своя земля; место, где обитает род, в отличие от *мёд му* — чужой земли, места обитания другого рода.

Брякала — часть оленьей упряжки.

Важенқа — самка оленя.

Ваньдей — нарта со специальным ящиком для перевозки хорошей одежды, мягких выделанных шкур, ценного хозяйственного скарба.

Вай — ненецкое название энецкого рода, обитавшего в долине Енисея.

Вевт — покрытие.

Веретья (вереть) — грива; сухая возвышенная гряда.

Воль — шкура взрослого оленя или теленка, забитого поздней осенью.

Ворга — путь, по которому кочуют олени стада; оленья дорога.

Вом ёрт — собеседник.

Грива — холм, поросший лесом.

Гундыр — сказочное чудовище, в виде многоголового змея или дракона.

Дадьюу — упряжка, оленья повозка.

Ема — колдунья, ведьма.

Инька — молодая ненка.

Йогра-яран — собирательное наименование угро-самодийских племен, с которыми коми-зыряне находились в ближайшем соседстве и родстве.

Камыс — полосы шкуры с оленьей ноги, употребляемые для шитья пим.

Карзак — отгороженное место (санями или деревьями) для ловли упряжных оленей.

Керч — карликовая береза; клоповник, болотный багульник.

Керча-ю — река, берега которой заросли керчем.

Комель, кӧлель — отростки оленьих рогов.

Куд — лубяной короб, служащий для хранения предметов и орудий рукоделия.

Кундас — снежная завалинка вокруг чума.

Ламдо — название рода, обитавшего к востоку от Печоры.

Липтича — пыжиковые чулки шерстью внутрь (носят под пимами).

Лорцовка — одинокая кочка на возвышенности.

Лямна — короткие и широкие охотничьи лыжи.

Мада — милый, дорогой (обращение).

Малица — повседневная и нарядная зимняя глухая одежда из оленьих шкур, мехом внутрь, с капюшоном.

Мандо — название энецкой родовой группы.

Машило — пугало для волков; какой-нибудь знак, выставляемый для заблудившихся в тундре людей.

Мейко — сноха.

Менурей — крупный, кастрированный недрессированный олень; в хорошем стаде — вожак стада.

Мокота — остов чума из двух жердей, связанных в верхних концах веревкой; дымоход.

Мусюр — гористое место, возвышенность, сопка.

Неблуй — шкура не достигшего годового возраста олененка.

Недег — палка, связывающая головки полозьев нарт.

Нодья — костер из толстых бревен, рассчитанный на длительное горение.

Нюк — верхняя крышка чума из оленьих шкур мехом наружу.

Нялуку — годовалый олень.

Няпой — рабочий олень.

Няр — замша; няр-керка — мастерская по выделке замши.

Няревей — очень белый; масть оленя.

Няртцо — мох на болотах.

Озын — причал для лодок, принадлежащих одному роду.

Падко, патко — мешочек, сумочка для мелких домашних вещей, а также мешки из-под обуви, одежды.

Палах — ком, комок, пласт льда.

Панды — оторочка подола верхней меховой одежды.

Паница — верхняя женская нарядная одежда из оленьих шкур мехом наружу.

Парка — зимняя верхняя одежда, сшитая из шкур мехом наружу.

Пас — знак, отметка, метка, клеймо.

Пелей — пристяжной олень.

Пелення — оленья узда.

Пимы — меховая обувь из камысов.

Плавник — обломки деревьев, разбитых судов, срубленные или упавшие деревья, плавающие в море и выбрасываемые на берег.

Плячей — часть оленьей упряжи.

Полог — утепленное спальное помещение внутри чума; устраивается из оленьих шкур, освещается и отапливается жирником.

Помочь — работа сообща нескольких семей за угощение.

Пуйня — веревка, которой привязывают оленя к впереди идущей нарте.

Пьяла, пяла — снаряд для растяжки сырых шкур.

Пьялэвэй — относящийся к *пяле* — раме для растяжки сырых шкур.

Пятей — колечко на передке нарт, для продевания вожжи.

Са — ремень, за который олень тянет нарту, постромка.

Саямка — ременная оленья упряжь, вырезанная из шкуры.

Самородка — олень серо-белого цвета, красивый олень.

Саю — враг, вражеское войско.

Сеюку — место в чуме у входа, предназначенное для пастухов-батраков.

Сима — отверстие на противоположной от входа стенке чума для притока воздуха в чум. (То же: синарузь.)

Синякуй — часть чума напротив входа, где хранятся посуда, продукты и священные предметы.

Совик — верхняя рабочая одежда из оленьей шкуры.

Стын — здесь: задняя рубленая пристройка избы.

Сусуй — название ненецкого рода.

Сюдбабц — ненецкие эпические песни о великанах; повествование в них ведется от третьего лица.

Сюдбей — мифологическое враждебное людям существо; ср. ненецкое *судбя* — великан, силач.

Сюнду — безрогий олень.

Сябуча — длинная нарта без настила, служит для перевозки досок, постелей, мешков из-под женской обуви и т. д.

Сядей — деревянный идол, болван; название родовой группы тундровых ненцев, живущих западнее Уральского хребта.

Тандара — площадка вокруг чума; места скучивания оленей в жару (на возвышенностях, ровных площадках с хорошо задериеиной луговиной).

Тасиний — название ненецких родов, живущих в низовьях Оби и в Гыданской тундре.

Теля — теленок оленя до одного года.

Тёньдер — дощатая спинка для легких нарт.

Тобеки — путы (у лошадей и оленей).

Тропала — колотушка для вытряхивания снега и осматривания ягеля.

Тшалак — пуговица на конце тяжка для закрепления упряжи.

Тынгос — персонаж эпических песен и сказаний, противник богатыря, чужеземец, представитель «другой земли» (тунгус, эвенк).

Тэбек — рабочая обувь из грубой кожи.

Утица — грузовые нарты для перевозки шестов, стоек чума, загрязненных предметов быта и деталей кочевого жилища.

Халенгат — олень, кормящийся мерзлой рыбой.

Халимер — покойник; место в тундре, где оставлен покойник.

Халсула — медное и костяное украшение, дужка или кольцо на ремне переднего оленя, через которую протягивается вожжа.

Хановей — ястреб.

Хапторка — яловая важенка.

Харачей — житель зауральской тундры.

Харей — длинный деревянный шест с костяным кружком на конце; хареем погоняют оленей во время езды на нартах.

Харму, хармо — изгиб (полоза нарты).

Хора — племенной олень-самец (в возрасте свыше двух лет); самец.

Хорканье — звуки, издаваемые оленями.

Чом, чум — общераспространенное у северных кочевников разборное жилище правильной конической формы; устраивался из наклонно поставленных шестов, обтянутых снизу доверху шкурами-нюками; дым от расположенного посередине чума очага выходил через отверстие в вершине конуса.

Чомкост — расстояние между охотничьими избушками.

Юр дон — выкуп за невесту (букв.: цена головы).

Яг — бор.

Ямдзуу — украшения из оленьей упряжи.

Яндо — северная овчарка.

Яр — парша, кожное заболевание задних конечностей северного оленя; парша у людей.

СОДЕРЖАНИЕ

Коми эпическая поэзия. <i>Вступительная статья А. К. Микушева</i> . . .	5
---	---

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Отец и одиннадцать сыновей	45
2. Педора Кирона зовут на битву	49
3. Педор Кирон сражается с йогра-яран	52
4. Педор Кирон защищает русскую землю	55
5. Богатырь Кирьян-Варьян	56
6. Красивый Роман и красивая Романица	57
7. Красивая Романица возвращается из полона	60
8. Илья Муромец и Калига	62
9. Алексей — человек божий	67
10. Три сестры пошли по смородину	69
11. Средняя сестра на берегу Камы	72
12. Дорога Горностай-девицы Чабанэ, Чабанэ	73
13. Горностай-девица и Турин-девица	75
14. Горностай-девица и охотник	81
15. Горностай-девица и Прекрасный Роман	83
16. Под окном зеленокудрая береза росла	84
17. Возле дома Гулю юр сидит	85
18. Тьма татар обступила хороводом	87
19. Вверх по Выми пароход плывет	89
20. Девушка с русой косой	91
21. Красавицу-девицу во полон берут	94

ИЖМО-КОЛВИНСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

22. Хозяин Керча-реки	96
23. Три Белоглазых хозяина	122
24. Нёси — богатый человек и младший Тыся сын	150
25. Сэро Евлэ	182
26. Жил когда-то некий Сюдбей	200
27. Семилетний мальчик	220
28. Сын Сядея-старика	244
29. Три Тынгоса	272
30. О Вавлэ	301
31. Жили когда-то яран и яранка	312
32. Старший Марка	313
33. Три Вай-брата	314
34. О Вэли	324
35. Евнлэ-брат	328
36. Горностаевый Совик	332
37. Девушка Мягкие волосы	335
38. Жили чужеземцы когда-то	341
39. Сват и сватья	342
40. О Ведэ	348
Примечания	355
Словарь	363

Коми эпическая поэзия: Сборник / Вступ. ст.,
К63 сост. и примеч. А. К. Микушева.— Л.: Сов. писа-
тель, 1991.— 368 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
ISBN 5-265-02103-5

Настоящее издание впервые представляет в «Библиотеке поэта» коми эпическую поэзию — творчество народов, населяющих Север нашей страны, мало известное широкому кругу читателей. Это издание включает произведения ижмо-колвинского и коми-зырянского эпоса, эпические песни и баллады — наиболее интересные и характерные образцы фольклорной коми поэзии.

К 4702310200—048
083(02) — 91 405—91

ББК 84. К01

КОМИ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Художник В. В. Еремин
Худож. редактор Г. Г. Семенов
Техн. редактор Г. В. Мисюль
Корректор Т. Л. Кувшинская

ИБ № 8016

Сдано в набор 23.04.90. Подписано к печати 02.04.91. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
19,32. Уч.-изд. л. 22,81. Тираж 10 000 экз. Заказ № 587. Цена 3 р.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинград-
ское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197110, Ленинград, П-110,
Чкаловский пр., 15.